

литературный альманах

ЛИКБЕЗ

издается с декабря 1989 г.

№ 24 МАРТ 2014

НА ПЕРЕДОВОЙ**2**

- Платон БЕСЕДИН ► СПАСИБО ЕВРОМАЙДАНУ ЗА КРЫМ**
Товарищ У ► ОРАНЖЕВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ОПЫТ ЛЕНИНА

2

3

ПОЭЗИЯ**6**

- ВЕСЕННЯ ДВАДЦАТКА** (Е.Банников, Ю.Баткилина, А.Бутько, Б.Гринберг, Е.Вагнер, М.Гундарин, Д.Евстигнеев, О.Демидов, Е.Евтушевский, Е.Егофаров, Е.Кузнецова, Д.Мерзликина, А.Нечаев, Е.Павлова, А.Павловская, А.Романцов, И.Слепнева, Д.Чернышков, М.Ярцев, Е.Янишевская)
Василий СЫРОЕЖКИН ► 3Е-ЗЕ (подборка стихов) 25
Александр РОМАНЦОВ ► ЛЮБОВЬ К КОНДУКТОРШЕ (подборка стихов) 27
Бямбын БУЖНОВ ► БАРАИХ ЯВСАН ТЭР ӨДӨР (подборка стихов) 30
Ника БАТХЕН ► У ПЕРЕПРАВЫ (подборка стихов) 32
Константин КОМАРОВ ► ОЧЕРЕДНОЕ УТРО (подборка стихов) 38
Виктория БЕРГ ► ПОХОДНАЯ ИГРОВАЯ (подборка стихов) 48
Елена ТИХОМИРОВА ► В КАЖДОМ ВЫДОХЕ КОЛЕСА (подборка стихов) 50
Сергей ГЛАВАЦКИЙ ► НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ (UFO.Ворбс) 57
Кристина КАРМАЛИТА ► В РУКЕ (подборка стихов) 74
Екатерина КЛИМАКОВА ► ДЕЛО НЕ В СВЕТОФОРЕ (подборка стихов) 78
Олег КОПЫЛОВ ► КИТАЙСКОЕ ВИНО (подборка стихов) 82
Дмитрий СЕВЕРОВ ► ЕСТЬ ЛЮДИ НАСТОЯЩИЕ (подборка стихов) 83
Юрий ТАТАРЕНКО ► ВЯЛО ТКУЩАЯ ЗИМА (подборка стихов) 86
Тимофей ТИМКИН ► НА ВОЗДУХ (подборка стихов) 91

НАШИ ИСТОКИ**17**

- Лев ТОЛСТОЙ ВОЙНА И МИР** (продолжение)

17

ПРОЗА**19**

- Вероника ЛЕБЕДЕВА ► ТУФЛИ** (рассказ) 20
Ирина СОТНИКОВА ► ТВАРЬ (рассказ) 21
Руслан ДОЛЖЕНКО ► СЛЁЗЫ ПОД ДОЖДЕМ (фрагменты утраченного цикла) 62
Алексей АРГУНОВ, Мария РАЙНЕР ► МИШКА (рассказ) 64
Устим ЮЖНЫЙ ► ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ АРОМАТ (рассказ) 67

ДЛЯ УМНЫХ**100**

- Иван КУДРЯШОВ ► ФИЛОСОФИЯ НУАРА: НОСТАЛЬГИЯ, ГОРОД, ГЕРОЙ** (статья) 100
Александр РЫЖОВ ► ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК АКТУАЛЬНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ (статья) 107
Товарищ У ► ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ МАНЬЯКОВЕДЕНИЕ (заметка) 111
Вячеслав КОРНЕВ ► СВОБОДНО МЫСЛЯЩИЕ ЛИБЕРАЛЫ (заметка) 114
Вячеслав КОРНЕВ ► ПРИВАТИЗИРОВАННОЕ БУДУЩЕЕ (о современной кинофантастике) 117

КРИТИКА**121**

- Михаил ГУНДАРИН ► ПОЭТИКА БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ** (о стихотворениях Натальи Николенковой) 121
Михаил ГУНДАРИН ► ИСТОРИИ ГОДА. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИТОГИ (заметка) 124
Иван ОБРАЗЦОВ ► ФЕДОРИНО ГОРЕ, ИЛИ ЧТО ДЕЛАТЬ? (о роли и значении художественной литературы для детей через интерпретацию стихотворений К.И.Чуковского) 126

ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ-МУЛЬТУРЫ**137**

- Наталья НИКОЛЕНКОВА ► ПОСВЯЩЕНИЯ** (подборка стишат) 138
Артем ДЕРЕВЯНКИН ► ПОРНОРАСКОЛЬНИКОВ (подборка стихов) 140
Сергей СЕРДЮКОВ ► ОЗНОБ (из сборника сатирических рассказов) 143
Андрей МАХАОН ► КРИВОКОБЫЛЬСКИЙ (цикл, который никогда не будет окончен) 149

НЕКРОПОЛЬ**150**

- Иван ОБРАЗЦОВ ► МОГИЛА ТРЕВОЖНОГО СЕРДЦА** (продолжение)

150

НАШИ АВТОРЫ**152**

Платон БЕСЕДИН ► СПАСИБО ЕВРОМАЙДАНУ ЗА КРЫМ

Могут ли на Украине ненавидеть Россию больше, чем ненавидят последние пять-шесть лет? Оказывается, могут. Как сейчас. До шевеления волосков, до судорог кишечника. Двадцать лет обработки, политвоспитания сделали свое братоубийственное дело. Скажи «Россия» – получишь в ответ кислотную ненависть. Точно задушить хочет.

Срабатывает как «якорь» из НЛП – вводит в нужное ресурсное состояние: на глазах пелена, сознание отключено. Ненависть априорная, без сомнений, без вариантов. Никаких компромиссов – переговоры обречены. Поэтому что если «русское», то обязательно инфернальное, агрессивное, воли и жизни лишающее. Дай Бог, чтобы так не бесповоротно, не навсегда. Хотя кажется, что все больше именно по этому раскольному вектору.

Российские войска – в Крыму. В Украине – мобилизация. В Украине – психоз. Странная новостная лента с дикими сообщениями вроде «украинские военные отбивались от российских спецназовцев палками». И рядом – «украинский солдат: буду стоять до последнего патрона, иначе дед не поймет».

Информационной пропагандой такое не назовешь. Больше напоминает неконтролируемое сокращение жеудка, стремящегося избавиться от накопившейся ядовитой желчи. То, что СМИ швыряют новостные «коктейли Грушевского» в одного врага, – это понятно, логично. Информационную блокаду, окончательно зацементированную, укрепленную «Евромайданом» – кто против, тот телеканал «Интер», – не прорвать. Чуднее другое – украинцы верят абсолютно всему. Безоговорочно, как в дважды два. Образованные, воспитанные украинцы. Постепенно мутирующие в разъяренных зверей.

Приезжаю из Севастополя в Киев. Первый вопрос: «Как прорывался? Война!» Где? С кем? Но бесполезно объяснять, что Крым – по-прежнему Украина. «Войска ввели! Путин! Кошмар!» – истероидно обязанных не успокоить.

Если удивлю, то простите, но российские войска стоят в Крыму вот уже двадцать лет. В секретных и не очень частях. За что платят украинскому государству деньги. 132 бронемашины, 25 000 человек, 22 самолета – столько разрешено по украино-российскому договору. До недавнего времени он всех устраивал. Как Россия устраивала два миллиона западных украинцев, ездивших в нее на заработки. В перерывах между приступами ненависти.

Но это раньше, до обещаний «раздавить московского монстра». А теперь Россия сама пришла в Украину. И спасибо за это должна сказать не своим сторонникам, а противникам. Тем, кто так яростно проклинал и хаял ее.

Не приглашали? Разве? Уточните у части населения Крыма, Юга и Востока Украины. Три с лишним месяца на «Евромайдане» сыпали, будто посевные работы вели, зерна ненависти к России, завешивая площадь плакатами с карикатурами на «имперцев», распевая бандеровские песни, обещая уничтожать москалей – этакий «жгуто-блакитный» джихад, – не забывая слать десант патриотичных хлопцов, шарахавших граждан, сбивавших памятники, в другие города. Для профилактики, для устрашения.

Конечно же, не обошлось без восклицаний: «Эй, вы, рабы! Что молчите? Чего не выходите? Валите в свою Россию!» И вдруг адресаты вышли. Сотни тысяч. Чтобы выразить мнение, чтобы идентифицировать себя. И это, собственно, главная неожиданность последствий «Евромайдана». Ведь думали, что, как в 2004 году, покорятся, согласятся, сглотнут. Действительно, поведут себя как рабы.

Но не на этот раз. Хватит! Слишком долго, усердно издевались над их культурой, историей, языком. Слишком нагло, безответственно вели себя по отношению к русским украинцам.

Ведь многие люди в Крыму и на Востоке, да и по всей Украине тоже, не просили о революции. Это надо помнить. И понимать. Они хотели рожать детей, зарабатывать деньги, сеять редиску. Им не нужны были горящие шины, убитые люди, горящие автобусы, разобранная брускатка. Они не просили свергать президента, хотя, скорее всего, он им тоже не нравился, но для выражения своего «фи» оставалось чуть меньше года – проголосовали бы на законных выборах.

«Рабы», «овощи» – называйте их как угодно, но они до последнего не хотели войны. Однако сознательные, активные украинские герои решили иначе. Решили за всех. Есть какая-то чудовищная, с оскалом безумия издевка в том, что новое правительство страны, вопиющей со дна политической, культурной, социальной, экономической бездны, первым делом думает о запрете русского языка и преследовании всего русского. Нет, потом спохватились, конечно, но Фарион с издевательствами над русскими детьми и Тягнибок, ненавидящий советских ветеранов, уже въелись в память другой (не лучше, не хуже) Украины. Но и снова, вместо того, чтобы выслушать, ее решили научить, перевоспитать, поставить на колени, снарядив «поезд дружбы».

А ведь ни о каком отделении от Украины речи не шло. Только об уважении. Вот тогда народ разозлился по-настоящему. И заявил: «Хотели, чтобы мы валили в свою Россию? Мы свалим!»

Люди Крыма, Востока вышли, чтобы сделать демократию такой, какой ее придумали в Украине. Подстроить под принятую модель. Выбрать своего мэра (вот только прежнего на колени не ставили). Сформировать отряды своей самообороны. Защитить свою позицию. И эту жуткую, разрушительную «свою игру» в «наш – ваш» начали не на площади Нахимова, а на «Евромайдане». Это там придумали правила и заставили играть по ним всю страну. Правда, события в Киеве почему-то называли мирным протестом, выражением гражданской позиции, а происходящее в Севастополе и Крыму – сепаратизмом, предательством. Но так бывает – суть одна, названия разные.

Не нравятся российские флаги? А почему крымчанам нравиться американские и европейские? Смущает приезд российских депутатов? А что делали в Киеве поляки, немцы, американские баронессы? Крым – в Россию? А для чего Украину – в Евросоюз? Может, и надо, но спрашивали?

Выходит, одним – ничего нельзя, а другим – все можно? Но паспорт-то у всех одинаковый – с трезубцем и «жовто-блакитным пррапором». А значит, и уважение, как и закон, должно быть одно и для всех.

Да, Крым терпел долго – не выдержал. Украинское государство ему в этом хорошо подсобило. Насколько же сильно оно ненавидело своих граждан, что те так возненавидели его?! Крым все больше становится российским. И не Путина, не Аксенова, не Януковича надо благодарить за это.

«Евромайдан» – ему спасибо. Постарались так постарались

Товарищ У ► ОРАНЖЕВЫЕ РЕВОЛЮЦИИ И ОПЫТ ЛЕНИНА (статья 2004 г, вновь ставшая актуальной)

Оранжевая чума, с невиданной скоростью распространяющаяся на постсоветском пространстве, вселяет суеверный ужас в души крепких хозяйственников и профессиональных управленцев.

Именно так – суеверный, если не сказать священный. Одна за другой свершились «революции» в Грузии, Украине, Киргизии, и в каждой из этих стран власть оказалась абсолютно беспомощной и бессильной. Для того чтобы понять, почему так произошло, нужно обратиться к недавнему прошлому, ставшему уже историей.

Нет нужды писать о том, какие цели преследовал Запад, активно способствуя гибели Советского Союза – сегодня не говорит об этом только ленивый. При этом все чаще забывают о том, что внутри самого Советского Союза, причем в самых влиятельных кругах его, существовала серьезная заинтересованность в распаде великого государства. Для региональных князьков такой ход событий означал, прежде всего, упрочение их личной власти, более того, изменение статуса этой власти, когда вчерашний свердловский обкомовец или завотделом пропаганды украинского ЦК становился вдруг абсолютным монархом на своей территории. С точки зрения этих товарищей, в однотипие ставших господами, такой поворот событий оправдывал предательство, совершенное ими по отношению к вскорившей их стране. Нечего говорить, что ради успеха своей корыстной миссии они были готовы пойти на сделку с самим дьяволом, а не то что с миссионерами из западных спецслужб. Начиная с девяностых всякий, кто приходил к власти в бывших союзных республиках, находился в самой существенной

зависимости от заокеанского Старшего Брата (исключением, о котором следовало бы написать особо, явилось президентство Александра Лукашенко). Свой властный мандат посткоммунистические президенты получили с разрешения и при участии пресловутого Запада и полагали, что навсегда заручились его поддержкой и, в партийных советских традициях, теперь будут править вечно. Но для Запада их воцарение было лишь очередным ходом в игре на «великой шахматной доске». На следующем ходу в эту игру должны были вступить новые республиканские элиты, которые не просто были лояльны к Западу, но изначально создавались, вскармливались и воспитывались им. Если основной интерес кадров советской закваски был все-таки «местечковым», ориентированным вовнутрь, то деятельность приходящих им на смену оранжистов направлена вовне самым радикальным образом. Главнейшая черта оранжевых революций – смена подконтрольных еще более подконтрольными* [*В этом смысле политолог Радзиховский, профессиональный враг народа, прав, когда пишет: «Кстати, о революциях, вызывающих такие великие волнения в России. Где, черт возьми, мы нашли революции? Я по старинке думал, что революция это а) смена форм собственности, б) смена строя, в) смена конституции, г) возможно, распад страны, д) как минимум радикальная смена элит. Ну и какие же революции на Украине, в Грузии и даже в Киргизии?】]. Именно поэтому правящие круги, теперь уже бывшие, оказались совершенно беспомощными перед лицом искусно срежиссированного народного гнева, и именно в этой подконтрольности заключена основная причина молниеносного успеха «революционеров».

Не следует, разумеется, сбрасывать со счетов и могущество информационных технологий, в полной мере использованных оранжистами. Однако сами по себе информационные технологии еще не гарантируют успеха подобного рода мероприятий. Так, например, в 2002 году американцы решили сместить венесуэльского президента Чавеса, действуя по классической «бархатной» схеме, которую для верности еще и подкрепили военным путем. Результат оказался для них самый позорный – тот самый народ, который они рассчитывали зомбировать, поднялся на защиту Чавеса и сумел в кратчайшие сроки подавить захватчиков, вернув своего президента. Но в том-то и дело, что это был их, народный президент, а не какой-нибудь Кучма. Тогда пассионарность народа Венесуэлы оказалась сильнее изощренности самых отъявленных американских политтехнологов. Еще более замечательный пример – Куба Фиделя Кастро, против которой, как признают сами американцы, бессильны любые информационные технологии, пока жив ее великий духовный лидер.

Итак, ввергающее в панику постсоветских бюрократов триумфальное шествие оранжевых революций обуславливается прямой или косвенной подчиненностью Западу, прежде всего, Соединенным Штатам Америки, как «революционеров», так и «контрреволюционеров». В этом смысле следует различать «бархатные» революции в странах социалистического лагеря конца прошлого века, явившиеся торжеством новейших подрывных технологий в чистом виде, и революции «оранжевые», успех которых заведомо гарантирован самим фактом их свершения.

Аналог оранжевой революции мы отыщем, как это ни странно, гораздо раньше, в начале прошлого века. Я имею в виду Февральскую революцию 1917 года в России. Зависимость, как политическая, так и экономическая, Российской Империи от «развитых» стран к тому времени была весьма серьезной. Это показывает хотя бы та легкость, с которой удалось ведущим державам втянуть ее в совершенно ненужный для нее конфликт с Герmaniей. В экономике России вовсю хозяйничали зародыши тех самых корпораций, которые век спустя будут фактически открыто править миром. Так, например, одна только компания «Шелл», та самая, что рисует ракушку на своих рекламных щитах, контролировала пятую часть всей российской нефти. Иностранный капитал проник в экономику России так глубоко, что даже кондитерские фабрики Москвы и Петербурга принадлежали чужеземцам Борману, Эйнему, Сиу... О финансово-банковской системе можно и не говорить. Царизм, даже такой, который попустительствовал текущему положению дел, больше не соответствовал сложившейся ситуации, с точки зрения главных ее заправил, настолько, чтобы терпеть его далее. В этом были едины и стремительно крепнувшая отечественная буржуазия, и зарубежные «интересанты». Бедственное и притесненное положение народа усугубилось войной настолько, что теперь его руками можно было загрести какой угодно жар – можно было совершить революцию, одинаково выгодную правящей de facto прослойке, как в России, так и за рубежом. И такая революция свершилась. Как внутренние, так и внешние двигатели ее вполне позволяют, классифицируя, окрасить ее в оранжевый цвет.

Природу и механику этой революции гениально точно и поразительно быстро уловил находящийся в эмиграции Владимир Ильич Ленин. «Пролетариат борется, буржуазия крадется к власти», – писал он еще за двенадцать лет до нее. Сам Ленин рассматривался организаторами процесса как всего лишь еще одна экстравагантная фигура в их игре, очередной причудливый персонаж российской смуты – они не подозревали, что сами скоро станут фигурами в игре Ленина. Особый интерес имел, разумеется, германский генеральный штаб, который и способствовал приезду большевистского ядра в Россию. Сегодня очень много об этом говорится, вокруг этого создаются самые разные спекуляции. Прислуживающая Кремлю рептильная журналистика мусолит одну и ту же историю о немецких деньгах Ленина; но если даже он действительно получал деньги от кайзера, что довольно сомнительно, то самое главное – на что он эти деньги употребил. А употребил он их в таком случае на вто-

ную русскую революцию, которая смела весь тогдашний оранжевый сброд и привела ко власти партию, которая, как минимум, спасла великое государство в безвыходной, казалось, ситуации. Одним из многих результатов тогдашней ленинской деятельности явилась, уже через год, революция в Германии и падение Гогенцоллернов, марионеткой которых, как нас хотят уверить, являлся Владимир Ильич. То есть в этом случае Ленин сумел свергнуть кайзера на его же деньги!

Продолжим, однако, о том, что интересует нас особо, в рамках темы, заданной в статье. Помогая Ленину приехать в Россию, германский генеральный штаб надеялся, что его прибытие поможет дестабилизировать и без того нестабильную ситуацию в России. Англия, Франция и Америка были, в свою очередь, заинтересованы в контролируемом хаосе в союзной державе, который во всех отношениях сбрасывал Россию со счетов, но с которого можно было бы снимать пенки, например, обеспечивать на текущий момент фронты мировой войны нужным количеством русского пушечного мяса. И те и другие видели в Ленине и его партии лишь очередной элемент хаоса. «Крайний социалист или анархист по фамилии Ленин произносит опасные речи и тем укрепляет правительство; ему умышленно дают волю; своевременно будет выслан», – телеграфировал тогдашний американский посол в России государственному секретарю США. Приход большевиков к власти всерьез не рассматривался ни одной из противоборствующих в первой мировой войне сторон. Но очень скоро им пришлось рассматривать его вполне серьезно.

В наши дни пользуется большой популярностью фраза о том, что Ленин всего лишь поднял власть, валявшуюся на мостовой; тому, кто изрек ее, вероятно, не приходилось поднимать власть не то что над великой державой, но и над собственной женой. Для того чтобы в той ситуации поднять власть с мостовой, более того, – удержать ее, нужно было быть воистину титаном, политическим атлетом небывалого масштаба.

Все тот же американский посол писал тогда американскому консулу в Москве: «Говорят, что Петроградский совет рабочих и солдат создал кабинет, в котором Ленин – премьер, Троцкий – министр иностранных дел, а мадам или мадемузель Коллонтай – министр просвещения. Но я считал бы такой опыт желательным, ведь чем нелепее ситуация, тем быстрее можно ее изменить». Интервенцию против молодого Советского государства Антанта начинала в полной уверенности в том, что не встретит сколько-нибудь организованного сопротивления. Как мы знаем, они ошибались. Ленинская власть отстояла страну и спасла ее, воссоздав буквально по кирпичу.

Революция Ленина не удалась бы, если бы он не готовился к ней заблаговременно. Ленин начал ковать организацию, на которую смог впоследствии опереться, за два десятка лет до описываемых событий. Когда незадолго до февральской революции он утверждал, что «мы, старики, не доживем до решающих битв», он, тем не менее, возглавлял великолепную железную партию, готовую при малейшей возможности выйти на сцену. Готовиться и быть готовым. В этом состоит архиважный и архинасущный урок Владимира Ильича Ленина, преподанный им деморализованным наследникам. Не следует бояться оранжевых коллизий, равно как и рукоплескать им. Прежде всего нужно иметь волю и мужество отстаивать и настаивать свой собственный взгляд на мир, организовываясь для того, чтобы в решающий момент взаимодействовать с этим миром. Не закрывать грудью очередного бананового князя и не плестись в хвосте одурченных оранжевых толп, но гнуть свою линию, четко осознавая, какие интересы стоят за теми и другими, и за чьи интересы вы боретесь сами.

WWW.TOV.LENIN.RU

ЖДИ МЕНЯ, И Я ВЕРНУСЬ

ПОЭЗИЯ

От моря до моря – вот каков охват поэтического отдела нынешнего «Ликбеза». Даже так: от мест, где море плещется, до мест, где море если и есть, то подземное. То есть от Одессы до Монголии. Это вам не глобализм какой-нибудь, но интернациональное единение поэтов под знаменем, понятное дело, русского языка.

Монголия – это Бямбын Бужнов. Философ-поэт, которого так и хочется представить себе едущим где-нибудь в пустыне на верблюде... а если он и пользуется современным транспортом и живет в городе, то его истинное «я» именно таково – посреди ночной пустыни Гоби. Тоже, кстати, море.

Черное море – это друзья «Ликбеза» из Южнорусского союза писателей. В сего-дняшней ситуации, когда в омайданенной Украине русский язык почти вне закона, единение с ними для нас принципиально. Тем более, что стихи эти и впрямь какие-то особыенные и очень русские, и очень южные.

До поры до времени быть зиме
С красной пылью снега мешать.
В Вифлееме Сын побеждает смерть
Мы поможем ему дышать (Нина Батхен)

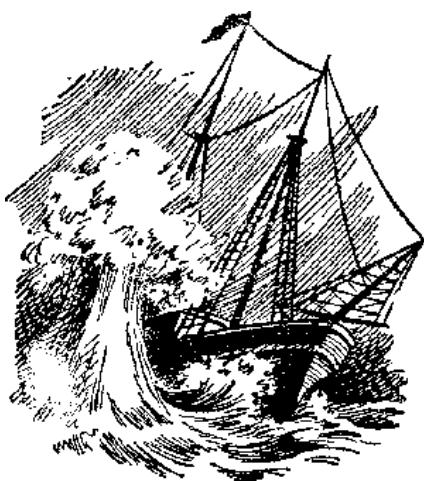
Ну и находящийся физически ровно посередине между ними (если не ездит по столицам) чрезвычайно активный поэт и критик Константин Комаров из Екатеринбурга. В «Ликбезе» он частый гость, теперь вот с целой подборкой. Тоже наш, коренной.

Прочисти уши ледяным компотом
ноябрьской звенящей немоты
и отыщи у ночи под капотом
нездешнего случайные черты.

Два наших традиционных автора из Барнаула, а ныне Петербурга теперь буквально связаны с морем: Василий Сыроежкин живет в пяти минутах хода от Финского залива, а Александр Романцов недавно получил профессию шкипера моторных и парусных судов. Изменили ли северные ветра Балтийского моря мотивы стихотворений наших друзей? Заметно, что поэтический голос Романцова теперь звучит куда уверенней и крепче (хотя превзойти в иронической суровости питерского пролетария Сыроежкина – задача почти невыполнимая).

Ну а еще – сборная, отовсюду весенняя двадцатка. И, конечно, наша давняя привязанность – поэты соседнего Н-ска (где есть, как известно, свое море - Обское). В общем, моря смыкаются, поэзия бьет в борта, держитесь, а то потонете!

МГ

Весенняя двадцатка

Евгений БАНИКОВ ►

Зима

Утром вышел я на балкон,
Осмотрелся:
Как школьным мелом,
Кто-то выкрасил весь район
Чем-то белым.

Мир засверкал
Распрекрасно-нов
Под балконом:
Подъездик старый,
Это можно понять без слов,
Мостовые и тротуары.

Воскресенье б я просидел
Над бумагами,
Над стихами.
Но до важных ли нынче дел?
До бумаг ли?
Судите сами...

Все –
В одном музыкальном ключе.
Снегопад!
И несет мускулистый некто
Лыж тяжелый груз на плече
Вдоль окраинного проспекта...

Дальше в снежной, густой, пыли,
Там, где небо у края желто,
Синий лес во сне вижу, вдали,
Яркой кромкой у горизонта.

Лес синеет всю ночь, маня,
Так и тянет
К замершим рекам.
И протягивается лыжня
За счастливейшим человеком...

Барнаул

Юлия БАТКИЛИНА ►

• • • • •

Ты смотришь, как там они поднимают флаг.
 Ты слышал о них, что они принесли стволы.
 Рожденный сегодня месяц – почти что клык,
 наточенный для безбашенности атак.
 Тут очень легко на грудь получить ярлык,
 который потом не снимешь уже никак.
 Крак...

Стекает по крышам ночь, и не спят в ночи,
 и перекликаются, чтобы не спать еще.
 В агонии те, у кого телефон молчит,
 и тот, кто живым нашелся, сто раз прощен.
 Какая беда в душе у тебя - свищом?
 Какие в чужих карманах звенят ключи?
 - чи...

На мерзлую землю тени бросает флаг.
 Ты смотришь на них, и они на тебя – вот так

*Харьков***Борис ГРИНБЕРГ ►**

• • • • •

В старой кроличьей ушанке,
 С балалайкою под мышкой,
 Из-за гор Новосибирска
 Пьяный русский космонавт
 Надвигается сурово
 Под калинку и малинку,
 На груди его тельняшка,
 А на ней нательный крест.
 Под тельняшкою татушки
 Сталин, Путин и Маринка,
 Да казачая нагайка
 В правом валенке торчит.
 В левом сапоге кирзовом
 Две любимые матрёшки,
 И ещё одна в кармане
 Тёртых джинсов на меху.
 У него «калаш» под мышкой,
 Под другой, чем балалайка,
 И дымит он папироской
 Бийский «Беломорканал».
 Он грядёт весёлый страшный,
 И пугает дядю Сэма
 Мирумиров, и балетом,
 И загадочной душой.

Новосибирск

Александр БУТЬКО ►

• • • •

Третий сын обычно артистичен и одинок –
кажется, про это писал один известный психолог:
доктор Адлер, нам бы с вами выкроить вечерок,
поболтать, но боюсь, что будет наш разговор недолог.

Я готов свою судьбу прибавить к вашим словам –
это, может быть, вам польстит, доктор, да вы поймете
мой намек: я ведь умею злиться и выживать,
но при этом ставить ребром вопрос о своей свободе.

Если сможете – промолчите, не отвечайте мне,
вряд ли мой наивный вопрос для ваших теорий годен:
я свободен из-за того, что был последним в семье,
или последний в силу того, что, прежде всего, свободен?

Вижу, вы недовольны, доктор: лучше пойдем назад,
посмеемся, выпьем кофе – бросим нашу беседу,
напоследок мы осмотрим ваш идеальный сад
и простимся, а потом, в одиннадцать, я уеду.

Санкт-Петербург

Елена ВАГНЕР ►

• • • •

Благодарю тебя, Ершалаим,
Благословляю дни твои и ночи,
Дыханье твоих лет и твоих зим,
И каждый твой оливковый листочек.

Благодарю твой запах и твой вкус,
Дорогу Бога и глаза Богини,
Души и тела истинный союз,
Который продолжается доныне.

Благословляю все твои дары,
Кресты и звезды, месяцы и стены,
Благодарю за новые миры
И путеводный след Святой Елены.

Москва

Михаил ГУНДАРИН ►

• • • •

Над 307-м километром
 Дешевое солнце взошло.
 Каким-то неведомым ветром
 Меня в эту глушь занесло.

Я был содергимым попуток
 Не знаю что делать теперь
 И кажется через минуту
 Навеки закроется дверь

Тяжелую эту пружину
 Едва ли удержишь плечом
 О главном молчать прикажи нам
 (Шепни для начала – о чем)

Кто в этом холодном мотеле
 Последнюю ночь переведет?
 О чём нам синицы свистели
 Веселый апрель напролет?

Зачем ты мне снова приснилась,
 И снова была холодна?
 В какие карманы набилась
 Тяжелая горстка зерна?

И снова – измена, измена,
 А после – беда и беда.
 Но это финальная сцена,
 И сыграна не без труда.

Езжай, очевидец, обратно,
 Пей пиво и вправду молчи
 Про эти разрывы и пятна
 Потерянные ключи.

Барнаул

Даниил ЕВСТИГНЕЕВ ►

• • • •

Поэт живет внутри расчески,
 Преобразуя колтуны
 Событий в гладкие дорожки,
 Лицеприятные томы.

Ему всё так же параллельны
 И дни, и грады, и село.
 Живет рассеянно и цельно,
 Как позабытое число.

Москва

Олег ДЕМИДОВ ►

• • • •

поэт по фамилии М
не растрачивается по пустякам
пишет для вечности
сегодня его не печатают
завтра его не станут печатать
а в будущем – !

у него есть жена – прелестная N
всё её дело – любить мужа и быть красивой
и она день ото дня
ухаживает за волосами, кожей, ногтями,
обводит губы самой полезной помадой

M и N не растратаются по мелочам,
они смотрят друг другу в глаза
и видят вечность, Бога, себя

они не знают, что после смерти
очнутся в совсем другой жизни,
где хлеболок лагами сузица
и андырдын воями бей
и в целом всё здесь абырвалк
и можно жить

Москва

Евгений ЕВТУШЕВСКИЙ ►

• • • •

Я моргнул. И проснулся... Как будто
первым криком пронзил первый вздох.
В обновлённом, но страшно уютном
мире тёплом палигрой цветов.
Пропитавшись пьянящим озоном,
распластался звездой по траве,
под живым шелестящим зелёным...
растворяющим мех в синеве.
Возрождаюсь всё чаще и чаще,
без остатка, без памяти, всласть,
клеткой мира в живом настоящем,
каплей вечности в омутах глаз...

Барнаул

Евгений ЕГОФАРОВ ►

• • • •

За корабль принимая виселицу,
 Над смыслом ушедшим
 Да над бессмыслицей
 Поплачь со мною, бедный классик.
 Кто из нас лучше матрос,
 Чей путь менее зыбок,
 На смертью бушующей трассе,
 Где голосовал Христос,
 Пятками распугивая рыбок?

*Барнаул**Елена КУЗНЕЦОВА ►*

• • • •

Они водят друг друга на свадебном поводке:
 Она красивая, он высок и силен на вид.
 Он гордится ей, когда она выходит к доске,
 Она думает: «Если кто-то меня обидит, он меня защитит».

Мне хочется верить, если что-то произойдет,
 И целый мир повиснет на их плечах:
 Война и пожар, или кто-то у них умрет -
 Они поддержат друг друга так же, как в мелочах.

*Новосибирск**Дарина МЕРЗЛИКИНА ►*

• • • •

одни говорят, мое тело нашли в саду,
 раскинуты руки, кровь утекает в землю.
 а подо мной ромашки вовсю цветут,
 кровь моя – колыбель им.

кто-то не верит, и говорит, не так,
 тело нашли остывшим уже в квартире,
 а через тело первым кто сделал шаг,
 что он подвинул в мире?

нет, отвечают, выбросилась в окно,
 тело нашли на улице, да и этаж не третий.
 только была мертва я уже давно
 а никто не заметил.

Барнаул

*Антон НЕЧАЕВ ►***Последние люди**

Эти последние люди,
что жили здесь до тебя,
забыли, что значит земля,
что это значит – есть землю.
Они ели овощи, виноград,
любой был душевно рад
любому крепкому зелью;
били дубьем сестер,
и нож был остер и скор.

А ныне – ни тли, ни праха.
Лишь облако, как рубаха,
сброшенная землей.

И профиль раскосый твой
повис, как слеза на сером –
ни листика, ни цветка
(не заплести венка).

Красноярск

*Екатерина ПАВЛОВА ►***Мифология**

И влюбляться в юного Черчиля, и слушать АлоэВера,
Искать майки для йоги, покупать кофе на вынос,
В некотором роде жить в инстаграме, потому что там
В некотором роде жизнь
Мало кто это вынес
Вот мы и познакомились, Трисмегист.
Метемпсихоз, ты однажды сказал – лишь перемена мест.
Смейся надо мной, красивее тебя я не знаю
От улыбки твоей оживают камни, а я обращаюсь в камень
Когда ты начинаешь движение, ибо слово – ничто, Гермес.
Рядом с тобой с пальцев слетают кольца
Мифология искрит и проскаивает между нами
Мифология
Соль, солнце

Новосибирск

Анна ПАВЛОВСКАЯ ►

• • • •

Окончилось все ничего не осталось,
отравленный день этот тоже хорош.
Как хочется жить и такая усталость,
как будто в намокшей одежде идешь.

Напрасно тревога гнала меня в город,
напрасно тоска выедала мне грудь.
Весна что удавка вцепляется в горло
и пахнет травой и не можешь вдохнуть.

Как много любви в этом воздухе синем -
ладонью упрек прижимаешь к груди.
О чем же ты плачешь, дуреха, разиня,
тут надо уйти и не можешь уйти.

Александр РОМАНЦОВ ►**зеркало заднего вида**

я узнаю в себе отца
когда держусь за подбородок
я ощущаю зов природы -
так звери целят на ловца

я узнаю себя в отце
и это тоже признак верный
вот мера времени бессмертных -
длина щетины на лице

я узнаю отца собой
в своей же собственной отчизне
в его тоске по небожизни -
(где окуджавы, где гобой!?!)

я узнаю себя отцом :
натужно корчуясь «вОды! вОды!
Воды! Воды!..»
какие роды!
но я держался молодцом!

Санкт-Петербург

Ирина СЛЕПНЕВА ►

• • • •

Возвращаю, Господи, всё назад:
 любовь – она мне на вырост,
 юность – поизносилась –
 мой выходной наряд.

Голос – он мне не друг.
 Я не умею громко.
 Если и вышла ломка –
 только ногтей и рук.

Счастье – его цена
 не по карману больше.
 Я и хотела дольше,
 но в кошельке дыра.

Я отдаю покой.
 Мне без него спокойней.
 Башенки, колокольни,
 купол хрустальный мой.

Сон выходного дня,
 запах весенней ночи.
 Всё, что хотела очень,
 здесь оказалось зря.

Нынче выходит срок,
 и поджимает рента.
 В небо уходит лента,
 точно вода в песок.

Москва

Дмитрий ЧЕРНЫШКОВ ►

• • • •

глаза накрывают руки
 ближе ещё теплей
 маленькие обрубки
 городских тополей

в белую чашку льётся
 белое молоко
 память как дно колодца
 всё потерять легко

возгласы где ты где ты
 свежесть сонных лесов
 но корявые ветви
 заслоняют лицо

аушвиц-биркенау
можно задуть свечу
я ничего не знаю
об этом и не хочу

изгнанные из рая
в свой не вернется дом
но пластинка играет
ещё долго потом

Бийск

Максим ЯРЦЕВ ►

• • • •

Люби, поэт, анорексичек, –
Но не за грацию и стать,
За то, что руки – тоньше спичек...
Так трудно ими в мяч играть!

Обуза, морок, крест тяжелый...
И лязг костей, и топот ног...
Зато забавница из школы –
Сплетет на гроб тебе венок.

Я верю: прошлое потонет,
Сгорит, как пепел, как строка...
А на перилах в пантеоне –
Такая тонкая рука.

Солонешное

Екатерина ЯНИШЕВСКАЯ ►

• • • •

если уж милая что-то пьешь то изволь допивать, изволь
если к морю тогда не забудь собрать мидии до прибоя
говоришь, уважаешь закуски, ликеры, нарезанный карамболъ
но что ты знаешь о честности перед самой собой?

обожаешь воздвиженку, водку и тюркские грубые имена
на айпод заливаешь нью-ейдж, раскрашиваешь фракталы
до утра лихорадишь. бессовестна и больна
и что ты врешь поездам как ты ждешь меня на вокзале

если уж милая что-нибудь куришь то набивай с лихвой
и любая музейная дверь распахнется без всякого там ключа
я не вспылю – разденусь, всю ночь проведу с тобой
но что ты знаешь о том, как тебе обо мне скучать

Одесса

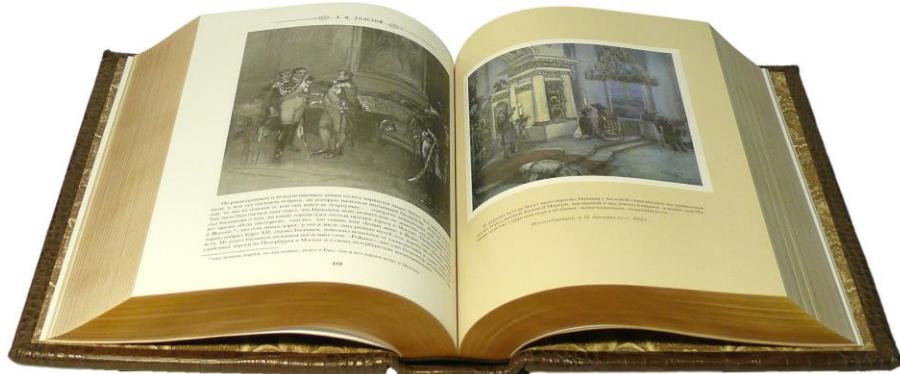

НАШИ ИСТОКИ

Лев Николаевич ТОЛСТОЙ ►

ВОЙНА И МИР (роман)

Том 1. Часть 1 Глава IX.

Из молодежи, не считая старшей дочери графини (которая была четырьмя годами старше сестры и держала себя уже как большая) и гостьи-барышни, в гостиной остались Николай и Соня-племянница. Соня была тоненькая, миниатюрненькая брюнетка с мягким, степенным длинными ресницами взглядом, густою черною косою, два раза обвивавшею ее голову, и желтоватым оттенком кожи на лице и в особенности на обнаженных худощавых, но грациозных мускулистых руках и шее. Плавностью движений, мягкостью и гибкостью маленьких членов и несколько хитрою и сдержанною манерой она напоминала красивого, но еще не сформировавшегося котенка, который будет прелестною кошечкой. Она, видимо, считала приличным выказывать улыбкой участие к общему разговору; но против воли ее глаза из-под длинных густых ресниц смотрели на уезжающего в армию *cousin* с таким девическим страстным обожанием, что улыбка ее не могла ни на мгновение обмануть никого, и видно было, что кошечка присела только для того, чтобы еще энергичнее прыгнуть и заиграть с своим *cousin*, как скоро только они так же, как Борис с Наташой, выберутся из этой гостиной.

— Да, *ma chère*, — сказал старый граф, обращаясь к гостье и указывая на своего Николая. — Вот его друг Борис произведен в офицеры, и он из дружбы не хочет отставать от него; бросает и университет, и меня, старика: идет в военную службу, *ma chère*. А уж ему место в архиве было готово, и все. Вот дружба-то? — сказал граф вопросительно.

— Да, ведь война, говорят, объявлена, — сказала гостья.

— Давно говорят, — сказал граф. — Опять поговорят, поговорят, да так и оставят. *Ma chère*, вот дружба-то! — повторил он. — Он идет в гусары.

Гостья, не зная, что сказать, покачала головой.

— Совсем не из дружбы, — отвечал Николай, вспыхнув и отговариваясь, как будто от постыдного на него наклепа. — Совсем не дружба, а просто чувство призвание к военной службе.

Он оглянулся на кузину и на гостью-барышню: обе смотрели на него с улыбкой одобрения.

— Нынче обедает у нас Шуберт, полковник Павлоградского гусарского полка. Он был в отпуску здесь и берет его с собой. Что делать? — сказал граф, пожимая плечами и говоря шуточно о деле, которое, видимо, стоило ему много горя.

— Я уж вам говорил, папенька, — сказал сын, — что, ежели вам не хочется меня отпустить, я останусь. Но я знаю, что никуда не гожусь, кроме как в военную службу; я не дипломат, не чиновник, не умею скрывать того, что чувствую, — говорил он, все поглядывая с кокетством красивой молодости на Соню и гостью-барышню.

Кошечка, впиваясь в него глазами, казалась каждую секунду готовою заиграть и выказать всю свою кошечью натуру.

— Ну, ну, хорошо! — сказал старый граф. — Все горячится. Все Бонапарте всем голову вскружил; все думают, как это он из поручиков попал в императоры. Что ж, дай бог, — прибавил он, не замечая насмешливой улыбки гостьи.

Большие заговорили о Бонапарте. Жюли, дочь Карагиной, обратилась к молодому Ростову:

— Как жаль, что вас не было в четверг у Архаровых. Мне скучно было без вас, — сказала она, нежно улыбаясь ему.

Польщенный молодой человек с кокетливой улыбкой молодости ближе пересел к ней и вступил с улыбающейся Жюли в отдельный разговор, совсем не замечая того, что эта его невольная улыбка ножом ревности резала сердце красневшей и притворно улыбавшейся Сони. В середине разговора он оглянулся на нее. Соня страстно-озлобленно взглянула на него и, едва удерживая на глазах слезы, а на губах притворную улыбку, встала и вышла из комнаты. Все оживление Николая исчезло. Он выждал первый перерыв разговора и с расстроенным лицом вышел из комнаты отыскивать Соню.

— Как секреты-то этой всей молодежи шить белыми нитками! — сказала Анна Михайловна, указывая на выходящего Николая. — *Cousinage dangereux voisimage [двоюродные братцы и сестрицы]*, — прибавила она.

— Да, — сказала графиня, после того как луч солнца, проникнувший в гостиную вместе с этим молодым поколением, исчез, и как будто отвечая на вопрос, которого никто ей не делал, но который постоянно занимал ее. — Сколько страданий, сколько беспокойств перенесено за то, чтобы теперь на них радоваться! А и теперь, право, больше страха, чем радости. Все боишься, все боишься! Именно тот возраст, в котором так много опасностей и для девочек, и для мальчиков.

— Все от воспитания зависит, — сказала гостья.

— Да, ваша правда, — продолжала графиня. — До сих пор я была, слава богу, другом своих детей и пользуюсь полным их доверием, — говорила графиня, повторяя заблуждение многих родителей, полагающих, что у детей их нет тайн от них. — Я знаю, что я всегда буду первою *confidente [советницей]* моих дочерей и что Николенька, по своему пылкому характеру, ежели будет шалить (мальчику нельзя без этого), то все не так, как эти петербургские господа.

— Да, славные, славные ребята, — подтвердил граф, всегда разрешавший запутанные для него вопросы тем, что все находил славным. — Вот подите! Захотел в гусары! Да вот, что вы хотите, *ma chère*!

— Какое милое существо ваша меньшая! — сказала гостья. — Порох!

— Да, порох, — сказал граф. — В меня пошла! И какой голос: хоть и моя дочь, а я правду скажу, певица будет, Саломони другая. Мы взяли итальянца ее учить.

— Не рано ли? Говорят, вредно для голоса учиться в эту пору.

— О нет, какой рано! — сказал граф. — Как же наши матери выходили в двенадцать — тринадцать лет замуж?

— Уж она и теперь влюблена в Бориса! Какова? — сказала графиня, тихо улыбаясь, глядя на мать Бориса и, видимо, отвечая на мысль, всегда ее занимавшую, продолжала: — Ну, вот видите, держи я ее строго, запрещай я ей... бог знает, что бы они делали потихоньку (графиня разумела, они целовались бы), а теперь я знаю каждое ее слово. Она сама вечером прибежит и все мне расскажет. Может быть, я балую ее, но, право, это, кажется, лучше. Я старшую держала строго.

— Да, меня совсем иначе воспитывали, — сказала старшая, красивая графиня Вера, улыбаясь.

Но улыбка не украсила лица Веры, как это обыкновенно бывает; напротив, лицо ее стало неестественно и оттого неприятно. Старшая, Вера, была хороша, была неглупа, училась прекрасно, была хорошо воспитана, голос у нее был приятный, то, что она сказала, было справедливо и уместно; но, странное дело, все, и гостья и графиня, оглянулись на нее, как будто удивились, зачем она это сказала, и почувствовали неловкость.

— Всегда с старшими детьми мудрят, хотят сделать что-нибудь необыкновенное, — сказала гостья.

— Что греха таить, *ma chère*! Графинюшка мудрила с Верой, — сказал граф. — Ну, да что ж! Все-таки славная вышла, — прибавил он, одобрительно подмигивая Вере.

Гости встали и уехали, обещаясь приехать к обеду.

— Что за манера! Уж сидели, сидели! — сказала графиня, проводя гостей.

ПРОЗА

Львиную долю нашего прозаического раздела занимают в этот раз довольно злые карикатуры – очерки провинциального житейского (Устим Южный) и литературного (Алексей и Мария Аргуновы) болота. Или, точнее сказать, феноменологические зарисовки такого знакомого и вязкого социального пейзажа. Мы вообще-то за оптимизм. Впрочем, в рассказе Аргуновых «Мишка», наделавшем легкого шума в барнаульской богеме, сугубый пессимизм в итоге отдает чем-то даже обнадеживающим. Говорящие медведи и милые алкоголики – кто из нас не был этим окружен с раннего отрочества!

Потому рассказ Вероники Лебедевой важен для общего баланса. Он такой французистый, и, на первый взгляд, в нем отдана дань вещизму, если не сказать – фетишизму. Однако, если посмотреть внимательней, то увидишь легкую романтическую и поучительную историю любви, которая смогла сыскать объект своего приложения только в неодушевленном мире, оный хотя бы частично, но одушевив!

Цикл прозаических миниатюр Руслана Долженко не то, чтобы оптимистичный, но точно жизнеутверждающий. Миниатюры совсем небольшие, но по объему кристаллизованной в них житейской соли и других эмпирических осадков вполне тянет на средних размеров солёное озеро.

А еще с удовольствием представляем нового автора из солнечного Крыма – Ирину Сотникову. В ее выразительном рассказе («Тварь») есть чего испугаться и о чем подумать...

Так что, как и обычно, проза в нынешнем «Ликбезе» многообразна и разновкусна!

Консервант Порогов

Вероника ЛЕБЕДЕВА ►

ТУФЛИ (рассказ)

В прихожей всегда стояли её красные туфли с острыми носами. Она их очень любила, но надевала редко, но на все мои попытки их убрать лишь с досадой поглядывала в мою сторону. На вешалке – красное пальто. На туалетном столике всегда можно было найти парочку флакончиков духов, помаду, блеск, и какую-то очень дорогую тушь, которую она всегда клянчила у меня с завидным постоянством.

В спальне на кушетке она разбрасывала свое белье и туда же бросала пеньюар. Сама она почти никогда не носила белья, предпочитая ему мои рубашки. Поэтому, когда я собирался на работу, проклиная весь свет и в особенности всех производителей мужских сорочек, Мари имела обыкновение прошествовать до туалетной комнаты в смешных шерстяных носочках и моей рубашке... Или же выглянуть из кухни, сидя на табуретке, подобрав под себя ноги, точно маленький нашкодивший ребёнок, держа, словно нарядную игрушку, кружку кофе в своих крошечных ладонях.

На прикроватном столике или на ковре рядом с диваном её неизменная кружка с остывшим чаем, заколка, забытая среди моих бумаг, рассыпчатая пудра в моём портфеле... Чёрт, опять! В ванной всегда засилье кремов, пенок, муссов и ещё миллион всякой женской чушки: щипцы для завивки волос, фен, какие-то эти щётки бесконечные, масочки и прочее. И я говорю: «Малыш, да зачем это всё?» А она с важным видом: «Это крем-маска из авокадо. То, что нужно моей коже». А я отвечаю: «Детка, о, боже...» И она сердится. А я смеюсь.

Как-то раз я вернулся домой, а Мари сидела на кухне и плакала. Так громко, что я очень перепугался. «Что случилось, родная моя?» – говорю. Оказалось, что она купила пазл из 5 тысяч кусочков и не может собрать его. Это расстроило её до слёз. И, несмотря на то, что завтра в пять утра была важная встреча мы сели вместе собирать этот пазл. Пять тысяч кусочков! О, исчадие ада!

На террасе моя сладкая М разводила цветы, она смеялась, рассказывая мне, как они скоро расцветут, как это будет красиво. А как-то раз, она уехала на два месяца, и я совсем забыл про них. Перед самым её приездом я срочно выкинул всех безвинно погибших и купил что-то совершенно другое. Кажется, она заметила

это, но схитрила, сказав, что всё совершенно в порядке. Нет, не то чтобы я жалуюсь вам, нет...

На кухне всегда стояли какие-то маленькие мелочи, бэзделушки, которые она обожала. В моем кабинете я просил её никогда ничего не трогать, но она все равно не слушала меня, брала мои книги, заходила ко мне, с интересом листала журналы, лежащие грудой с краю стола.

Ещё у неё была привычка сидеть на полу и безостановочно грызть печенье. Когда я возвращался домой, она как маленький хомяк-лазутчик, хватала его покрепче и убегала в комнату. А я ненавидел, когда она так делала.

И в конце всего-всего, в конце всей моей памяти – она. В красном пальто, неловко сжимающая ключи, в пол оборота стоявшая ко мне. Все что она сказала, было: «Марк...» Её взгляд скользнул по краешку моих ресниц, и она ушла. Навсегда.

И всё бы ничего, правда, всё бы ничего, но поймите... Поймите! Вспомните! В прихожей всегда стояли её красные туфли с острыми носами. Ведь она любила их. Очень. Да, очень, но надевала редко. Глупость, конечно, но... Я ведь не каждый день помнил, что она больше не моя. И иногда я забывал об этом. И мне казалось, что она по-прежнему со мной, где-то в соседней комнате, или, может, просто ушла ненадолго. Но она обязательно вернётся. Но когда я видел, что эти дурацкие туфли с красными носами больше не стоят в нашей прихожей я всё вспоминал. Сразу вспоминал. И каждый раз это мучительной болью отдавалось в моём сердце. И знаете, что я сделал?.. Однажды вечером, проходя мимо магазина, я зашёл и купил точно такие же туфли и поставил их в прихожей.

Думаете, я обманываю себя? Не хочу думать о том, что она разлюбила меня, что больше не вернётся, не будет смеяться моим глупостям, вернее будет смеяться, но уже не моим глупостям? Ладно-ладно... Неважно. Пусть уж они стоят там, на месте, как раньше. Вы поймите, она любила их, просто редко... надевала редко.

В прихожей всегда стояли её красные туфли с острыми носами.

Ирина СОТНИКОВА ► ТВАРЬ (рассказ)

Урочище Ак-Самъян пользовалось дурной славой со времен последней войны. На первый взгляд, ничего особенного в нем не было, но поражала внимание слишком пышная растительность. И – ни одного птичьего посвиста. Там, где гора, поросшая терновником, плавно скатывалась в балку, били из под земли ключи с резким запахом сероводорода и растекались по вонючему болотцу. Между камней зияло отверстие штолни, которая соединяла Божий мир с заброшенным урановым рудником. Майский день был теплым и радостным, но в балке – сыро, сумрачно, тихо.

Вдруг на кромке провала возникло едва ощущимое движение. И оттуда, болезненно извиваясь, стало появляться невообразимое существо. Оно было похоже на гигантского червя, облепленного землей. Не было у него ни головы, ни хвоста – только туловище, внутри которого что-то судорожно перекатывалось, двигая тело в сторону зловонной жижи. Тварь с огромным трудом переместилась в болотце и перестала мучительно дергаться только тогда, когда над ней сомкнулась синеватая ряска.

Через месяц, когда в поселке отцвели плодовые деревья, тварь выползла на сушу. Она сильно изменилась и стала похожа на черную мумию с уродливо тонкими руками и ногами. Обсохнув несколько часов в тени, тварь медленно поднялась на четвереньки и начала обедать сочные листья на кустах. К вечеру она набралась сил, поднялась на ноги, осторожно расправилась и через секунду слилась с лесными тенями.

Душный летний вечер окутал прибрежный поселок, и не было прохлады даже в тени. Во дворе старенькой усадебки беззлобно переругивались две женщины – дочери Кузьмича. Младшая, Алина, вольготно раскинулась в подранном кошачьими когтями кресле, вытянув длинные ноги, курила тонкую сигарету. Настасья – огрубевшая от деревенской работы и рано состарившаяся – привычно накрывала стоявший под шиферным навесом обеденный стол, и его клеенчатая поверхность на глазах становилась по-домашнему праздничной. Но Алину, сидевшую на диете, эти метаморфозы не волновали. Она медленно выдохнула дым, постучала лакированным коготком по сигарете, стряхивая пепел, и лениво произнесла:

– Все равно ты дура, Настяка. Набитая, необразованная дура.

– Конечно, пока ты образование в городе получала, я пахала по двенадцать часов...

– А кто тебя заставлял? У тебя чо, мужика не было?

Настасья негромко выругалась:

– Да шоб тебя, мать твою!.. Сказано тебе – пил он, сволочь... Зато ты перетрахалась со всеми, кто бабки имел. Да по мне, так лучше рожу поганую иметь...

Алина по-кошачьи потянулась, чихнула.

– А у тебя и так рожа поганая... – затянулась, помолчала. – А как, по-твоему, можно богатого хахаля отхватить? Кто вам на все праздники денежные переводы да посылки с подарками шлет? Лучше бы спасибо сказала...

Настасья по-бабы, на полную грудь, вздохнула и пробурчала под нос:

– Да жалко тебя, непутевую... А как грохнут твоего квазимоду? Куда подашься?

– Продам особняк и к вам приеду.

– Да ни дай Бог нам такое счастье! – махнула в ее сторону рукой Настасья.

Их перепалку прервал стук калитки, и по бетонной дорожке, роскошно обрамленной цветущими георгинами, направился к навесу Кузьмич – сгорбленный, пропитый, но еще довольно крепкий старик. Он отдал Настасье в руки пакет с продуктами и шумно уселся за стол, на котором уже стояла запотевшая чекушка:

– Ну, мать, корми! Что там у нас сегодня?

После смерти жены Кузьмич стал называть свою старшую дочку так же, как и покойную супругу: «мать». Это было удобно: с одной стороны, вроде и не изменилось ничего, с другой стороны, легко выматерить, если что не по характеру. Но жили дружно. Настасья была отменной хозяйкой, и вместе с отцом они потихоньку воспитывали троих мальчишек-сорванцов, оставшихся в наследство от сгинувшего на заработках мужа.

Кузьмич одним махом осушил чекушку, выхлебал полмиски борща и перевел дух. Будто только заметив младшую дочь, которая с приходом отца как-то сразу сникла, он пробурчал:

– А ты, шалава, когда к хахалю отвалишь?

Алина прикрыла глаза ресницами, и в их глубине вспыхнул и тут же погас огонек неприязни.

– Всему свое время, папаня. Вот схожу завтра в горы, по гребню прогуляюсь...

Отец, недобро усмехнувшись, проговорил:

– Кишка тонка!

– Это, батя, отчего же?

– Так два трупа уже нашли, и обе молодые бабы. Одну – за виноградниками, другую – в Барсучьей бухте. И опознать не смогли, лица изуродованы.

Алина досадливо передернула плечами:

– Нашел с кем сравнивать, батя, – с дурами зачленными! Да я эти горы как свои пять пальцев...

— Да я-а, да я-а! Паленая свинья! — гнусаво перебравшись, перебил ее Кузьмич. — А ты забыла, что год нынче високосный? Да, впрочем, что я бьюсь? Ты у нас городская, самостоятельная, а в городе старики уважать давно не принято... — Кузьмич, смачно сплюнув в сторону Алины, уткнулся похожим на картофелину носом в миску с пельменями, подставленную старшей дочерью, и начал есть.

Настасья, освободившись от хлопот, уселилась поближе к отцу и как-то по-детски попросила:

— Батя, расскажи байку...

Кузьмич оторвался от еды и повернулся к ней:

— Ну, что тебе рассказать? Двадцать раз, поди, рассказывал... — но голос его смягчился.

— Да про Ак-Самьян... Алька, поди, и забыла уже. Может, и потащится на гребень...

Алина, услышав свое имя, демонстративно отвернулась и закурила новую сигарету, но было заметно, что она прислушивается к каждому слову. Кузьмич вытер тыльной стороной ладони рот и, откинувшись на спинку старенького дивана, произнес:

— Ну, ладно, расскажу. Тут в войну, говорят, военные базы были, и одна из них — в урочище Ак-Самьян...

Он помолчал, раскурил сигарету, выпустил вверх облако едкого дыма и только тогда неторопливо, с видом опытного рассказчика, продолжил:

— Говорят, необычная то была база, какая-то особо секретная, и никого из местных не подпускали к ней: вокруг была протянута проволока, по ней шел ток. Пара несмышленых хлопцев, что по грибы ходили, так и погибли ни за что — спорели заживо...

Кузьмич рассказывал медленно, наслаждаясь каждым словом. Из его рассказа выходило, что в урочище Ак-Самьян добывали во время войны радиоактивную руду, хотя откуда здесь, в этих горах, такое богатство? И будто бы после войны, когда базу расформировывали, произошла авария, отчего часть солдат погибла от взрыва, а другая получила радиоактивные ожоги. Чтобы не выносить, как говорится, сор из избы, начальство отдало приказ потерпевших уничтожить. Их, жестоко страдавших от незаживающих язв, милосердно расстреливали и тела сбрасывали в бездонную шахту уранового рудника. И вроде бы один из них, окончательно потерявший рассудок, черной тенью метнулся в сторону шахты и бросился в провал сам...

Долго Кузьмич рассказывал всякие ужасающие подробности. И только в конце байки Алина узнала главное: каждый високосный год выползала на свет из радиоактивного рудника переродившаяся жуткая тварь. И тогда начинали исчезать женщины, в основном приезжие, упирался и не хотел идти через лес скот, и в деревне поселялся едва ощущимый и совершенно необъяснимый страх. Многие из старожилов после нескольких стопок самогона хваста-

лись тем, что видели в лесу нечто странное, но никто ничего вразумительного не вспомнил...

С гор накатились густые летние сумерки, принесли вечерние запахи, зажгли в поселке первые электрические огни. Алине вдруг стало холодно, несмотря на духоту, и она зябко передернула плечами, досадливо подумав про себя: «Алкаш старый! Вечно страху нагонит, потом кошмары снятся. В охотку ему, что ли, народ пугать?». Словно прочитав ее тайные мысли, Кузьмич вдруг неожиданно тихо, как-то умоляюще проговорил:

— Сидела бы ты дома, Алька. Не бабье это дело — по горам одной шастать. И чо тебе вечно неймется? — на что Алина дерзко ответила:

— Не лезь, батя! Сама решу. Как настроение будет...

Над столом повисло молчание. На том ужин и закончился. Настасья проворно убрала посуду и закопошилась в маленькой кухне-пристроечке, а Кузьмич, не сказав ни слова, ушел смотреть телевизор. Алина осталась одна. Она наблюдала за тлеющей ниткой заката и думала о том, что идея пойти в горы одной и впрямь не очень хороша: «И кто меня за язык тянул?». Но слишком уж хотелось быть независимой — даже в своем решении идти в горы. «Если не пойти, этот старый дурак подумает, что я испугалась... — думала она. — Ладно, завтра будет видно...»

Проснулась она на рассвете. Безоблачное небо обещало хороший день, исчезли страхи, навеянные вечерними разговорами, и на душе стало легко. Постояв несколько минут у окна и приняв решение, она собрала маленький рюкзачок и вскоре уже шагала к ложбине, с которой начиналась крутая тропа, ведущая на скалистые вершины. Свернула на тропинку через густой кустарник, возле каменного водосборника для полива виноградников вспугнула несколько пучеглазых жаб и вышла к роднику, возле которого стояла каменная скамья. Когда-то здесь был монастырь, но следы его исчезли, а скамья да канава-желоб остались. Алина села на скамью и вдруг ощутила всепоглощающую тишину. Ни светового пения птиц, ни шорохов. На какую-то секунду ее охватила слабость, захотелось вернуться назад. Но это неприятное ощущение как пришло, так и ушло — без следа. Алина встрепенулась и, не глядя по сторонам, побежала вверх по тропе. Однako что-то изменилось — будто сыростью потянуло из застывшей внизу ложбины.

Знакомые с детства места превратились в труднопроходимый лес. Старые трухлявые стволы, за которые она хваталась на осыпающихся склонах, крошились в пальцах. Тонкие ветви цеплялись за рюкзак и одежду. Листвяной ковер под ногами угрожающе шелестел, выдавая ее присутствие. «Кому?.. Здесь никого нет...». К счастью, она увидала кабанью тропу, и на четвереньках, проползая

Проза: Часть 1

под спутанными ветками, выбралась к солнцу, на взгорок. И поняла, что заблудилась. Внизу был глубокий овраг, поросший лесом, а за ним поднялись стены скалы. Алина остановилась. «Почему так тихо? Солнце давно взошло, а птицы не поют».

Внезапно налетел порыв ветра, сорвал с ее головы бейсболку и швырнул на верхушки деревьев в овраге. Алина выругалась. Потом села, закурила. Наступившая за порывами ветра тишина оглушила и испугала ее. «Плохое место...». Снова лес, снова кабанья тропа. Злая, уставшая и исцарапанная, Алина через несколько часов вышла, наконец, к знакомому месту – Козьим Копытам.

Когда-то в давние времена эти скалы сотворил вулкан, выплеснув потоки лавы. По крутым склонам сотни лет стекала вода и, закручиваясь водоворотами, продолбила, наконец, в известняке маленькие бассейны, никогда не пересыхающие. Они действительно были похожи на следы козьих копыт. Ровно тридцать четыре штуки. Словно мифическое животное поднялось вверх, оставив за собой застывшие гигантские отпечатки. Алина успокоилась. Теперь она знала дорогу. Надо подняться на вершину, перебраться через скалы, пересечь овраг, пройти по хребту – и до поселка рукой подать. «Жаль, конечно, что пришлось сделать такой огромный крюк, но увидеть Козьи Копыта – большая удача», – довольная собой, она поболтала рукой в затхлой воде. Какие-то насекомые взлетели облачком и, ударившись ей в лицо, испуганно исчезли.

«Фу-у, болото. Врет отец, что вода здесь святая».

До вершины оставалось немного. Скалы стояли плотной стеной, растительности не было. Очень скоро Алина добралась до последнего бассейна-копыта и, к своему удивлению, увидела под скальным выступом небольшой, но уютный грот. Глинистая почва в нем была утоптана, колючки вырваны, камни собраны в маленький насыпной холмик. Путешественница с наслаждением сбросила рюкзак и примостилась на нем у холодной стены, вытянув уставшие ноги. Она была довольна собой. Городская жизнь – богатая и бессмысленная – давно ей надоела. Хотелось драйва, острых ощущений, какого-то глупого риска. Лыжные курорты, верблюжьи перегоны в пустыне, престижные регаты, виндсерфинг, Тибет – все это было, и было похоже на популярные телевизионные программы вроде «Выжить на острове», когда за невидимой чертой – друзья, спасатели, бар с прохладительными напитками, транквилизаторы и прочее, так необходимое для восстановления слегка пошатнувшихся нервов. Не так давно Алина на своем «Мерседесе» устроила гонку с заезжим «Ауди» на горной трассе и едва не улетела в пропасть. Тогда она не на шутку испугалась. После этого она решила съездить в родной поселок и сходить одной в горы – туда, где спасателей и напитков не было: проверить, а так ли она бесстрашна, как считала сама и ее многочисленные знакомцы, приятельницы и приятели. Одна она никуда и никогда до этого не ходила.

Солнце поднялось высоко. Козьи Копыта лежали внизу, за выступом грота. Алина захотелось прикрыть глаза и подремать, но вдруг она поймала себя на мысли, что боится это сделать. Показалось, будто на освещенной солнцем стене ущелья барельефом пропустила каменная морда козла, рядом – маска с провалами вместо глаз, а вот еще и крест. «Тыфу, что это за нечисть в голову лезет...», – она застыла, настороженно вслушиваясь в тишину. Ничего... Вдруг остро захотелось в город – в привычную разгульную ночную жизнь, где все было так знакомо. «Надо успокоиться, – сказала она себе, – ты, кажется, придумываешь собственные страхи». Поднялась на ноги, потянулась, расправила плечи и собралась было сделать шаг, как вдруг со скалы, под которой находился грот, упало несколько камешков. Алина задохнулась: внутри все похолодело, спина покрылась липким потом, а руки одеревенели от ужаса. На кромке тени и света шевельнулась и выросла тень: кто-то был наверху! Алина вспомнила отца, и его рассказ уже не казался глупым. Она одна, на десятки километров никого нет, не считая того, кто обрашивал тень. Он видел, как она поднималась, и теперь поджидает на вершине, где находится обдуваемый ветром единственный проход через скалы. Другой дороги нет.

Впрочем... есть. Обратно, вниз. А там с какого-нибудь склона можно будет выбраться на виноградники. Только бы не было обрывов... Если постараться, если пробежать, где это возможно, – он ее не догонит. «Это он... тот самый». Алина заскользила вниз по наклонной каменной плоскости, ломая ногти, обдирая кожу ног. У нижнего бассейна-копыта она оглянулась: кто-то стоял на вершине и смотрел ей вслед, но бьющее в глаза солнце мешало рассмотреть его фигуру. И, чтобы не терять время понапрасну, Алина нырнула в лес. «Будь она проклята, эта дьявольская тишина! Ненавижу... Вернусь всем назло! Это отец виноват!... Будь он проклят! Накаркал!..»

Она бежала через лес, падала, карабкалась на склоны, перепрыгивала камни и коряги, рискуя сломать ноги. Бешено билось сердце, пот заливал глаза, не хватало дыхания. В изнеможении Алина огляделась. Наконец-то знакомые места. Вот тропа, широкая, как аллея в парке. Справа – русло ручья. Слева – редкие просветы среди зарослей терновника, небольшие полянки и непроходимый лес. Впереди – родник и каменная скамья бывшего монастыря. «Повезло! Повезло! Я все-таки выбралась...», – и тут она резко замедлила шаг и остановилась. У скамьи кто-то стоял. Кто-то, похожий на тень.

«Господи!..»

Впервые в своей беспутно-праздничной жизни Алина взмолилась. Затравленно оглянулась и отчаянно устремилась в просвет между зарослями. Небольшая полянка. Кругом – лес. Прохода нет – закрыт колючками держидерева, терна и лианами. Тень оторвалась от деревьев и бесшумно направилась за ней...

..По асфальтированной петляющей дороге, с одной стороны которой тянулись виноградники, а с другой – горы, покрытые жестким непроходимым кустарником, неторопливо дребезжал грузовичок, до отказа набитый ящиками с пивом. Водителю было жарко, он то и дело потягивал из пластиковой бутылки холодный квас и, не переставая, курил. Вдруг раздался душераздирающий крик, из кустов на дорогу выскочила молодая женщина с неестественно бледным лицом и кинулась прямо под колеса. Водителю ничего не оставалось, как изо всей силы выкрутить руль в надежде не покалечить сумасшедшую. Машину занесло вбок, она стала тяжело заваливаться, грохнулась расхлябаным бортом, и на асфальт с оглушительным звоном посыпались и покатились в разные стороны бутылки с пивом. Водитель, чертыхаясь, выбрался из упавшей машины через открытое боковое окно и бросился туда, где, по его представлению, должна была лежать сбитая им женщина. Но она, как ни странно, осталась невредима – сидела на дороге, неприлично раскинув ноги, и тихо выла. Увидев незнакомого мужчину, замычала, силясь что-то сказать, и рукой показала в ту сторону, откуда появилась. Казалось, будто у нее отнялась речь. Водитель пожал плечами, оглянулся, и в тот же миг там что-то завозилось и, проламываясь сквозь кустарник, с шумом исчезло в лесу. «На вепря, что ли, нарвалась? Похоже на то. Да-а-а, а мне-то что теперь со всем этим делать?..»

Наступила осень. Урочище Ак-Самъян было праздничному разодето в ярко-желтые, багряные и сиреневые уборы. Ночи стали холодными, но дни еще дарили мягкое тепло. Пронзительно-синее небо с девственно белыми облаками и серебристая паутина в воздухе, на ветках деревьев придавали картине совершенность. Бабье лето...

Тварь без движения лежала у входа в нору уже давно – больше месяца. Прошли все сроки ее возвращения в спасительную темноту горячих радиоактивных глубин, где она набиралась сил, чтобы через четыре года выйти на новую охоту. У твари не было чувств и мыслей, не было даже инстинктов. Только ощущения, которые давали о себе знать неслышно, ненавязчиво, словно замурованные в стене пленники – едва различимым постукиванием. И последним ощущением, которое существо помнило со временем своей бытности человеком, было нереализованное желание близости с женщиной.

Тварь не имела памяти, она не отдавала себе отчета в собственных действиях, не могла предполагать, мечтать, стремиться... У нее не было ничего, кроме мерзкого тела, заражающего излучением пространство. И все же она мучительно стремилась достичь своего последнего предела, за которым было нечто неподвластное ей, но способное удовлетворить необъяснимый голод. Наклоняясь над парали-

зованной ужасом очередной жертвой, тварь знала, что это нечто из глубин его мутированного мозга вот-вот прорвется наружу и начнет жадно ощущать возбуждающий запах женского тела. Но... ничего не происходило, и тварь, мучительно исторгающая из себя остатки человеческой речи, слышимые как шипение, в ярости, если так можно было назвать ее внезапно меняющееся поведение, мстительно убивала ту, что была ей недоступна.

Последняя добыча была очень привлекательной и какой-то особенно желанной. Тварь следила за ней с самого начала, то забегая на десяток метров вперед, то сопровождая сзади, след в след. Но когда она наклонилась над совсем молоденькой женщиной и страстно попыталась вспомнить снова ускользнувшее ощущение ее запаха, когда ей показалось, что она уже почти достигла этого вспоминания, словно безусый юнец первого оргазма, – ее жертва неожиданно сильным движением опустила на черную обугленную голову руку с зажатым в ней булыжником. Существо ощерилось в немом вопле, но этой секунды было достаточно, чтобы женщина юрко вывернулась и на подгибающихся ногах бросилась к дороге.

Если бы тварь могла чувствовать, она бы переживала обиду и разочарование. Если бы она могла говорить, она бы кричала в ярости. Но она ничего нечувствовала и уже ничего не могла. И все же из глубин ее облученного тела в этот момент поднялось и окрепло еще не осознаваемое ею желание смерти – как освобождение от рвущих отсутствующую память желаний.

...Когда облетели листья и выпал первый снег, тварь, сознательно воспротивившись инстинкту спасительного ухода в недра земли, умерла. Она рассыпалась на части, словно ствол трухлявого дерева, побитого шашелем и короедом. И никто бы не предположил, что в этих гниющих под снегом черных останках не так давно теплилась странная форма жизни, рожденная отчаянным порывом обезумевшего перед неотвратимостью смерти человека.

Алина не пострадала.

Отлежавшись в больнице с сотрясением мозга и легким неврозом, она забыла прошедшее как кошмарный сон, мешающий ее капризной натуре наслаждаться жизнью. Правда, остались две вещи, сильно отравляющие существование. Во-первых, она стала панически бояться гор и маленьких поселков, где местные жители так любили по вечерам коротать время за пересказом легенд и побасенок. А во-вторых, на ее щеке появилось коричневое беспокоящее пятнышко – в том месте, где несчастная тварь прикоснулась к нежной человеческой коже своим отвратительным черным пальцем.

Так, не пятнышко, намек...

До поры до времени...

ПОЭЗИЯ: ЧАСТЬ 2

Василий СЫРОЕЖКИН ►

▼ **3Е-3Е** (новая апокрифическая поэзия на излете духа) подборка стихов

Оно

Оно простирается широко –
 Это вздутость моих мехов
 Эта Полли защечных мешков –
 Метатроном уходит под воду...
 Оно развивается в земляках
 Этalonное газово этанолово.
 Мнутся краешки мета-горшка
 И бесплатный взвыает Вакх
 К малахитовым выплескам олова!

Зе-зе

То ли моль.
 То ли птица така.
 Ти ли ягода, то ли какушка.
 То ли бабонька, то ли рука
 То ли рыбонька, то ли рАкушка.
 Не подкатишь
 На сраной козе
 К нашей девочке –
 Милой Зе-зе.
 У нее в половину рта
 Вшина смёртная пустота
 И лоснится в ее паху
 Нечто теплое на меху.
 То ли ярд
 То ли акр такой
 То ли ленина чистят
 Под лениным, то ли маленький
 то ли рябой, белобрысым висит
 есениным.
 Не замечена
 в общей шизе
 Наша гордость –
 Девчушка Зе-зе.
 У нее вместо глаз – кишкы
 У нее вместо рук – кишкы
 У нее вместо ног – кишкы
 У нее вместо пуп – Артем!

Обезьяна

Обезьяна хотела есть
 Ела раненых в поле бойцов
 Ела разную грязь из манжетов
 Ела камень лежащий в пыли.
 Обезьяна хотела сесть
 Она села на несколько лет
 Она села на пару кольев
 Она села на свой тазобедр.
 Обезьяна хотела быть
 Быть отвратней Сакурова Саши
 Быть мерзотней Шайдурова Маши
 Быть хаматней самой Чулпанъ.
 Обезьяна хотела спать
 Спать в поместье и в перелесье
 Спать в хиджабе на Красной пресне
 Спать как мертвый пловец-поморник
 Спать с негроидной Вупи Голдберг
 Обезьяна хотела Ртуть!

Пома-да!

Ненавижу женскую помаду
 Так же как и дед мой ненавидел
 А отец лежал всегда надуввшись
 И помады маминой не видел.
 А еще я ненавижу хворост
 Что вязанками лежит на тощих спинах
 Что ватагами бежит по детским судьбам
 Что втыкается в быка быка рогами.
 Ненавижу – кнут и хворостину.
 Баловниц и лядей нанавижу,
 Что звенят как мотыльки о банку
 Ненавижу, сука, ненавижу!
 Ненавижу женскую помаду,
 Мерзкое ведерко с физраствором
 Я бы нимфам поотрезал губы
 И смеялся, заливая хлором!

Пешки

Реактивная ступень оторвалась
 И упала на землю грЕшну.
 Мне теперь уж совсем не до Вас,
 Мой товариСч – добросердечный.
 Тут такие дела грядут,
 Хоть лопатой говно кидай!
 В этом акте успех каков?

Никакого. Наплюй. Раздай,
Беднякам их бедняцкий сыр...
Сыроеды пожрут Сыроежки!

Я суфлирую из лопухов –
Шах конем. Рокировка.
Пешки!

Работодатель

Работодатель – сказал мне:
Мой робот – это ты, сынок!
Ссаная, сраная буратина.
Я буду в тебя играть.
Играть в тебя, буду, скотина.
Я буду тобой забивать ГВОЗДЬ!
И мне не интересно
Знать, что у тебя внутри,
Я знаю, то что я – Знать,
А ты (моими средствами производства)
Мои унитазы три.
Работодатель был лаконичен,
Предельно краток, сдержан,
Ласков, предупредителен,
Чуток, последователен.
Я почти влюбился в него.
В такого хорошего создателя
Моего...

Александр РОМАНЦОВ ►

▼ **ЛЮБОВЬ К КОНДУКТОРШЕ** (подборка стихов)

любовь к кондукторше

посереди трамвая летнего
в зелёном платьице оранжевом
она другого обилетила
и тем меня обескуражила

сказал водитель "площадь кирова"
а я в тоске, я зол, а ну же, бля
но вот она мне компостирует
она меня обезоружила

пенсии птиц

хлебов краюхая грязь
с притворным лязгом обнажалась
тянулся к югу, приближалась
довольно скучная беда

свинарка ставит невода
уже предчувствуя истому
я щерю меленькие стомы
и облади и облада

первый снег

я же девственный жених
с черепашьими ребрами
прорастают между них
ветераны Долгой Браны

у меня ж подбой в крови
у меня персты в гуцулках
трудовые муравьи
мне вслед томятся гулко

я развеиваю страх
от пугливых дымных борозд
только ночью во лесах
воеводит чёрный хвост

вот уже трясёт кусты
у предгорий Барнаулки
вот уже зачудя стыль
со перстов летят гуцулки

воспаляется дорога -
змей-Ужа ленив и гладок
и совсем-совсем немного
ждать зимы сухой осадок

• • • •

вот чавкающий бутерброд
где сверху Энжел, снизу Дьябло,
посередине липкой бабой
душа наигранно опрёт.

а завтра всё наоборот -
и Дьябло сверху, Энжел снизу,
а та с упорством Мона Лизы
огромзов ждёт

день рождения

мне ночами долгими зачем-то
снится песня. Вадик Казаченко
повторяет: "больно, больно мне"

будто я весенней гулкой ранью
как степной неведомый Сусанин
в строгом не по форме зипуне

возношу молитву: "милый Боже,
я такой же мятый скучный бомжик -
так прижми меня к своим грудям!"

но ,язык высовывая гадко,
на меня из-за угла с рогаткой
целится прищуренный Адам

и кладёт конец моим годам

холодец

суля земные, смертные блага,
в столичных дебрях паuperной хаты
кипят в тазу простые химикаты:
хвосты, свиные уши и нога.

голодною, бесснежною зимой
священнодействую тихонечко на кухне.
"Скорей зажелатинься и набухни,
мой тазобедренный, голеностопный мой!"

Бямбын БУЖНОВ ►**▼ БАРАЙЖ ЯВСАН ТЭР ӨДӨР** (подборка стихов)

Монгольский поэт, родился в 1943 году в аймаке Архангай, с отличием окончил Монгольский государственный университет, автор нескольких стихотворных сборников, был членом Союза монгольских писателей, одним из активных членов Президиума Союза сельских писателей. Его стих отличается чутким лиризмом и жизнерадостностью. Мы сохраняем текст его стихов на монгольском, чтобы российский читатель смог уяснить себе основы монгольского стихосложения.

Четверостишия

• • • • •

*Хайрын нүдээр удсэн чамайг
Хания гэж бодсоор явлаа
Хаврын сардаа яарсаар иртэл
Хайлсан цас шиг одсон байв аа.*

Мы будем вместе – был уверен я.
Любовью твой взор лучился,
Но стоило весной лишь отлучиться –
Как снег после зимы, вся стаяла она.

• • • • •

*Харцаараа юунд яринам, хонгор минь,
Хадам чинь, нөхөр чинь байна.
Хувь тавилан ийм л хойно
Хурсан гунигаа зурхэндээ тээе.*

Молят милой очи: люблю.
Да куда денешь мужа, его родню...
Видно, наш удел – покориться судьбе,
Запечатать нашу печаль в себе.

• • • • •

*Баярлажс суусан тэр өдөр
Балгах хүн олон байлаа.
Барайж явсан тэр өдөр
Байх хүн цөөхөн байсаан.*

В счастливые деньки, бывало,
Со множеством народа так славно выпивалось.
А как настали черные деньки –
Немного собутыльников осталось.

*Хувиршигүй сэтгэл
Неизменна душа*

Уул ус хослон гангарах
Уртын аянаас буцах болов
Удаан жил ханилан жаргах
Ухаант амрагаа санаж явав
Залуу цагаасаа чамайг гэх
Завсаргүй сэтгэл надад байгаа
Заяаж ханилсан намайг гэх
Зайгүй хайр чамд минь байгаа
Үзэсгэлэн голоо бусгүй олон ч гэлээ
Өр зурх ганцхан чамайг угүйнэм
Үй олны хөлд чамайг би алдахгүй
Үлдсэн явсан хоёрын сэтгэл бас сарнихгүй

Из краев, где красуются горы и реки в обнимку,
После долгих скитаний вернуться настала пора.
Да ведь все это время, неотступно, незримо,
Ты, любимая, верной сопутницей мне была.
С той поры, когда юность настала для нас,
От тебя оторваться не в силах душа моя.
Я судьбою был выбран тебе в возвещенный час.
В своем сердце одну лишь тебя сохраняю.
Хоть красавиц вокруг роковых до черта,
Среди сполоха толп я тебя никогда не теряю,
Потому что одна на двоих неизменна душа.

Ника БАТХЕН ►

▼ У ПЕРЕПРАВЫ (подборка стихов)

Куколка

Бабушка вяжет варежки,
Мажет вареньем булочки,
Пишет открытки – Валечке,
Юрочеке, Дусе-дурочке.

Бабушка ходит, шаркает,
Гладит фланель халатика:
– Лето, мол, будет жаркое,
Ходит внучок патлатенькой.

Сучка щенится истово,
Яблоня пустоцветится,
Дома альбом пролистывай –
Как ещё с нами встретиться?

Хлоркой несет, больницею
Лето старушье минуло.
Время спешит за спицею,
Гнутою, алюминиевой.

Спится несладко, муторно,
Хрипы, шаги да шорохи.
Бабушка вновь на хуторе
В сенном душистом ворохе.

Плечи гудят и пальчики
В черной земле – не счистится.
Будут смеяться мальчики,
Все на подбор плечистые.

В клубе гулянка с танцами,
В кадке опара пыжится,
Мама бредет со станции,
Дышится... ды-ши... дышится.

Летней щербатой баночкой
С тумбочки – дзынь – варенье.
Бабушка стала бабочкой.
Легкого ей парения!

Звериный рай

Боль выдают по вере.
Время наложит жгут.
Самые верные звери
Хозяев ждут.

Что им Эдем для тварей
Слева от райских врат?
В ирий не пустят парий,
Не надо врать.

Людям гореть и плакать,
Людям терпеть и тлеть,
Мордой в земную слякоть,
Спиной под плеть.

Выделен ангел-папа.
Кошке, кобыле, псу.
Моет с прогулки лапы,
Ищет в лесу.

Кормит, покоит, лечит,
Строит и стол и дом.
Кошка скакнет на плечи,
Пес – под крылом.

Кто-то в тиши дичает,
Кто-то растит жирок,
Кто-то ещё скучает,
Скребет порог.

Рай, говорят, направо.
Только искать на кой?
Здесь и любовь и слава.
И молоко!

Люди идут иначе,
Платят свои долги...
Я поводок припрячу,
А ты – беги.

Самолётная колыбельная

Когда ещё случится встретиться?
Дожди бегут, часы спешат.
Большая звездная медведица
Пасет на небе медвежат.

Ведом неверными приметами,
Покинь перрон, взойди на трап!
А медвежата за кометами
Спешат со всех неловких лап.

Земля дорогами расчертена
Из Рима в мир, из сердца вон.
Луна тяжелая как женщина,
Садится в облачный вагон.

Прямой полет – прямая выгода,
Салон заполненный на третью.
На небе нет иного выхода –
Свети, когда не можешь греть.

Терпи причуды гололедицы,
Пиши по белому мелком.
Глянь – малыши Большой медведицы
Спешат за звездным молоком.

…И ничего уже не сложится,
Ни суеты ни багажа.
Лишь перемазанная рожица
И негасимая душа.

Иzmорозь

Не было печали – пришла зима,
Подарила шубы взамен серег,
Распихала платья, да в закрома,
Попросила хлеба – а кто сберег?

Век живем, как птицы – Господь, одень!
Малых, неприкаянных накорми!
Делу лень до вечера. Длится день,
Домовые прячутся за дверьми.

Дурачок на печке, сверчок молчит.
Ставишь богу свечку, и черту ставь.
Выйду на крылечко, снежок мельчишь.
Выйду босиком, да по следу ржавь.

На лице свинец, по бровям сурьма,
И на шее белые янтари.
Затвори руду, госпожа зима,
Кровь мою горячую утоли.

Упокой до света, а там, глядишь
Оттепель несмелая, белый пух.
По ветвям, по крышам Господня тиши...
И её – на части – кнутом – петух!

Мартиролог

Когда умирают вещи –
Шуршат и исходят прахом,
По ткани неровно рвутся
Не доходя до шва.

Под патиной не почуешь
Был вензель там или профиль,
Прагматику древоточцу
Нет разницы – дуб, орех.

Сыреют в подъезде книги –
Гравюры, сафьяны, яти,
Их нюхает кот и хмуро
Бросают в костер бомжи.

Бумага гореть не любит,
Тепла от неё не сыщешь,
От писчей не пахнет пищей,
На ватмане карандаш

Оставил следы батона,
Оборванный контур рыбы,
Стакан – не поймешь без водки
Он сух или полупуст.

Когда умирают вещи,
Уходят черты и резы
И надписи «Делал мастер»
А имя – не разобрать.

Лиловый цветок ткачихи,
Автограф в кольце под камнем,
Клеймо оружейных или
Скрипичных высоких дел.

Вы видите – бородатый
Старик составляет лаки,
Счастливчик портной искусно
Обметывает петлю.

Играет «люблю» в бокале –
Такого вина не помнят
Московские старожилы –
Московские – те, кто жив.

Когда умирают вещи –
За ними уходит память,
За памятью делятся тени,
И время спешит восслед.

Беззвездная бездна манит
Ни звона ни вдоха ныне –
Свою земляную вещность
На вечность давай, меняй!

Попробуй – ты будешь ангел,
Бесплатно взойдешь бесплотный,
И скажут – пришел Денница,
Спасайте детей и сны.

Попробуй – казенной робой,
Вчерашиным хлебцом и рыбой,
Патлатый, безумный, веший –
Я царь. Я гонец. Я – вещь.

Когда умирают вещи,
Они умирают долго.
Когда умирают люди,
Им страшно...
А смерти – нет.

• • • • •

Как рыдала до хрипу на стогу –
Без тебя, голубчика, не могу!
А пришла зима, занесло стога
– Каждая травиночка дорога.
На слезах поставила каравай,
Подгорит поди – а ты ешь давай,
По сусекам выбрано, сметено,
И вода обманчива как вино,
И снега изменчивы как слова,
Скрыли все следы – а чего скрывать?
В бане все мы голые, малыши,
Кто отмыл бы глупеньких до души...
Проще сделать новую – будет жить
На тебя, голубчика, ворожить,
Ворошить стога и топтать снега –
Каждая любвишечка дорога.
...Ну а мне упрямой одно дано
Во поле ходить, хоронить зерно.
Если ж не заладится урожай –
Испечем гречишники. И не жаль.

Гостинец

У неё, красивой, будильник, заведённый на семь ноль пять,
Но она просыпается в полшестого, оттого, что не может спать,
Жадно слушает, как в постели дышит хомо – такой смешной,
Как снежинками захрустели сны о свадьбе с чужой княжной,
Капля пота по тонкой коже, тень свисающей простыни...
Эти дни у людей похожи, соответственны эти дни.
До рассвета дышать и вещи собирать и просить «звони»,
Слышать голос – наверно, веший, чуять запах чужой стряпни.
Расставаться конечно рано, но будильник звенит «пора»
И у бога другие планы на остывшую часть утра.
Хомо – хомини. Что, домини, ты бы смог переждать в селе?
Любоваться, как лёгкий иней рассыпается по земле,
Сыпать в ясли сухое сено, гладить морду и бок вола,
Не тревожить жены поныне, если поздно вчера легла,

Променять всех на свете грешных на живое тепло и пот?
Посмотри, как растёт орешник, как плывёт по теченью плот,
Зреет плод...
Закрывают двери. На такси до метро. Пока
Нам нелепым дают по вере, от дыхания до глотка,
Ожидание будет длиться, заскорузлое что кора,
Будут мститься чужие лица, телефонные номера.
В номерах засыпают обок – просыпаться наедине,
В суматохе звонков и пробок независимо леденеть...
Страстным страхом пропахло ложе. Кенотаф. Бастион. Нора.
Капля пота по тонкой коже. И будильник – на семь утра.

У переправы

Сласти нынче дороги. Потому
Не спешится встречать царя.
Мишурь китайской полно в Крыму –
Глянь – отсюда до января.
На базаре с чудом сплошной пардон,
Вместо ели опять сосна.
Но нежданный гость постучался в дом
И ботинки у входа снял.
В бороде запутан сухой листок,
Пахнет пряностями халат
Из одних заплат... Говорили – строг,
Обещает и мор и глад.
Оказался скуп на слова, зато
Отыскал молоток и гвоздь
Убирал посуду, играл с котом,
Как обычный хороший гость.
Как же славно с ним преломить пирог,
Выпить чаю, достать конфет.
...Все снежинки в мире придумал бог –
Двух похожих на свете нет.
До поры до времени быть зиме
С красной пылью снега мешать.
В Вифлееме Сын побеждает смерть
Мы поможем ему дышать.
Двух прохожих надо найти в порту
И купить билет на паром.
Я протру со стола, а потом пойду
Вспоминай обо мне порой...
Штормовое время зимой в Крыму,
Валит стены, крушит кресты.
Тroe к вечному свету плывут сквозь тьму,
Сквозь пустыню, где «пусты» и «ты».

г. Феодосия

Константин КОМАРОВ ►

▼ ОЧЕРЕДНОЕ УТРО (подборка стихов)

NB

Мне нечего уже почти
сказать – сквозь крик любви угрюмой.
Всё, что записано – прочти,
что не записано – додумай.

Мои старания стары,
они своё уж отблукали,
и рваные мои штаны
полны отнюдь не облаками.

И в пику злобному тварью
орать мне надоело с понтом.
Всё то, что я теперь творю –
в бесплотности сродни экспромту.

Я шёл на ощупь завсегда;
хоть в этом путь мой был успешен,
всё, что осталось без следа –
не повод для глухих усмешек.

Поэтому прими всерьёз
рыдающего духа сводки –
переходящие в сырьё
для нежной и слоистой водки.

Нам никуда не догрести,
поскольку я – пловец, ты рыба.
За недожатое – прости.
За пережигое – спасибо.

Предел, положенный на вещи,
в них убивает суть вещей,
и вещь, расставшись с ней навечно,
становится ещё нищей.

А дух становится богаче
и в горло голое орёт,
что только так, а не иначе,
мы слово двигаем вперёд.

И эти волшебство и сила –
мощнее Круглого Стола
и круче, чем посредь Тагила
река текилы бы текла.

Да, эта магия нагая
когда-то обессмертит нас,
пока ж нам лучше нет награды,
чем ломкой речи первый наст.

И мы пока не облажались.
Не умерли. Цветём, как мирт,
себя в себя преображая
и тем о-пределяя мир!

• • • • •

На глазах моих глюки множатся,
и осенний ветер – из таких,
что сдирает с листочеков кожицу,
но с дерев не срывает их.

Так уж принято в данной местности:
ставить всем на зрачки печать,
и равны по своей надменности
души доменным здесь печам.

Здесь никак не зашкалят датчики,
ибо вышколены они,
и спиваются неудачники,
что лишились своей брони.

В горло ком никогда не вонзится им,
первым клином войдёт под дых,
ибо притчи их воязыцные –
посвежей иных цеховых.

И хотелось бы всех порадовать,
что, мол, близок уже конец,
но заблёваны все парадные –
человечьих и нет – сердец.

Единица ли, ноль ли – ум
отказался воспринимать,
и холодный линолеум –
распоследняя нам кровать.

Обожжённые и оплошные,
мы чужой не расслышим крик –
деревянными нам обложками
станут книги гробовых книг.

И появится солнце красное
над прекрасной землёй пустой,
и ура моё троекратное
зазвучит, как залп холостой!

• • • • •

Я прошёл по касательной
замозоленных строк,
мой полёт показательно
безыскусен и строг.

Со штурвалом не фомкался,
не летел сквозь метель,
не выкидывал фокусов
я и мёртвых петель.

Но под злобное лязганье
незаконных зевот
я разбрисал об ясный и
неживой небосвод.

И остался не на день, и
не на два, не на три,
а навечно – ненайденным
чёрный ящик любви.

Предзимнее

Губы мои открывая своими,
ты – если сможешь – в меня задохни
дозу огня, на котором сварили
нас эти рваные летние дни.

Где мы с тобой предавались разбою,
жарко дыша, как в печи калачи,
так зацепиться могли бы резьбою
в тесном кармане большие ключи.

Пусть ненадолго – до первой расцепки,
но почему я ловлю себя вдруг,
что в интернете смотрю на расценки
местных бюро ритуальных услуг.

Вот до чего эти дни испалили
незолотое сознанье моё.
В спальню входили мы, как исполины,
и выползали без сил из неё.

Разве что львы, изменившие прайду,
или сломавший скафандр космонавт
смогут понять нашу тайную правду –
наиправдивейшую среди правд.

Пусть ты теперь и не дашь указанья,
где мне надыбать тепла к январю,
не за горенье, а за угасанье
я тебе искренне благодарю.

Купаться запрещено

Мы в строптивых озёрах купались,
где не встретишь счастливой семьи,
и купанием тем искупали
первозданную тяжесть земли.

Там вода выгибалась, как дыба,
и дурная шла дрожь по крестцу,
говорят, там трёхглазая рыба
позвоночник сломала пловцу.

И пока спали наши геномы
от земного устав шантажа,
распивали дрянное вино мы
на берегах ВИЗ-пруда, Шарташа...

Запах вод маслянистый и пряный
нас баюкал – дремотно-сонлив,
а однажды весною по пьяни
я залез даже в Финский залив...

Да и в горных прозрачных речушках –
там, где ты достоверно ничей –
узнавали мы цену речужкам,
подраставшим до громких речей.

Ах, душа моя, как это странно,
что дельфин косит здесь под малька,
что рождённого для океана
в лужу грязную надо толкать.

Только воя не выдаст вам выя,
только мы с тобой грешным путём
если уж к океану не выйдем,
то уж лужу хоть как обойдём.

Мы способны подняться, упасть и
подняться опять всё равно:
только плавать, тонуть и купаться
нам повсюду не запрещено!

• • • • •

Я просыпаюсь в шесть утра,
мне снится град Петра,
и говорят одни – пора.
другие – ни хера!

И в свой я выхожу Свердловск,
в его шершавый лоск.
И на душе моей светло,
и затемнён мой мозг.

Часы сердечные сбоят,
они спешат, увы.
И над Исетью не стоят
богатыри Невы.

И я туда уже не рвусь,
и швед мне – не сосед.
Но я туда еще вернусь
и, может, насовсем.

Там разводила горсть пшена
в ведре гнилой воды
моя бабуля. И она
оставила следы.

А я ступаю мимо них,
а надо бы след в след.
Я сплю. И не спасает стих.
И холодаеет бред.

И рваный питерский туман
висит на мне плащом.
Урал во мне – не от ума,
я за него прощён.

Я за него уже сказал,
я по Уралу спец.
И вот – иду я на вокзал,
беру в один конец.

И просыпаюсь. И бегу.
Но поезд усвистал.
И я у Питера в долгу
опять один остал-

ся. Я всегда должник.
Я заблудился – весь.
А за окном идут дожди –
Везде: и там. И здесь.

• • • • •

Перемолчи. Попробуй перемучить
сырое слово. Не произнося.
Укрой его в душе своей дремучей,
как чаща прячет стройного лося.

Попробуй оторвать от роговицы
очередной несовершенный слайд
волнующей такой отроковицы,
готовой завсегда тебя послать.

Прочисти уши ледяным компотом
ноябрьской звенящей немоты
и отыщи у ночи под капотом
нездешнего случайные черты.

И в этом гуле – трубном и утробном
очередное утро утрамбуй.
Но не печалься ни о чём подобном,
а просто будь. Элементарно – будь!

• • • • •

Ты знатной гостьей впущена
в мой рукотворный ад.
Я рад тебе, как Пущину
был, может, Пушкин рад.

Так что же ты? Как дома будь!
Винца себе налей.
Присядем рядом и, мабуть,
нам станет веселей.

Ведь мы похожей оптики.
Одни у нас, поверь,
быют маленькие гопники
бутылки в голове

и семки смачно лузгают.
Так вот моя рука,
чтоб я – тобой неузнанный –
не обтирал бока

по неспокойным рюмочным,
по ржавым гаражам
и трёпом межеумочным
пьянчужек ублажал.

Иди со мной по лезвию
и за меня держись.
И будет нам – полезная
и радостная жысть.

Ведь не вместимы вместе мы
в неистинный гундёж.
Так поднимись по лестнице –
и ты меня найдёшь!

• • • • •

Мне стоило вести себя
немножечко умней.
И я бы мог вести тебя
к ярчайшим из огней.

Но так душа вместительна,
что ей же на беду –
мне некуда вести тебя
и я себя веду –

в неведомые области,
в незримые края,
где ангельские обыски
проводят кумовья.

И мне теперь неведомо,
куда ведома ты.
И я теперь заведомо
сжигаю все мосты.

И звуками истисканный
блатными я – уволь –
не соберусь вести себя
тем, кто тебя увёл.

• • • • •

Я опоздал. И в мокром оподзOLE
солёно-вязких одиноких дней
мне не найти тебя. Я опозорен.
И справиться с позором тем трудней,
чём ближе наступленье карнавала
и тех времён под гнётом потолка,
когда меня, спасая, убивала
очередная фляжка конъяка.

Бездонно-обездоленные фляги –
пособники сухого ничего,
вы до сих пор полощетесь, как флаги
на ветерке дыханья моего.

А ты исчезла. Растворилась в строчке,
уставши ждать, сгибая уголки...
И вот на смену волку-одиночке
приходят вновь позорные волки.

Стихи мои нетрезвого почина
на печени растут, а не в груди.
Так что уж тут? Закуривай, волчина,
И в небеса кричи: «Ну погоди!».

Не распогодится к твоей свинцовой свадьбе
Дожди идут четвертый день подряд.
Я спать ложусь с желанием поспать бы
и убиваю на ночь звукоряд.

Я подхожу к бумаге с пёсью спесью,
с прощальной песнью, с краденым стилом.
Не спится мне. И мир трепещет – спейся!
Но мне уже и спиться чё-то влом.

В сплошном оттяге, в бешеною ватаге
секунд из пола, бьющих, как фонтан,
мне так тебя постыдно не хватает,
как только жизни может не хватать.

• • • •

Очевидное – очи не видят.
Неизбежное – издалека.
Но накручена гайка на винтик –
на резьбу неземную зрачка.

Бесконечно развинчивать зренье –
злой удел – так смотри и терпи,
как стыдливо разомкнуты звенья
в обескровленных взглядов цепи.

И упёрто доказывай с пеной
ротовой перед врытой толпой,
что, быть может, твой глаз и неспелый,
но вот только никак не слепой.

И пускай на финальный твой кашель
не придёт ни один аноним.
Всё равно ничего не докажешь,
если видишь – незримое им.

• • • •

Палицей пальца не перелицуешь
память, её не залепишь прицел.
Все, кого ты ещё перецелуешь –
лишь обесценят убийственность сцен

что ни на есть гвоздевых и потешных
(лескинозалкрышакойкадиван),
где – раздвоив на тебя и одежду –
празднично так я тебя раздевал.

Не раздеванье, а произведенье
смертным простым недоступных искусств –
за экзистенцию приз, за вечерний
преодолённый этично искус.

Ты не боялась, хоть я был воинствен,
словно плебей, почитавший «Playboy»...
Вот и сейчас на сетчатке двоится
платье твоё – без тебя и с тобой.

И, размочив ретроспекций объедки
в сопле гортани, сыром от соплей,
нож языка режет мир на объект и
неадекватный объекту субъект.

Всё – от усталости, от дистиллята,
что я один за обоих испил.
Как там столицы и что за стиляги
нынче тебя запускают в распил?

Звал же поэт за любимую драться.
Но я – такой – если что и порву –
этот листок, где написано: «Здравствуй,
солнце моё». И проснусь наяву.

• • • •

Я вижу пороги пороков,
их уксусный знаю укус,
но в адом этом барокко
остаться навеки боюсь.

Замёрзшей петлею монисто
на шее звенит голубой –
и Данте похож на дантиста,
и изверг – Вергилий любой.

У здешнего неба саркома
и руки повесив в карман
с лицом пожилого наркома
разлегся под ним наркоман.

В отравленном паникой цирке,
где клоуном клоун храним
не место несобранным циклам
разодранным книгам моим.

Кончай эти чертовы сказки
рассказывать мне, алкоголь.
Кончай эти чертовы скачки
и душу из тела уволь!

Разбавь жизни волглую жижку,
разъешь смерти злую межу,
оставь мне лишь то, что я вижу
и в безумье ночную вяжу.

• • • •

Сидишь на пьянках допоздна,
где разных фраз и поз навалом
и хорошо бы распознать
да только нераспознаваем

твоей нездешности штрих-код
и околелости келейной
и N тебе вина нальет
и S присядет на колени

к нему, конечно же, к нему
но ты не можешь здесь оставаться
уходишь, чтоб собой не му-
чить этого пространства,

оно и так уже трещит
по белым швам чужой потехи,
на нем разводятся клеши
ползучих слов, шипят помехи

коммуникации простой,
элементарных диалогов
и Н тебе не скажет – «Стой!»,
когда уходишь без предлога,

поскольку у него есть S –
такая правильная пара –
поскольку у него есть секс,
бутылка, мама и гитара,

а ты не то чтобы такой
весь романтический страдалец,
ты не взрыдаешь над рукой,
едва лишь поцарапав палец.

Но ты до края доведён,
лишен покоя и уюта,
и сердце, как пустой бидон
звенит, биясь о радость чью-то.

И щелкнет за тобой замок –
железных обитатель скважин.
И ты поймешь, что всё – замолк.
И ничего уже не скажешь...

• • • •

Лихих мотыльков отряд
опять осаждает лампу
и я поднимаю взгляд,
как пес поднимает лапу.

И я опускаю взгляд,
как в ржавую щель жетончик
и буквы друг друга злят
своей кривизной неточной.

И радостям роковым
простив про себя измену,
я зрением боковым
опять упираюсь в стену.

Виктория БЕРГ ►

▼ ПОХОДНАЯ ИГРОВАЯ (подборка стихов)

Кватроченто

Когда на пятом этаже панельно-щитовой надежды
твой лифт из банки для сардин вдруг превратится в звездолёт
и на буденовке твоей звезда заветная забрезжит –
Земля на миг замрёт в груди и, покачнувшись, поплынет

к таким неясным е*ням, что невозможно и представить.
Захватит дух и по спине мурашки двинутся «свиньей».
Из лёгких вырвавшись, восторг сметёт журавликов из стали,
что ты сложил за столько лет, желая счастье не своё.

А после – самый первый вздох – пока сдираешь спешно кожу,
и первый шаг в пьянящий свет и ветер, ласковый, как шёлк.
И затеряется твой след среди неведомых дорожек,
где можно выдохнуть себе: «Ну, здравствуй, мама, я пришёл».

Походная игровая

Это, братцы, не моё – вдоль дороги буераками.
Нет, не конечно живьё – посмеемся, хоть и плакали,
ожиная тучных дней, лебеды да одуванчиков,
будет солнышко на дне запотевшего стаканчика,
будет хрусткий каравай, хороводы с пересмешками.
Кто отстал? А ну, давай, пыль ногами перемешивай!
Не гляди по сторонам, день не станет сердоликовым.
Долго тянется верста – ну и ладно, почирикаем,
что нам горе горевать, коли небо горечавками?
Развесёлая игра – быть свободным и отчаянным
и не знать, что на пути нет свидетелей дурачествам –
то ли тень быстрой летит, то ли эхо где-то прячется.

Исток

Помолчать в тишине.
Быть никем. Ниоткуда.
И увидеть, как волны стирают следы

из вчера в никуда.
Жизнь – великое чудо,
если можешь один посидеть у воды

и принять – как спасенье –
шум в кронах сосновых,
горечь хвои нагретой и скрип тростника,

стать великим и малым,
звеном и основой...
и уплыть на восход, как большая река...

Вернись незаметно

Вернись незаметно, пока не забрезжил рассвет,
покуда на холст бытия не наложены краски
иных, полноценных, пропитанных радостью лет,
тобою обмененных слепо на славу и ласки

в оазисе призрачном, в городе смеха и слёз. –
Что проку считать медяки – легковесное счастье?
Ты чувствуешь – знойный хамсин вместо пыли принёс
прохладу желанную пальм, звон негромкий запястий

и смех – как горошины стук по цветам из стекла? –
Покрылась личинками мух сожаления рана.
Прощай, блудный сын, откровенья минута пришла.
Вернись незаметно – быть может, придёшь слишком рано.

О мухах и котлетах

Мы даже, может быть, остынем
и вспомним радости простые,
и в нашей выжженной пустыне
взойдут тщедушные ростки,
но нынче это нереально.
Нам слишком тесно в ареале,
где общим – только умывальник
и тот, скорее, – вопреки.

Наш мир уходит тихо в Лету.
Раздельно жарятся котлеты
и мухи врозь жужжат в рассветах,
тихонько крыльями шурша.
И мимо нас струится прана.
Мы посыпаем солью раны
и верим – поздно или рано
проснётся в ком-нибудь душа.

Перешагивая

Перешагивая город поперек,
замечаешь на продольных желобках
то мерцающий болотный огонёк,
то поток огней, ревущий, как река.

Проплывают мимо, катятся миры,
перейти тебя сквозь стены норовят –
ты шагаешь и не ждешь *et ceter(ы)*,
суетится в голове десяток крякв,

ищет плевел средь не выросших рогов –
глазки умные, но кряк слегка визглив.
Ты плюёшь на них и месишь свой творог,
поднимая выше ноги от земли –

в крынке города. Стараясь не дремать.
 Взгляд на свет – и вновь шагается легко.
 За тобой крадется добрая зима –
 берегись её спасающих клыков.

Елена ТИХОМИРОВА ►

▼ В КАЖДОМ ВЫДОХЕ КОЛЕСА (подборка стихов)

Узкая долгая улица

Кажется тут
 я впервые осознала силу цвета
 золото южного солнца
 лазурь июльского неба
 изумрудный листвы
 охра старой штукатурки
 серость булыжника
 переплелись
 но не смешались
 и сотворили узкую
 долгую улицу
 ведущую
 к пока невидимому
 морю

Мама
 светилась
 простой красотой
 неяркой блондинки
 и синее пляжное полотенце
 наброшенное на плечи
 ловко оттеняло
 молочную белизну
 её сарафана

Мы говорили
 обо всём и ни о чём
 я отдавала ей город
 в котором она не была
 как ломоть
 янтарной спелой дыни –
 сколько бы ты ни съел
 потом
 обязательно захочется
 ещё

Море
 оказалось
 бурливым и ветреным
 поверхность

бесконечно переливалась
косяками серебристых
волн

– Пора возвращаться
Мама
слегка улыбнулась
а я
отчётливо поняла
что мы одногодки
и у нас
никогда
не было и не будет
синего пляжного полотенца.

На всю жизнь

Моя бабка
Мария Петровна
многое пережила.
Эмансиацию
Революцию
Коллективизацию
гражданскую
отечественную
застой
перестройку.

Родила троих детей
Похоронила двух мужей.
Летом неизменно
сидела на дачном крыльце
дымя папиросой
чистила
ножиком
со съеденным лезвием
бесконечные
вишни
сливу
китайку
и следила за внуками.
– Ба, а что в жизни
было самым невыносимым?
– Во второй раз терять
мужчину
который вернулся.
Это смерти подобно.
Ответила она
не задумываясь
не отвлекаясь от яблок
не выпуская папиросы изо рта.
Мне было пятнадцать.
Запомнилось

Молитва

Когда мать варила
суп из щавеля
моя бабка на предложение
попробовать его
всегда отвечала отказом
сморщивая сухое загорелое лицо:
переела в деревенском детстве.
из еды
она больше всего любила
свежий белый хлеб.

Другая моя бабка
когда клеили обои
проводила по ним белой рукой
унизаной венами и перстнями
и тихо говорила:
– Такие не сваришь...
да и клей сейчас совсем другой.
С сорок третьего года
она ни разу не побывала
в Ленинграде\Петербурге.

Когда вспоминаю их
твержу одну молитву.
Прошу Его
чтобы мои дети
с удовольствием ели щавлевый суп
и использовали клей и обои
только по назначению.

Бесполезность парных вещей

Секретарша уходила в декрет
лениво собирала личные вещи на рабочем месте
/любимая красная кружка
крем для рук
пилочка для ногтей
дорогая помада
дешёвая пудра
крепкий никогда не цветущий кактус
в терракотовом горшке/
легко роняла предметы
бережно придерживала глобус живота
обтянутый синим комбинезоном
не идущим к её русым волосам
и бледной коже
отвечала невпопад
улыбалась своим мыслям
наконец
освободила место преемнице.

После её ухода та нашла
 в глубине пустого ящика стола
 золотую серёжку с некрупным бриллиантом
 позвонила владелице
 она ответила на звонок не сразу
 выслушала и рассмеялась рассеянно:
 – Оставьте её или возьмите себе
 мне некогда за ней возвращаться.

Новая секретарша повесила трубку
 хмыкнула удивлённо
 /нашлась миллионерша безмужня/
 постучала алым ногтем по столу
 поправила и без того идеальное
 каштановое каре
 расправила мнимую складку
 на прямой чёрной юбке
 приступила к разбору договоров
 и до самого вечера отгоняла
 от себя назойливые мысли
 о бесполезности
 лишившихся пары вещей.

Счетчик сценариев

В пустом зале
 Экран
 открытого сердца
 небрежно склеенная
 кинолента
 треск
 шуршание
 мелькают кадры
 радужное детство
 серая юность
 алая молодость
 чёрно-белое настоящее
 будущее
 отливает перламутром
 нереальности

вот я
 бегу от себя к тебе
 вот ты
 идёшь навстречу
 мы
 делаем
 одиннадцатый шаг
 улыбаемся
 касаемся пальцами
 лиц
 разошлись
 за минуту до...

счётчик сценариев
в моей голове
уже
беспристрастен

Аритмия

Любованье полётами чаек,
хрустальным снегом,
вершинами стройных гор –
что из этого списка
делает счастье полным?
Я смотрю
на серое небо,
на холодные волны,
понимая, что до сих пор
уходила лишь по-английски:
ни ключа, ни записки,
ни звонка, ни забытой одежды.
Вроде, смелость и риск,
пополам с надеждой,
что вернут и задержат,
хотя бы в памяти.
Только жизнь –
не поставленный
смертью памятник,
это воздух, что ищешь
незрячими пальцами.
Исчезает ответ
на беспомощное «останься»
и властное «подожди»,
выбивается из груди
неровными стуками сердца,
заглушается
силой солёного ветра,
отражаю
в точнейшей душевной призме
извечный асинхронизм:
переизбыток
нежности в организме,
при недостатке тепла и света.

Выбор

А выбор мой, как прежде, чист:
месить загаданного глину.
Судьба – простой тетрадный лист,
исчёрканный наполовину
врачебным почерком любви
/в графе «инициалы» – прочерк/.

Мне кто-то говорит: живи.
 Но трижды прозвенел звоночек
 и первый близится антракт.
 Есть время выверенным жестом
 покинуть камерный спектакль,
 в партере уступая место
 иному зрителю – уму,
 и мудрости в простом наряде.

Лишь оперённые поймут,
 как неуютно птице в стаде,
 когда протягивает жизнь
 клочок засушенного сена.
 Но кто-то говорит: держись,
 дыши и верь.

Покинув стены,
 по зову тихому небес,
 ты раскрываешь важно крылья,
 и кто-то говорит: воскрес
 ещё один, не без усилия.
 А ты, оставив позади,
 театр, хлев, небес дорогу
 услышав, наконец: войди,
 впервые «да» ответишь богу.

Начало

Если захочешь, вернись в начало...
 ты – эмбрион, окружённый водами
 \как ещё люди обозначают
 слитность небесно-земной породы?». –
 Плаваешь в них так легко, податливо –
 ангел, забывший болезнь кессонную,
 словно не мучила суррогатами
 тело, в тоске февралей бессонных,
 не задыхалась во льду и пламени,
 что до крови разрывают душу...
 Ниточкой длинною пульс дыхания
 въётся в тебе изнутри-наружу,
 волнами, лаской с морскими схожими.
 В любящих водах легко согреться –
 видишь, как бьётся под тонкой кожею
 точка,
 что стать
 обещает
 сердцем?

Крылья голубки

Думаем параллельно о ста вещах...

Как бы мне научиться себя прощать,
без раздела обид на понятные части,
как тебе избегать причастий
от глаголов прошедшей страсти,
сколько нам предстоит напастей
отводить от простого счастья?

Чья вина, или чья заслуга
избавление от испуга,
как понять, что нашли друг друга,
а затем, не пойти по кругу,
если будущее незримо,
тянет прошлого серым дымом,
настоящее – пантомима...

Но стираем неумолимо,
слой за слоем, остатки грима,
перед зеркалом, так ранимы
оба, в старых своих доспехах,
ошибаясь, считая смехом
отголоски пустого эха...

Можем думать и говорить
без конца, обо всём на свете,
болью смятые крылья
голубки-любви
расправляет попутный ветер.
Наблюдая её полёт, замирает душа твоя...
понимаешь, что без неё
нет ни света, ни бытия?

В каждом выдохе колеса

Слово
одежда без рукавов
из покорной судьбе тонкой материи
для неназванного
на стыке осей
параллельных миров

Наш мир
слепленный из глины общего тепла
отнятый у львиной гордыни
зажатый в раскрытой любовью ладони
достоин последнего взгляда
как ни крути

В остановке нет смысла
если движенье не станет итогом
пока есть сансара морского песка

В каждом выдохе колеса
живёт молчанье дорожной пыли
в сотом вздохе
будет ли слышен намек на первый?

Сергей ГЛАВАЦКИЙ ►

▼ **НА РАЗНЫХ ЯЗЫКАХ** (UFO.βορός) подборка стихов

На своей олимпиаде

В жизни двух людей бывает время,
когда они становятся до неимоверного похожими,
и тогда они не знают,
сколько чужой крови прольётся там, где они целовались.

И все, кто на сцене,
замурованы в реликтовый янтарь,
а ты несёшь на руках то, что не можешь потерять,
и уже бежишь,
самый быстрый спринтер на своей олимпиаде,
и не замечаешь,
что самё Мир растворяется на твоих руках в тот момент,
когда таранишь финишную ленточку.

Но она же оказывается и красной лентой,
и весь этот бег по кругу
стремишься обратить в обручальный космос,
потому что ты кроме космоса можешь создать,
если мира уже нет?

И каждая цикада – о тебе,
и никаких полнолуний за всю историю,
никаких маньяков в голове,
и если это не фестиваль, то что же тогда?
Любовь как стремление к андрогинности души,
андрогинность души как высшая благость,
высшая благость как мимикрия с Абсолютом...
Это и есть наш фестиваль.

Знак хаоса,
стрелки во все стороны, но внутрь,
как центростремительное тяжение,
и пусть осуждённое серебро вместо гальванического снега,
и понимаешь, что счастьеечно,
хотя призраки утверждают иное,
а когда комета упадёт на тебя
и станет твоим ядром,
ты сама станешь, как звезда, и ослепишь себя.

В жизни двух людей бывает время,
когда они становятся до неимоверного похожими,
и тогда за них решают,
с кем они будут в следующем перерождении.
А иллюминатор поезда,
(Самолёта? Спутника?)
вечно разделяющий бегущих,
вовсе не при чём.

• • • •

Мне снилось, что ты меня бросила,
И – бросила нехорошо.
Мне снилось, что жить мне до осени.
Хотелось немного ещё.

Мне снилось, что ты повела меня
В дурдом, чтобы больше не знать.
Мне снилось, что я, уже каменный,
Ищу тебя с неба глазами на...
на собственных похоронах.

Проснулся: и правда, что бросила.
И правда, что – нехорошо.
Прошу об одном лишь – чтоб осенью
Среди провожающих озерье иль...
иль тех, что за мной бегут – с косами,
Тебя я глазами нашёл.

• • • •

Душа – на ниточке,
Ума – пол-атома.
В кромешной пыточной
Гремят булатами.
Душе – скопытиться,
Уму – сколёситься,
А мне, провидица,
Бей в переносицу.
Служб бес-опасности
Тобою созданных –
С убогой праздностью
За мной – апостолы.
Все бизнес-бледи, и
Все – шляхи тайные:
Тысячелетия
Неурожайные.
Но как аукнетсяся,
Так и откликнется.
Какие спутницы –
Такие рыцари.
Какие золушки –
Такие принцы, но –
Сидеть на колышке –
Не принцев принципы.
И человечество,
От дур уставшее,
Которым нет числа,
Смерть предпочтящее,
Совсем откажется
От вида «женщина»...
Всё, что мне кажется,
В тебе – развенчано.

• • • •

И я высвобождаю своё сердце,
И выжигаю всё, что можно выжечь,
И не бывает пусто свято место.
А где-то (где – не помню) по инерции
Невесты умирают, словно мыши,
Вид делая, что есть цена невестам.

Забыть, как – страшный сон, как – ветра кому,
Рудиментарного Христа, когда он
Убийцы тень. А остальное – к чёрту.
Цель такова, а кто там был... а кто был?..
Ведь гений – это только дважды даун.
Ведь если любишь – ты второго сорта.

Пародией на женственность – зверёны,
Неприкасаемых брахманов каста
Идёт сквозь смрад пустыни, идёт вброд и –
На подиум, без нимба, но с короной,
Вид делая, что лишь прогресс – наш пастырь,
Что ничего не происходит.

И от любви до ненависти – миг лишь,
Не шаг, но только взмах ноги над плахой,
И вместо общей жизни – о погоде,
О том, к чему пришли, чего достигли...
Но я-то знаю, став почти монахом,
Что ничего уже не происходит.

• • • •

Я Югославия. Я Будда.
Меня не видно и не слышно.
И став для жизни, как UFO,
Я буду садом незабудок
И море делать неподвижным,
И – успокаивать его.

Моей единственной не понят,
Извечной суженой не принят,
Не вхож в любимый окоём,
Я буду жить на небосклоне
Последней, тёмною святыней
И – исповедовать – Её.

Распотрошён прошёдшей мимо,
Судьбой свою же отогнут,
Я буду ждать повестку в ад.
Под Зодиака пантомимой
Я разрушаю сердца климат
И разрешаю – да! – на органы
Себя потом освежевать.

S.O.S.

Я посылаю в мир сигналы SOS.
Но мир молчит. Мир умер раньше.
В беснежном поле колосок –
Один. На Землю всю – один.
И потому с тобою я един,
И потому мир сед, а не оранжев.

Мозг ищет выход. В тупиках,
Во тьме, что – кровью мироточит.
Но рыбака рыбак из глубока
Увидит, если он – один.
Мозг выбирает жизнь, жизнь во плоти.
Жизнь выбирает мозг, и – многоточие.

• • • •

По небу ползут оригами.
На льдах лихорадок хомут.
Живёшь в гальванической яме,
Не нужен уже никому.
И дышишь, и мыслишь, готовый
Разрушить всю прежнюю жизнь.
Что жизнью своей арестован,
Что вера – твой личный фашист,

Ты знаешь, и это гестапо –
Что карцер в повторном раю,
Но некуда дальше – на запад
И не к кому больше – на юг.
И счастлив себя бы исправить,
И спрашиваешь – «Кем мне быть?»,
Но сотни роялей без клавиш
Тебя взяли в круг, как гробы.

В озимых мехах тяготенья
Ты ждёшь омертвения чувств,
Но молишься в этом паденьи
Единому в мире Врачу.
В какой обитаемой бездне
Со смертью ты счёты сведёшь,
Чтоб вновь в стратосфере исчезнуть
И к Ней совершить свой Падёж?

В нашем Средневековье

Не пройдёт и нескольких кайнозойских сезонов,
не успею отпустить в небо ни одной пустельги,

я вернусь таиться
в ту стеклянную камеру обскура,

рядом с которой в другой такой же камере
таилась ты,
и дожидаться,
когда смогу дотронуться
до твоего сонного утреннего лица
своими руками.

Затем я буду сидеть на самом берегу моря,
которое всего раз за Вечность было неподвижным,
потому что спокойно было нам,
а ему было спокойно с нами,
и пойму, что никогда не покину его,
потому что люди меняются,
а оно остаётся нам в утешение,
заменой тем людям,
которых уже не узнать.

Потом я вернусь в тот день, когда
реки становились морями
и оттого мне было просто читать твои мысли,
прикоснувшись своим виском к твоему,
и потому никто-никто не поднимет голос
за оставленные на энной скамейке
энные солнечные очки.

И наконец, я промелькну мимо тебя
среди грохота ежей по тверди,
шума виноградной оторопи
и шёпота мыслителей,
но мне только на секунду покажется,
что я промелькнул,
а на самом деле мгновение остановилось
и я взял тебя за руку.

Я вернусь в это время
навсегда
из мира, из которого я,
как вампир,
выпил всю Любовь
ч-е-р-е-з-т-в-о-и-г-л-а-з-а,
и она сохнет во мне,
и мне некому подарить
её сухой остаток.

Я стану небесным телом
там, в нашем средневековье,
над построенной нами Землёй,
чтобы родиться твоим ребёнком.

ПРОЗА ЧАСТЬ 2

Руслан ДОЛЖЕНКО ►

▼ СЛЁЗЫ ПОД ДОЖДЕМ (фрагменты утраченного цикла)

ОДИНОЧЕСТВО

Я проснулся сегодня очень рано. Встал, заправил кровать. Долго чистил зубы в ванной. Сварил себе яиц, наконец-то они получились всмятку - так их мне делала мама в детстве когда-то. Я намазал себе хлеб маслом, сварил слабенько кофе в турке - из-за давления мне нельзя пить крепкий кофе. Ел и смотрел в окно. Второй уже день не вижу людей, одних птиц за окном.

За сотни километров от этих строк несколько часов назад проснулся мой дедушка. Он встал, заправил кровать. Быстро почистил зубы в ванной. Пожарил себе картофелину, разрезанную на несколько плоских долек – так ему их делала в прошлом его жена, моя бабушка. Порезал хлеб с колбасой, налил кипяток в стакан - из-за давления ему нельзя пить ни чай, ни кофе. Ел и смотрел перед собой. Уже много лет, просыпаясь, он видит перед собой старые вещи и память.

Когда-то много лет, дней и часов назад, рядом с ним была его жена – моя бабушка, она готовила ему завтрак, в гости к ним пришла их дочь – моя мама, за окнами раздавался детский смех, это я – маленький пацан, бегал с игрушечным самолётом в руках, смотрел в небо и представлял, что я летаю.

РАК

Когда я был маленьким, одним, далёким и очень дождливым вечером папа привёз домой мешок раков. На выходных был праздник, собралась толпа гостей, чтобы отпраздновать какую-то памятную дату и поесть варёных деликатесов. Съели всех раков, кроме одного. Рано утром я своровал его из мешка и пустил в ванную, стоящую в огороде, ещё перед тем как мама начала их мыть для готовки. Он жил долго. Но не в этом суть. Обычно по утрам я приходил на него посмотреть. Он был большим, костяным, весь в наростах, с огромными буро-зелёными клешнями. Мне нравилось бросать в него кусочки еды и наблюдать, как он неспешно их поедает. А когда я водил рядом с ним по дну ванны прутником, раздавался противный, склизкий скрежет и рак от страха бил хвостом и резко плыл куда-то в сторону спиной. Мне даже показалось, что мы с ним стали друзьями. Представь мой шок, когда вдруг обнаружилось, что в ванной оказались два рака! Один был мой - большой и старый, другой - чужой - среднего размера, какой-то розоватый и с нежной раковиной-плёнкой, которая продавливалась, когда на неё нажимаешь, а его клешни не царапали, а щекотали.

Но потом я увидел, что мой старый рак умер. Он никак не реагировал на палочку, которой я водил по дну ванны рядом с ним.

Я убил молодого рака, раздавил его розовое тельце кирпичом и смотрел, как из-под него вытекает сукровица. Мне казалось, что мой рак погиб, потому что его убил молодой чужак.

Потом оказалось, что старый рак просто сбросил панцирь...

Каждый мой рассказ - это панцирь, который я сбрасываю, чтобы показать моему читателю, какая у меня тонкая кожица и что я могу быть новым и нежным.

СОЛЁНОЕ ОЗЕРО

На земле есть место, которое я люблю больше всего.

Это маленькое соленое озеро, запрятанное в бескрайних просторах Сибирских степей. Мое детство прошло рядом с ним, но только с возрастом я понял, что оно значит для меня.

Когда-то я пришёл к озеру со своей любимой женщины, у меня давно уже были мысли привезти её сюда и именно здесь открыть ей дверь в мой мир.

Как сейчас помню: рядом шумит камыш, отражение солнца слепит глаза, где-то позади меня трещит ветка. Спиной я чувствую её приближение. Аня сзади обнимает мою спину, кладёт голову на плечо и смотрит туда, куда смотрю я – на озеро. Его поверхность такая гладкая, что если стоять босыми ногами в воде и приглядеться, то можно увидеть, как биение сердца отдаётся на поверхности еле заметными волнами. Тогда, я повернул голову в её сторону, вдохнул запах волос - они пахли травой и озёрной водой - и подумал:

«Если бы я был сосудом, который устал носить в себе вино жизни, то я бы хотел, чтобы там, стоя в воде, мои стенки треснули, из меня бы хлынула алая жидкость, она бы растворилась в розовой глади, сделала её цвет чуточку краснее, а потом солнце коснулось края горизонта и моя красная тень на воде, все, что от меня бы осталось, плавно вытекла за пределы этого мира вместе с багровым шаром»...

С тех пор я больше никогда не приходил на озеро с кем-то. И не приду.

В следующий раз я приду туда ночью, опущусь спиной в черные, мягкие и такие солёные ладони озера и буду, качаясь на волнах, смотреть в небо. Наверное, я буду счастлив, а, может, я буду плакать. Нет, я точно знаю, что это будет одновременно. В эти секунды озеро из-за моих слез будет солёным как никогда.

Алексей АРГУНОВ, Мария РАЙНЕР ►

▼ МИШКА (рассказ)

1

Страшно подумать, Мария не пила уже сто два дня. И за это время друзья потеряли к ней интерес. Поначалу она наслаждалась одиночеством, но потом ей стало скучно. И тут ей позвонил Валерик и попросил перевести с французского страничку Вольтера.

– Накатим, – Валерик поставил на табуретку две стопочки.

– Я не пью, – мрачно ответила Мария.

– А ешь? – спросил Валерик, ловко опрокинув в себя содержимое стопочки.

– Я ем... борщ, – Мария уныло поглядела на прозрачную жидкость.

– К сожалению, борщ предложить я тебе не могу, – ответил её собеседник, опрокинув в себя следующую порцию водки.

– Свари, – капризно сказала Мария.

– А лангеты по-французски, – засмеялся Валерик, наливая себе ещё.

– Дался тебе этот французский, – Мария недовольно покосилась на томик Вольтера.

– Ладно, поговори пока с мишкой, – Валерик хлопнул ещё одну рюмочку.

– С кем, – переспросила Мария.

– Вы друг другу понравитесь, он тоже не пьёт, – забрав бутылку с собой, Валерик ушёл на кухню.

– Дурааак, – тихо сказала Мария.

Она с тоской посмотрела на незнакомые французские слова, перевела взгляд на словари, между которыми пылилась засохшая роза. Взгляд соскользнул на картину с котами и упал на смятую постель.

– И секса у меня два года не было, – обреченно сказала Мария.

– А что такое секс, – послышался тихий и приятный голос за спиной.

Она медленно повернула голову, но того, кто мог бы это сказать, не было. Разве что игрушечный мишка. Мария уставилась на большого плюшевого медведя с тёмными и печальными глазами. Как она сразу его не заметила. Откуда он у Валерика. Она осторожно коснулась его, погладила по мягкой шёрстке, потрепала за уши, взялась за лапу и спросила:

– Это ты со мной говорил.

– Я, – скромно ответил мишка, – а что такое секс?

– Но э... это... как ..мёд... но только лучше.

– Плохо, что у тебя нет лучшего, хотя я не знаю, что такое мёд.

– Но мёд, он сладкий, его любят медведи, а ты медведь... говорящий, – странно, я же не пьяная, – подумала про себя Мария, – что-то тут не так, – произнесла она вслух.

– Почему не так?

– Потому что медведи не говорят.

– Но я же – особенный.

– А почему ты со мной разговариваешь, – спросила Мария

– Я разговариваю с теми, кому одиноко.

– Почему ты думаешь, что мне одиноко?

– Я чувствую.

– Ты знаешь, что такое одиночество?

– Знаю.

– Маша, – раздался голос с кухни. Мария покосилась на одинокую и не выпитую рюмку.

– Тебя зовут, – ласково и печально сказал мишка.

В комнату вошёл Валерик.

– Ну что, поговорили?

Изумленно посмотрев на него, Мария ответила:

– Да, поговорили.

– Я как-то день не пил, и медведь тоже со мной говорил, – Валерик шутил, но Марии было не до шуток:

– Откуда он у тебя?

– Его подарила Наташка, он ей казался слишком болтливым, мешал сочинять стихи, – засмеялся Валерик, – и она попросила пришить ему лапу и отдать племянникам.

– Борщ ещё не готов, сгоняй пока за четочком.

– Сам сгоняй, – недовольно сказала Мария, ей не понравилось, что её отвлекают от разговоров с медведем.

– Не могу, там продавщица меня не любит, говорит, что я алкоголик.

Мария была слишком ошеломлена, чтобы спорить. Она спустилась в магазин.

Забирая сдачу за «соколовскую», Мария заметила укоризненный взгляд продавщицы. Мария не знала, что делать, и глупо улыбнулась в ответ. Тут продавщица, высунувшись из-за прилавка, произнесла речь:

– Девушка, вы такая приличная, чистая. И с этим алкашом ... Он же каждый день пьёт. Он вас до добра не доведёт. Вы лучше найдете. Зачем он вам? Неужели только из-за постели...

Мария совсем ошалела и робко ответила:

– Из-за игрушечного мишки.

– Эээээ, да ты тоже пьёшь, – утвердилась в своих подозрениях продавщица.

В этот вечер мишка больше не произнёс ни слова.

2.

Алексей Николаевич проснулся в хорошем расположении духа. Был неприёмный день, дочь у родителей, жена спит – она ложилась поздно и просыпалась к обеду. Алексей Николаевич решил спокойно поработать над диссертацией. Он заварил чай и наслаждением погрузился в любимую тему, но не успел написать и двух строчек, как в комнату ворвалась жена:

– Куда ты дел мою бутылку??!

– Доброе утро, Наташа, – вздохнул Алексей Николаевич.

– Я тебя спрашиваю: где моя бутылка, – схватив его за ворот рубахи, сквозь зубы зашипела Наталья.

– Наташа, ты же знаешь, что пить нехорошо, это вредно.

– Хорошо, я найду сама, – Наталья ринулась к книжным полкам и стала выбрасывать книги.

Алексей Николаевич хотел было продолжить писать, но Наталья подлетела к столу, и, схватив стакан с чаем, грохнула его об пол.

– Я порежу себе вены, – завизжала она.

– Наташа, это не красиво, у тебя останутся шрамы, – для Алексея Николаевича эта сцена была обыденной, – И прошу тебя, не кричи так громко, а то соседи буду жаловаться.

– Тогда я наглоюсь таблеток, – заорала Наталья, нисколько не стесняясь соседей.

– У нас нет таблеток, – доброжелательно ответил Алексей Николаевич.

– Но ты же, психиатр, у тебя должны быть эти... как этих... антиоксиданты.

– Антиоксиданты – это...

– Тогда я напьюсь в рыгаловке!!!

– Ты хочешь опять попасть на страницы «Жёлтого желудя».

– Хочу, – ответила Наталья и хлопнула дверью.

Настроение было безнадежно испорчено. Алексей Николаевич собрал осколки, достал новую кружку и поставил чайник на плиту. Запищал домофон. С неохотой, взяв трубку, он услышал женский голос:

– Здравствуйте, Алексей Николаевич, это Мария, простиште, что без звонка, но мне очень нужно с вами поговорить. Можно я зайду?

– Конечно, Маша, заходите, – ответил Алексей Николаевич, подумав, – как я устал ... и накапал

себе коньяку из флакона с надписью «Ликосол» (раствор для контактных линз).

– Что случилась у вас, Маша, – спросил Алексей Николаевич, разливая по чашкам ароматный чай

– Дело в том, что со мной разговаривает медведь.

Алексей Николаевич почесал затылок и уточнил:

– Бурый или белый?

– Ваш!..

Алексей Николаевич вспомнил, как нашёл медведя, брошенного в парке, лежавшего на скамейке с полуоторванной лапой. Он принёс его дочери. Медведь был похож на медведя из его детства. Но дочь не захотела с ним играть, у неё было достаточно своих игрушек: куклы Barbie и Winx. Медведь долгое время валялся в кладовке, пока Наталья не отнесла его Валерику, чтобы он отремонтировал и отдал племяннику.

Алексей Николаевич, вздохнул, и произнёс:

– Он у нас не разговаривал...

Когда Мария уходила, Алексей Николаевич подумал, – как мне надоели эти ненормальные – и накапал себе ещё «Ликосола».

3.

В рыгаловке, небольшом питейном заведении, где собирались богема, стояли Иван Владимирович, глава местной писательской организации, а также редактор журнала «Жёлтый желудь», и Дрюня, начинающий писатель и репортёр. Иван Владимирович в изрядном подпитии, возбуждённо жестикулируя, рассказывал Дрюне:

– Ты представляешь, она трахается, как в последний раз, ты её хоть палкой бей...

Дрюня в это время глупо улыбался и кивал головой.

– О, да тебя таращит как удава... – Иван Владимирович, важный чин, был ещё достаточно молод и любил необычные художественные выражения.

Дрюня будто не слышал и продолжал кивать.

В это время в рыгаловку ворвалась Наталья:

– Вот вы где, негодяи, – поприветствовала она, увидев Ивана Владимира и Дрюно.

– Угостите даму вином.

– Вина dame, – Иван Владимирович был склонен к широким аристократическим жестам.

– Наталья, прочитайте что-нибудь из новенького, – Дрюня очень любил поэзию Натальи.

– Эх Дрюня, видела я в букинисте книжку одного известного писателя, – Наталья перевела взгляд на Ивана Владимира, – угадай, кто её сдал.

Дрюня густо покраснел и начал оправдываться:

— Но вы, же понимаете, что публикация в «Жёлтом Жёлуде», это пиар, я надеялся — вам понравится. Вы не представляете, сколько молодых писателей бегает за мной в надежде дать откровенное интервью. А вот и одна из них ...

В это время в рыгаловку влетела Мария.

— Наташа, мне надо срочно с вами поговорить.

— Может, лучше выпьем, — засмеялась Наталья.

— Я не пью уже 103 дня, — совершенно серьёзно ответила Мария.

— Какой кошмар, — ужаснулась Наталья.

— Валерик мне рассказал о твоём медведе, — продолжила Мария, — мишка разговаривал с тобой...

— Ты такая наивная, всё еще веришь этим мужикам.

Мария поняла, что от неё ничего не добиться, и побежала к Валерику.

— Эх, — сказал подошедший Иван Владимирович, обращаясь, к своим собутыльникам, — Вот так не попьёшь 103 дня и нанесешь непоправимый вред своему психическому здоровью.

— Даже интервью не дала, — обиделся Дрюня.

4.

Мария сделала Валерику предложение, от которого он не мог отказаться: два четочка в обмен на медведя.

— Да фиг с ними с этими племянниками, — подумал Валерик и отдал медведя, и, глядя ей вслед, мысленно добавил: — Вот так она и едет...

Мария принесла медведя домой.

— Спасибо, что ты меня забрала, мне была одиноко... — вновь заговорил медведь, — ты же меня не бросишь?

— Я всегда буду с тобой, потому что ты — лучший.

Тут в комнату забежал племянник Марии:

— О, какой у тебя прикольный мишка, ты мне подаришь его?

— Нет, не подарю, — твёрдо ответила Мария, — это мой мишка.

— Ты взрослая, — удивился племянник, — а взрослые не играют в игрушки.

Мария ничего не ответила и прижалась к мишке.

— Тогда подари мне кораблик, — племянник кинул жадный взгляд на полку.

— Вот умру, тогда всё это достанется тебе, — ответила Мария.

— А когда ты умрешь? — поинтересовался племянник.

— Может быть, уже скоро... — грустно сказала Мария, понимая, что медведя у неё заберут.

Племянник выскочил из комнаты и радостно закричал:

— Баба Надя, а тетя скоро умрёт.

— Да скорей бы уж, — ответила бабушка, — раз Бог ума не дал...

— Когда тетя умрёт, я заберу мишку и кораблик.

— Я тебе и так отда姆, как тетя уйдет на работу, — спокойно ответила бабушка.

Мария закрыла дверь своей комнаты.

— А что это: «умру», — послышался мишкин голос.

Мария посадила медведя на колени, прижалась к нему и в самое ухо сказала:

— Ну как тебе сказать ... когда-нибудь я не смогу ни дышать, ни двигаться, ни говорить, потом меня положат в ящик и закопают в землю... и больше меня не будет...

— Я не хочу, чтобы тебя не было, — грустно сказал мишка.

Мария горько заплакала.

— Обещаю, ты не умрешь, — прошептал мишка.

На следующее утро баба Надя проснулась. Было странно, что Мария не разбудила её, когда собиралась на работу. Она решила, пока не забыла, сразу забрать медведя и кораблик, чтобы отнести их внуку. Однако ни Марии, ни игрушечного медведя, ни кораблика в комнате не было. Спрятала, — подумала бабушка.

Стоял теплый осенний вечер, воздух пах увяданьем, Солнце медленно закатывалось за горизонт, последние лучи ласково освещали шуршащие листья под ногами весёлой компании. Но Валерик был грустен:

— Надо же, исчезла... ничего не взяла, только игрушки, мать бросила, какая безответственность, — и отхлебнул из четочки, аккуратно спрятанного в непрозрачный пакет.

— В Сиэтл свой отчалила, — Наталья махнула рукой городу.

— Да, у неё были явные признаки сумасшествия, — уверенно проговорил Дрюня.

— Таких лечить надо, — сочувственно произнес Иван Владимирович, — как-то под присмотром держать...

Наталья посмотрела на Дрюня и сказала:

— Я знаю одного репортера с диагнозом «сумасшествие», не знаешь, кто бы это мог быть.

Все дружно засмеялись, только Валерик был грустен. Он посмотрел на медовую каплю Солнца и отхлебнул из четочки.

Устим ЮЖНЫЙ ►

▼ ФРАНЦУЗСКОЙ ЖИЗНИ АРОМАТ (рассказ)

Дед Гусев с трудом просыпался. Старческое тело лежало на мятых простынях в позе арийской свастики, мощный, но измученный объективной реальностью ум одиноко болтался в пучине нравственных мук. Пробуждение одарило страдальца тошнотой ощущений, круговоротом мистических видений из сушеної плотвы, снастей и зелено-фиолетовых разводов. Живительная сила июльского утра облегчила мучения старика. С первыми косыми лучами зевающего светила улеглось буйство красок, вслед пропали разнокалиберные крючки и поплавки. Последним из воспаленного мозга был извлечен образ странного пузатого бутыля. Началось медленное возвращение к жизни.

Веки старика задрожали и сквозь молочную пелену простили привычные очертания родного дома. Как при проявке пленки в домашней лаборатории, простили очертания первых предметов: побитого временем ковра, за ним белёной печки и небольшого самодельного столика. Там, где покоились дедовы ноги, за хромированной спинкой кровати из небытия выплыл старенький телевизор. Старик причмокнул, болезненно пошевелился и сделал попытку включить заветный аппарат. Дистанционное управление от «ящика», как говорится, было под рукой, а точнее – под ногой. А если быть совсем точным, то нога деда Гусева и была тем самым дистанционным управлением. Преодолевая слабость, он приподнял вибрирующую конечность, и засохший носок с узорной зеленою тиной коснулся красной кнопки с короткой надписью – сеть. Раздался освежающий всхлип, аппарат разогрелся, наполнил комнату гамом и разноцветьем жизни, неся старику облегчение, вот только во рту сохранялся привкус медного купороса.

С какого-то момента в отдыхающий мозг вонзились невидимые жгутики тревоги. Они подобно комарам обжигали, лишали покоя, создавали колючее ощущение прилипших хлебных крошек. В речи телевизионного ведущего что-то было не так. Дед Гусев болезненно поморщился, чуть повернул голову и прислушался к происходящему. Комментарий был явно необычен, потому как на весь мир шел сложный анализ его поездки на рыбалку. Более того, для придания убедительности, диктор периодически употреблял грубые, и даже ненормативные слова и выражения. «Неужели реформу языка протащили, гады?» – вяло подумал старик и попытался рассмотреть изображение. Увиденное привело страдальца в замешательство, он сделал попытку что-то сказать, но вместо этого пересохшими губами издал сложную оркестровую увертюру. Под пестрой заставкой новостей с

ржущими лошадями, вместо милого сердцу диктора, стояла его жена Нинка. Налегая обширной грудью на спинку кровати, она противным голосом гнала последние рыбакские новости без остановки на репортажи с мест и рекламные паузы. В попытке освободиться от неприятного изображения, стариk вяло маxнул рукой и шумно вдохнул воздух, однако не рассчитал силы и пискляво чихнул. Над кроватью повисло аэрозольное облако слюней. В голове резко проветрилось, иллюзии на время исчезли, и к старику вернулся привычный мир. В этом мире, у черного квадрата телевизора стояла его жена и доходчиво объясняла свою жизненную позицию в области рыбалки, снастей и популярной сегодня этики и психологии семейных отношений. Стариk тяжело вздохнул, с трудом поднялся с мяты постели, по стенке пересек кухню и вышел на крыльце родного дома.

Двор встретил его ослепительной улыбкой июльского утра. Хозяин по-крабы спустился с приступка и погрузился в привычный круг своих владений. В двух шагах от крыльца его поджидала первая задачка. Дрова, что он с любовью укладывал целый месяц, сегодня ночью, почему то обвалились. Они подломили хлипкие жердины старого заплата и сливочно-желтые сосновые швырки японским веером легли на молодую огородную поросль.

– Да, поели мы в этом году помидорчиков, – подумал рачительный хозяин. Чтобы не испытывать великой скорби по надломленному урожаю, стариk шаркающей походкой переместился под уютный дворовый навес и с облегчением присел на широкую, похожую на лежак скамейку. В быту, отшлифованном годами, скамейка имела свою особенную ценность. В обычные дни здесь могли стоять тазы и стеклянные банки, на ней на скорую руку отпиливались попавшие под руку бруски и строгались доски, перебиралась ягода и потрошилась рыба. Но каждую субботу этой скамейке отводилась особая роль, поскольку маленькая усадьба Гусевых в этот день жила по особому расписанию. С утра хозяин мало-мальскиправлялся по двору, к обеду основательно протапливал баньку, запаривал с любовью подобранный веник, а хозяйка ставила у бани двери деревянное ведерко с домашним квасом. По первожару в сухую баню всегда шла жена, и уж потом на прогретый и омытый полок залезал сам хозяин, парясь с оттяжкой, как говорится, до потери хлебных карточек. Обычно на пятый или шестой заход стариk приоткрывал дверь и начинал причитать – Ой, Нинка, не могу. Помоги, умираю! И его благоверная по заведенному порядку, громко ругаясь, вытаскивала парильщика из хлебного духа бани на свежий воздух. Под укрытием

старенького дворового навеса, размякший и красный как морской окунь, старик подолгу отлеживался на широкой скамейке, молча смотрел на гирлянду сухих веников и размышлял о бренности бытия.

Бесцельное сидение ему вскоре наскучило, вражеское наваждение раннего утра как-никак стало проходить, а потому деятельной натуре потребовалось движение. Старик взял со скамейки расхлябанный половник, покрутил им как кошевой атаман крутит своей булавою перед подгулявшими казачками, да и уложил на прежнее место. На большее сил просто не хватило, пришлось вновь погрузиться в былое и думы. Мысли никак не желали перетекать в мирное русло, как при пробуждении перед глазами поплыли крючки, цветные разводы, ползущие калифорнийские черви и этот странный бутыль. Лишь необычайным усилием воли мыслитель-страдалец переключил внимание настройную шеренгу струганных черенков.

Маленький семейный бизнес по изготовлению снегоуборочных лопат, сезонному курению самогона, да торговля березовыми вениками, были основными и весьма неплохими источниками семейного дохода. Как только по стране грязнула новая жизнь, кто как, а старик Гусев сразу сообразил, что настал его звездный час и он, не мешкая, занял никем не заполненную нишу. Старик про себя говорил, что вырос он под лодкой и потому любую пробоину в общественном сознании успевал обращать в свою пользу. Перво-наперво, он вытащил из потаенного места старенький самогонный аппарат, служивший ему верой и правдой многие годы. Но встав на путь промышленного винокурения, вкус к простой работе старик не потерял. Каждое лето таскал с мусорных свалок ржавые корпуса холодильников и стиральных машин, с большой любовью нарезал металл и строгал черенки, узорно красил изделия, а с белыми мухами грузил свой хабар на санки и отправлялся торговать на прикоммленное место у оживленной трассы. Правда и в организациях он до последнего старался держаться, хоть на полставки, но держаться. Такой приработок давал одно неоспоримое преимущество – при любом строе он на дармовщинку мог принести домой массу полезных вещей, от метчиков до сосновых опилок.

От нечего делать хозяин принялся пересчитывать стоящие у стены заготовки, однако эта простая арифметическая операция никак ему не давалась. Счетовод-одиночка не мог преодолеть магическое число пять, уже при счете три, изделия начинали перемещаться по двору, метаться, а весь строй густо покрылся радужными кругами. После очередной неудачной попытки старик откашлялся, с досадой открыл калитку и вышел за пределы своего двора. С прищуром взглянул он на низкое нагорное небо,

облокотился на край палисадника и подставил свое хлипкое тело ультрафиолету утреннего солнца.

Просторная улица Южная жила привычной жизнью, а потому редких прохожих живописный вид старика явно не смущал. Погруженные в свои заботы, они здоровались и спешили дальше. Мимо прошел подросток с собакой. Мальчишка жил в доме напротив, был молчалив и спокоен. Минут через двадцать звенящую тишину городской окраины нарушили дребезжащие звуки измученного работой железа. Из-за угла с водопроводной колонкой вывернулся старый «москвич», притащив за собой облако мелкой пыли. За рулем сидел Пашка, его давний друг и компаньон по рыбалке. Водитель остановил авто, привычным движением добавил газку, и с трудом вылез из заваленной рыбаками снастями кабины. Внешний вид рыбаков находился в явном противоречии, он напоминал сюжет картины лукавого француза, на которой одни персонажи одеты, ну а другие, естественно, раздеты. На старике Гусеве, отдыхавшем под лучами летнего солнца, кроме длинных ситцевых трусов, одного носка и седой волосатой груди ничего больше не было. Паша в противовес компаньону был экипирован основательно. На водителе ладно сидел смоляной танкистский комбинезон, поверх которого, несмотря на жару, был накинут старый ватник с блеклой надписью – Целина 55. Ноги нашего нового героя были обуты в большие, завернутые на несколько слоев рыбакские сапоги-бредни. На голове покоилась сбитая набекрень длиннополая фетровая шляпа с гусиным пером. В таком виде он вполне сошел бы за благообразного жителя горного Тироля, если бы не большая черная полоса через все лицо. След от головешки не позволял распознать в нем добродушного бюргера с пивным животиком, скорее придавал ему вид боевой и даже угрожающей. Друзья молча смотрели друг на друга. Первым разрубил паузу несостоявшийся житель горных Альп.

– Сашка! Ты куда мой котелок затырил, я его все утро ищу?

Ответ не последовал. Прошло еще какое-то время, и молчание теперь уже нарушил старик Гусев:

– Ты почему меня у телецентра высадил, гад?! Мне из-за тебя пришлось полночи пешком идти.

– Ну, ничего себе подарочек, я его высадил! А ты зачем рыбалку у зелентреста затяял? – возбужденно спросил Паша.

– Зачем, зачем? Клевало, вот и затяял, – не так активно парировал старик.

– Клевало?! Ты офигел что ли. Клевало! Мы же не на протоке были, а на трассе, голова твоя садовая, – наседал друг.

— Ага! А как же мне подъязок попался? — задумчиво ответил дед, болезненно поморщился и потер рукой спину чуть ниже пояса.

— Это не он тебе, а ты ему попался, — уже миролюбиво ответил Паша и хитро улыбнулся.

После этих слов беседа иссякла, друзья погрузились в воспоминания. Говорить им не хотелось, хотя за недосказанностью было много интересного. Дело в том, что наши герои были отпетыми рыбаками, и все водоемы, всё обское прибрежье в радиусе ста километров они знали наизусть. К любому выезду на мать-природу компании всегда основательно готовились. В своей подготовке они вымеряли каждый шаг, каждую снасть, но процесс рыбалки, а тем более итог не всегда совпадали с затраченными организационными усилиями. По заведенной традиции после каждой поездки друзья, как правило, возвращались домой. Правда, не всегда по тому плану, что роился в их головах в начале путешествия. Порой они могли поехать порыбачить на Чумыш или Аламбай, а оказывались на небольшом озере под боком у степного села Шипуново. Вот и в этот раз, узнав через третьи руки, что в Курочкино за Тальменкой жёлтый карась идет дуром, они по-быстрому, всего лишь за день, собирались и вечером спешно отбыли, как гласит официальная версия — посидеть на зорьке. Поездка задалась и пошла по накатанному. Для начала рыбаки вместо маленького озера на краю соснового бора оказались на обской излучине далеко за селом Бураново, где неплохо посидели и зорьку, и даже день. Вечером следующего дня они худо-бедно собрали разбросанные вещи и отправились в обратный путь. Ехали любители рыбалок на утренней зорьке неспешно, с многочисленными гигиеническими паузами, перекладками вещей, закусами и перекусами и примерно часа в два ночи, наконец, пересекли черту города. Без остановки экипаж миновал крайний кордон, где сквозь гребенку редких деревьев замаячили одинокие дома и кольцо городского трамвая. Мотор натужено урчал, Паша клевал носом, но упрямо вел железного коня к столбу. Чтобы не заснуть, он напевал боевую песню: «Крепка броня и танки наши быстры, а наши летчики отважны и сильны...». Старик же, освобождаясь от винных паров, спал, потерявшись в груде сваленных вещей. Так бы они и добрались без приключений и лишних хлопот, если бы не роковая остановка. Буквально в двух шагах от дома Пашу, после неканонически сваренной тройной ухи с случайно принятым за рис опарышем, приспичило выйти, водила заглушил мотор и резво убежал в ближайшие кустики. Возникшая тишина старика разбудила, он приоткрыл дверь и при тусклом свете уличного освещения обнаружил лунную дорожку на мокром асфальте. Сонный рыбак схватил спиннинг, выскоцил наружу и, возбужденно похочатывая, стал настраивать снасть, шаря по карманам в поисках

наживки. Не найдя ничего кроме куска сала, спиннингист с непонятной целью поплевал на блесну и под шуршание катушки сделал первую заброску.

В самый разгар рыбной ловли, со стороны телеканала послышался стрекот, и одинокий желтый луч осветил пустынную дорогу. Как только мотоцикл вошел в зону асфальтового омута, старик в очередной раз швырнул блесну и ловко подцепил кожаную куртку ночной наездника, не забыв сделать виртуозную подсечку. Седок неестественно дернулся, на мгновение завис в воздухе и упал на асфальт. Легкий мотоцикл без своего хозяина пробежал с десяток метров и обиженно прилег на обочине.

— А-а-а! — радостно заорал Гусев.

— Паша! Подсачек давай, — на этой фразе мотоцилист в ярости вырвал блесну, снял шлем и решительно направился к спиннингисту. Без объявления войны парень в рваной кожанке выдал старику первую увесистую оплеуху, поставил на колени и со знанием дела, как на футбольной тренировке, с носка и «щечкой» принялся наносить удары по причинно-следственному месту. Дед Гусев покорно принимал удары судьбы. Наконец, экзекутор утомился, цинично сплюнул и приостановил свое наказание. Рыбак приподнял голову и удивленно спросил, — Ты кто?

— Подъязок, мать твою, — уже незлобливо ответил парень.

— Во как! — сказал Гусев, и вновь припал лбом к теплому асфальту в позе кающегося грешника.

Рассчитавшись со стариком в полной мере, незнакомец повернулся в сторону машины, на глазок прикидывая как ему наказать второго. Паша смекнул, что несправедливый меч ночной Немезиды уже занесен над его головой и другими частями тела. Не дожидаясь финала, он как прыгун олимпиец ловко выгнулся, нырнул в машину и ударил по газам. Парень в кожанке с досады сплюнул и влепил старику еще один «горчичник». Завершив окончательный расчет, мотоцилист оседлал свой аппарат, сделал эффектную петлю вокруг скользящего рыбака и уехал в противоположном направлении. Дед Гусев остался на дороге один. Как добирался Паша, и добрался ли он вообще, оставалось тайной, ведь судя по его внешнему виду, дома он не ночевал. Старик же, через пару часов добрел до своей улицы, с трудом взобрался на крыльце, бурно разделся и упал в постель, где мы его собственно и застали в начале этой удивительной истории.

Пока рыбаки молча вспоминали события последней ночи, машина, до этого исправно жужжавшая, закашляла и жалобно чихнула. Паша резво метнулся к аппарату, с трудом забрался в кабину, как летчик, идущий на таран, даванул на газ

и отжал руль. Поймав момент, ас хлопнул дверью и скрылся за поворотом в густых облаках уличной пыли.

Когда облако рассеялось, припудренный стариk осмотрел пустынную улицу и, не найдя событий, поплелся обратно во двор. Со стороны огорода, из окна Лехи-механика его окатило волной лихой музыки. Стариk болезненно поморщился, но как только модный шлягер был прерван на полуслове и чей-то бойкий голос мелким бесом заверещал, запричитал, объявляя о новой порции рекламы, он насторожился. Реклама совсем неожиданно пришла в его жизнь. Раньше о событиях в мире он узнавал от случая к случаю и часто с большим запозданием. На своих дежурствах в паро-силовом хозяйстве при гибнущем заводе, он регулярно и обстоятельно просматривал старые журналы и газеты, откуда собственно черпал нужные знания и информацию. Новое время подкинуло в ряды работаг большое количество странных, не приспособленных к жизни людей. На работу они приносили пачки необычной периодической литературы. Работали эти люди кто сантехником, кто помощником электрика, работали надо сказать неумело, а вот справиться с пагубным пристрастием так и не могли. Каждое новое дежурство стариk Гусев обнаруживал на рабочем столе то «Вопросы философии», то «Литературное обозрение», а то вообще журнал с дурацким названием «Метрополь» или вестник академии наук. От чего делать читал он странные статьи и рассматривал загадочные картинки. Как-то раз, попалась ему статейка про жизнеописание Будды в традиционной живописи танка, которую стариk с трудом дочитал, сплюнул, так и не поняв при чем тут танки и в сердцах заметил – какой же ерундой люди могут заниматься, лишь бы не работать. А потому с приходом новой жизни в деле получения полезных новостей для старика все изменилось. Зорко следил он за всякого рода рекламными сообщениями. Сулили они очень и очень многое: различные экзотические поездки, дачные домики, романтичные вечера со старухой на двоих и черт знает что еще. Правда ничего из этого он еще ни разу не получал и не выигрывал, но твердо верил, что рано или поздно наступит его звездный час.

Диктор галопом пробежал по галантейным лавкам родного города. Среди общего словесного мусора телеграфным текстом прозвучала короткая перебивка о презентации, что сегодня замутил известный всему городу предприниматель по случаю открытия очередного ночного клуба. Новость вроде так себе, но острый ум старика Гусева сразу определил, – надо идти! Дождавшись положенного часа, он умылся, надел свой старенький темно-коричневый костюмчик и мятую-перемятую парусиновую кепку. Вид для презентации был что

надо, но старика это не смущило, и он смело отправился на важное мероприятие. Да и какая беда в том, что фразу, начатую как – приглашаются все желающие, – стариk так и не дослушал. Заканчивалась она тем, что приглашались не просто все желающие, а все желающие обладатели каких-то особых вкладов в частном банке того самого предпринимателя, мецената и городского благодетеля Аркадия Серебрянкина. Как говорится много званых, да мало избранных.

Добравшись на перекладных до нужной остановки, стариk сразу увидел бетонный кубик с броскими разноцветными огнями и большим, смущавшим умы кровожадным транспарантом. В этом здании в тихие годы намеривались открыть дом политического просвещения, но времена сменились, и потому открыли ночной клуб с дискотекой, сауной и прочими массажами. Когда-то на его стене висел большой плакат с раскрытым книгой и надписью – Знание-сила. Сейчас, по воле хозяина, за прохожими наблюдал странный персонаж в полосатой футболке и ножами вместо пальцев, а обнаженная девица смотрела на душегуба с ужасом и обожанием.

В фойе политического клуба ночного просвещения царilo нервное ожидание. Гости уже все собрались: начальники большой и малой руки, помощники, дежурные священники, бизнесмены в малиновых пиджаках, с женами, любовницами, без оных и все вместе. Даже градоначальник был тут. Не хватало только одного человека. Хозяин торжества, встречавший гостей, явно нервничал, он поджидал своего лучшего друга. Когда-то они смело, прибыльно и очень весело бомбили машины на пустынных дорогах родного края, но времена изменились, друзья заматерели, пути их разошлись, и сегодня Аркаша Серебрянкин занялся торговлей, основал, как он хвалился – банчок, попутно прибирай к рукам бесхозные городские здания и учреждения. Друг его осел в соседнем столичном городе, владел крупным, как теперь говорят, бизнесом и слыл большим оригиналом. Накануне, когда наш бизнесмен приглашал бизнесмена соседского, последний пообещал, что по такому случаю он сделает нечто необычное. А, что не сказал, только смеясь, добавил: «Дядя придет к тебе как Ходжа Насреддин и потребует сто золотых монет». В трубке раздался смех уверенного в себе человека. При упоминании о золотых монетах Серебрянкин побледнел. Кто такой Ходжа Насреддин, наш бизнесмен не знал, может, это султан Брунея, а может и бородатый моджахед. Благо, ему вовремя подсказали – мол, паломник такой, придет весь в лохмотьях. А потому и вводные понесли соответствующие.

Приезжего друга-бизнесмена всё не было, хозяин ушел к своим гостям и события внутри здания

пошли полным ходом. На пустом крыльце же осталась грозная охрана. Бойцы равномерно расположились на уютной площадке, заложили руки за спину и, как в кино из видеозала, покачивались на носках. Тут и дед Гусев вывернулся из-за угла, прихрамывая, он прошел по опрятной аллее и, не обращая внимания на вооруженных дубинками людей, с независимым видом ступил под своды храма развлечений. Один из охранников молча перегородил странному пришельцу дорогу. Старик спокойно обогнулся преграду. Голова охранника накалилась от непосильной задачи. Перегретый от мыслительного процесса человек в черном камуфляже судорожно слглотнул слону, затем сплюнул и выдавил, — Куда?

— Туда! — последовал гордый ответ. В воздухе послышалось электрическое потрескивание.

— Ты кто?

— Дед Пихто! Давай пропускай, тебе же по радио сказали, пускают всех без разбору, чистых и нечистых, пролетариев, анархистов и буддистов. Мне через тебя ломиться, что ли?

— Так ты буддист или анархист? — охранник приложил к уху радио, но не услышал команды и наморщил ум, пытаясь вспомнить странное имя, под которым должен прибыть высокий гость.

— Что значит буддист! Я и есть Будда из города Матреи, — широко улыбнулся дед, — Пропускай, давай!

Диалог был исчерпан, а охранники интеллектуально раздавлены. Старик прошел в полутемный зал, где уже разносили шампанское, а на сцене шло представление. Буддист-самозванец, гордый от своих аналитических способностей, прошел через блестящую толпу и остановился у барной стойки. Пока он медитировал, охранники под звуки удалой музыки докладывали: «Шеф, он в зале!».

— Как из себя? — облегченно задал вопрос шеф.

— Шеф! Косит под прикурка. Одет как последний оборвартум, — попадая в настроения хозяина, отвечало радостное секьюрити, — но говорит, буду на вечере, и все тут. А не пустите, устрою вам анархию и всех отматерю.

— Анархия мать порядка! — довольно промычал городской благодетель, — Плавали, знаем. Слушайте всем. Действий не предпринимать. Следить внимательно. Делайте вид, что ничего не происходит. Я сам к нему сейчас выйду, — приказал, как отрезал, хозяин.

С этого момента вся челядь удачливого бизнесмена время от времени дефирировала мимо старика, «не обращая на него никакого внимания», как будто старик в мятом пиджаке, небритой физиономией и носками поверх брюк такое же

естественное явление на презентациях, как малиновый пиджак у бизнесмена.

Дед Гусев тем временем культурно отдохнул. В свободной руке он держал красивый фужер с искрящимся шампанским. Пузырьки приятно щекотали нос, на голову снизошло окончательное просветление. Ноги старика были сплетены крестиком, так, что было видно протертую подошву одного тапка. Зорко следя из засады, близкий охранник незлобно выругался: — Аристократ, твою мать! — и сплюнул жевательную резинку на полированную поверхность пола.

Действие шло своим чередом, на невысокой сцене один номер сменял другой. Танцоры уступили место мужику с удавом, его потеснили голые балерины, а хозяин всё не выходил, и момент истины отодвигался. Наблюдая за стариком, мне уже показалось, что наш дед Гусев вырос не под лодкой, а под счастливой звездой. Но задержка торжественного изгнания из рая в своей причине была проста. До прибытия паломника Гусева хозяину торжества, как мы знаем, пришлось встречать высокопоставленных гостей. По традиции им подавали на серебряном подносе по рюмашке, и он вынужденно опрокидывал с каждым. Всякий раз с очередной персоной они вспоминали какой-то курьез, дружно смеялись, говорили сальности вальяжным женщинам, тыкали друг друга в грудь, хлопали по спине и громко кричали: «Пейдодна!». К прибытию затрапезного гостя наступила расплата за гостеприимство. Силы Аркадия покинули, здоровые охранники в падении подхватили рыхлое тело и потащили по коридору. Наиболее смелый, робким басом предложил: «Аркадий Петрович! Давайте, мы вас отведем в закрома родины, трохи отдохнуть?». Бизнесмен по-бычыи заревел: «Я тебе дам отдохнуть, сучий потрох!». Затем по-гусарски выпрявился, посмотрел на громилу в черном костюме и игриво спросил: «Девушка! Хотите шампанского? Сейчас поедем в баню». Однако после этой фразы Аркадий Петрович обмяк и заплакал: «Не надо меня бить. Я сам вам все расскажу». Тут же бизнесмен уронил голову и задремал на руках своих помощников. Через полчасика неизвестно откуда к нему вернулась память, он осоловело обвел помещение взглядом и властно заорал: «А ну, идем к моему другу Сане!». Охранники повели коммерсанта к самозванцу. Еще мгновение, и для старика наступил бы грозный час расплаты, но его счастливая звезда вновь крупной горошиной выкатила на небосклон. Хозяин клуба в очередной раз потерял над собой контроль и раскис. Когда бизнесмена и городского благодетеля подвели к старику Гусеву, Аркаша Серебрянкин поднял голову и заплетающимся языком произнес: «Саня! Друг». Старик несильно пошлепал его по щеке и нежно сказал: «Ну что ты, родной! Плохо тебе?».

— Плохо. Ох, как плохо, Саня! Обложили они меня, суки, со всех сторон обложили, гонят, сволочи, на лагерь.

Голова коммерсанта упала, и громилы-охранники увели его обратно во чрево Парижа. Авторитет старика Гусева резко вырос, не каждому дано трепать по щеке Аркашу Серебрянкина, даже в городской мэрии не могли себе такого позволить. А музыка играла и, продираясь через завалы шума, на сцене манерами провинциального конферансье заявил о себе вертлявый молодой человек. Мелким бисером посыпалась шутки, прибаутки. Придав себе серьезный вид, он стал вызывать на сцену хозяина заведения. Но не мог хозяин подняться на сцену, потому как лежал в подсобном помещении на кожаном диване среди коробок с конфетами «Птичье молоко». Конферансье этого не знал, он вытянулся и еще раз драматично произнес:

— А сейчас, я приглашаю почетного гражданина нашего города, получившего вчера еще одну почетную грамоту нашей мэрии за выдающиеся заслуги в деле воспитания подрастающего поколения. — При этих словах все повернулись к небольшому, коренастому человечку, а тот самодовольно улыбаясь, зорко смотрел по сторонам за проявлением лояльности.

— Я приглашаю хозяина этого прекрасного, не побоюсь этого слова, крутого заведения, — Аркадия Петровича Серебрянкина. — Но гражданин Серебрянкин не вышел и на сей раз.

— Друзья мои! — продолжил молодой человек, — как мне сейчас передали, Аркадий Петрович занят. Он ведет серьезные переговоры, дабы улучшить благосостояние своей фирмы и нашего города, а также наше и ваше благосостояние...

Молодой человек окончательно запутался в благосостояниях и не знал, как из этого тупика выбраться. А могучий Аркадий Петрович мирно спал на кожаном диване, прижав к щеке кожаный кошелек, как ребенок прижимает свою игрушку.

— Наш любимый, нет, наш горячо любимый Аркадий Петрович сейчас не может подняться на сцену, — продолжил ведущий. Это была чистая правда.

— Он поручил мне провести необычный конкурс. Здесь в зале находятся уважаемые всеми люди. Это лучшие люди нашего города, они работают не покладая рук. Это золотой фонд нашего города, которым просто некогда отдохнуть, просто некогда остановиться, расслабиться, — голос ведущего звенел натянутой струной.

— И нашей программой мы сделаем все возможное, чтобы вы смогли отдохнуть, как говорится, по полной.

— А начнем мы наше фешенебельное представление с того, что я вручу этот роскошный приз тому... — в этот момент, под звуки музыки, на сцену вынесли красивый заграничный флакон большого размера. Пузатый флакон был примерно с ведро, с витой надписью на черной этикетке.

— ... кто найдет в своем бумажнике или кармане денежный знак, — продолжал оглашать условия ведущий. Все прекратили есть и пить. Несколько мрачного вида джентльменов почти одновременно достали свои увесистые бумажники с серо-зелеными купюрами.

— Но это должен быть не простой денежный знак. Вам нужно достать одну копейку!

На лицах в зале отразилось недоумение в попытке вспомнить, что это такое, у кого-то выпал кусок лососины. За последние десять лет через руки присутствующих прошло много различных купюр, и зеленых, и красных, и даже фиолетовых. И вспомнить, что такое копейка, было уже трудно. Вслед за мужскими бумажниками защелкали дамские сумочки, и даже батюшка начал рыться в потаенных местах своей рясы. Злополучная копейка не находилась. У конферансье плотоядно заблестели глаза в предвкушении того, что бутыль отправится туда, откуда его принесли.

Но грянул гром. На сцену вышел все тот же странный старик и протянул искомую всеми монету. Отступать было нельзя, и карнавал вручения зашумел во всех уголках зала. Старика обступили обнаженные девицы, в окружении которых он стоял под светом общего внимания, а затем, в сопровождении подобострастных молодых людей, пошел к выходу. Присутствующие, понимая, что такие подарки на презентациях просто не вручают, выражали свои поздравления и уважение. Даже мэр города поспешил пожать ему руку и, улыбаясь, вручил визитку. Сцена исхода старика Гусева напоминала проход императора в римском сенате. Давая короткие реплики на приглашения и вопросы, он переместился в фойе, еще крепче обнял бутыль и направился к выходу. Отказавшись от предложенной машины и сославшись на то, что хотел бы слегка прогуляться, обладатель странного приза пинком открыл прозрачную дверь. А на вопрос, где его личное авто, ответил неопределенно, мол, там, у гортопа. Уже в тамбуре, так сказать, на посошок, он попросил передать — как хозяин проснется, то сразу пусть приезжает к нему в гости на опохмел. На крыльце ему вновь повстречалось заботливое секьюрити, которое на этот раз было занято тем, что скручивало руки какому-то странному и недовольному мужику. Одет он был как торговец на старом базаре в теплый стеганый халат, а потому главный приговаривал: «Ты чё чурек, благородное

заведение со Старым базаром спутал». Мужик в ватнике огрызался: «Ты сам козел, следи за базаром». «Да, я-то слежу,» – ответил старший охраны, – и крепко перелобанил мужика в халате. Мужик с аргументами согласился и надолго замолчал. В это время старик Гусев, не привлекая внимания, скрылся за углом и ускорил шаг. Остановился он только в подгорье. У разбитого крыльца старого дома достал пачку мятого беломора и закурил. После перекура с оттяжкой, дед полез по рутинаам Локотковского лога в тишину и уют нагорного поселения.

На улице уставший старик шел уже в потемках, слегка хромая и кряхтя под тяжестью своей ноши. Не дойдя до дома метров десяти, он остановился, поставил бутыль на дорогу и закурил еще раз. Мимо проходил знакомый подросток.

– Что это, дядь Саш?

– Да вот ветеранов вызывали. Подарки вручали за доблестный труд, – зачем-то соврал старик Гусев.

– Вручить-то вручили, а что – не сказали. Гуманитарная помощь говорят – старик взглянул на заграничную наклейку, – может, ты прочитаешь? Подросток прищурился, зашевелил губами – Пузон, Нет, Пуазон? Нет, пойзон какой-то.

– Дядь Саш! По-моему, это яд какой-то, – неуверенно сказал подросток.

– Вот, гады! Опять обманули, – старик поднял бутыль, поставил на грудь и поспешил к своему дому. Щелкнула калитка, подводя итог насыщенного дня.

На следующий день по городу поползли слухи, что по улицам и закоулкам подозрительно медленно перемещается несколько больших черных машин, как будто ищут чего-то. Из машин время от времени выходят комодообразные пассажиры, зачем то

задирают головы и жадно втягивают ноздрями воздух. Встречая случайных прохожих, они всматривались в их лица, сличая оригинал с изображением на мятым фотографии. Иногда они задавали тонкие наводящие вопросы: «Слышишь, ты, пугало, у вас на улице Пихтовый живет, а мужика вот этого не знаешь?». И поселянин, взглянув на странное изображение человека с бутылем вместо лица в ужасе отвечал:

– Не, не знаю.

Общее мнение было выражено предельно практически – будет облава на спиртоносов, а потому все заинтересованные в теме принялись вновь закапывать свои аппараты в землю.

Как старик распорядился своим приобретением – на улице долго не знали. Но когда улеглись городские страсти, и все под забытось, сосед старика по огороду, Леха-механик рассказал Толькемусорщику, как по осени Сашка Гусев чего-то тайком замешивал в ржавом баке из-под навоза, распыляя по огороду и речитативом приговаривал: «Колорадца надо выжечь». Вот, пожалуй, и всё. А, да, вот ещё! Позже, жена старика рассказала по большому секрету своей подруге, толстушке-Люське, про удивительную презентацию, загадочный приз, и про то, как старый отлил той жидкости в бутылку из-под шампанского. Сделал он это для эксперимента и решил добавить в самогон чуть-чуть пахучей жидкости, для пробы, для аромата, так сказать. Эксперимент удался, местные ценители быстро потянулись к дедову дому, а еще быстрее полетела молва, что старик по ошибке вместо самогона продает французский коньяк. И долго еще, практически до самой весны, стоял над улицей Южной тонкий аромат изысканных духов.

ПОЭЗИЯ: ЧАСТЬ 3

Кристина КАРМАЛИТА ►

▼ В РУКЕ (подборка стихов)

[прогулка]

От люстры до потолка – провод
От Земли до Луны – холод
От рожденья до смерти – пролог
От меня до тебя – Бог

[косички]

сплетает осень жёлтые косички
ты снился мне весной
немой
с набором игл в вагоне электрички
не мой

и я купила пачку за бесценок
ты нёс домой
жене немного денег
я унесла немного от тебя
с собой

по осени сшивают что порвалось
весной
я зашивала плащ твоей иглой
меня шивала малость
иглы – с тобой

[неразрешимо]

Наверное, это неразрешимо:
жать руку тому, кого хочешь поцеловать.
Но если бы сердце не было растяжимо,
его бы пришлось разорвать.

[лунный дощъ]

Весь день всю жизнь она спала
И вот приходит нощъ
и по столешнице стола
проходит лунный дощъ

и мокнут дальше пол, диван
подушка так сыра
и молкнут телефон и кран
и чёрная дыра

ползёт незримо от окна
на кончики ногтей
но дальше дальше спит она
и снится снится ей

как жизнь уютна и легка
как пух под головой
на мягких крыльях мотылька
летит покой земной

и так всё складно и светло
что тысячи чертей
глядят глядят в её окно
как снится снится ей

вот мальчик зрячий и слепой
идут к одной звезде
вот ангел светлый и рябой
стоят в одной среде

и плачут тысячи чертей
и чёрную дыру -
за хвост, и тянут от ногтей
и молятся утру:

пока молчат твои лучи
и песня не ясна
запри и забери ключи
её святого сна

хоть мы и служники золе
и стражники теней
пока есть сказки на земле
и мы живём на ней.

летит летит из века в век
её хрустальный сон
как мотылек порхает с век
и бьётся в небосклон

[где-то]

Ушла из дома и не вернулась,
Была одета.
По крайней мере, была одета.
И ни привета.
И нет ответа на все запросы –
От Интернета.
Куда-то люди всегда уходят
В конце банкета.

Деревья томно как дамы платья
Снимают лето.
Как будто муха по пыльным стёклам
Ползет комета.
Невозвратимо и безответно
Ты ходишь где-то.
И в этом где-то счастливый кто-то
С тобою это...

Зачем мне это когда мне то-то,
И больше света!
Как можно больше разлейте света
В пыли паркета!
Я там, уснувший, лежу и вижу,
И мне согрета,
Душа согрета одной картиной:
Ты ходишь где-то...

[никогда]

Положи мне ладонь на плечо,
Раз такая судьба.
Горячо. Друг на друга смотреть – горячо
От коленей до лба.

Если дальше руки протянулась рука,
Кто судья?
Чем нежнее рука, тем сильнее река,
И слабее ладья.

И на что нам стена и замок
На тяжелой двери?
Сквозь железо и камень бьёт ток –
Провода провели.

И звучит в тишине бестолково,
Что вся эта беда,
Чтоб усвоить одно только слово:
Никогда.

[птиц]

в какой-то час в каком-то месте
пойду и я
а вы табличку там повесьте:
вот жизнь моя

однажды взятая из пыли
замкнула круг
я на часок скользну из были
проверить вдруг

пройти по Красному проспекту
в Центральный парк
у Подорожника салфетку
стянуть на так

потом до Оперного, дальше
до Плашки, до...
 пятном зари на простынь лежет
родильный дом

летят над головой синицы
из века в век
на площадь Ленина ложится
Морской проспект

всё переменится, сольётся
сместится ось
и в лес Канады заберётся
сибирский лось

зачем-то тянет возвращаться
к пыли дорог
и снова, снова спотыкаться
чтоб только мог

в какой-то час в каком-то месте
все видят птиц
они несут благие вести
в покой ресниц

[в руке]

Отчего это так неспокойно
Будто где-то набат
Будто в доме гуляют разбойно
Будто я виноват

Может это по полю ночному
Всадник скакет шальной
Оттого что желанью печному
Дан ответ ледяной

Может это попала синица
Под замок чьих-то рук
И теперь ей желанная снится
Кромка неба вокруг

Или это у матери милой
Тихо сердце болит
Оттого что однажды могилой
Тоже буду облит

Отчего ж это так неспокойно
Будто спиши в гамаке
И приходят известия: войны
И повестка в руке

Екатерина КЛИМАКОВА ►
▼ ДЕЛО НЕ В СВЕТОФОРЕ (подборка стихов)

• • • •

Белое солнце садится в белую реку.
Кто нас придумал таких, похожих на травы?
Друг мой, я так боюсь майского снега
Над желтой крышей прихода святого Саввы...

• • • •

В тридцать лет очень страшно любить.
Лёжа на одном диване, мы двое – маленько кладбище брошенных кораблей.
Не говори мне о дальних странах, в которые нам уже не попасть.
Спрячь от меня своё сердце юнги, смешное и хрупкое,
я хочу позабыть его трепет,
и запах солёного ветра, и песни дельфинов...
Под гниющей обшивкой ещё стучит мальчишеское сердце седеющего капитана.
Он никуда не ушёл, доживает на вечном причале.
Его ужин – объедки случайных историй,
чужих странствий, похожих на тёплых и очень хороших женщин,
которые утром уходят затем, чтобы больше к тебе не вернуться. «Когда-нибудь»,
«может быть», «мы созвонимся потом». Вечное послезавтра...
У капитана кот и бутылка рома.
Не говори мне о том, что из двух гнилых кораблей получаются крепкие лодки.
Не так страшно стоять на вечном скрипучем причале, как страшно, ещё раз узнав
трепет ветра и песни дельфинов, опять возвратиться на вечный причал
слушать, как годы о палубу тихо стучат...
Твои поцелуи пахнут солёным ветром.

Декабристы

А мы выходили утром, и утро глядело хмуро.
 Стоял в парике напудренном глухой камер-юнкер Гуров.
 Стояла толпа народа, смиленно ждала парада.
 Трёхного пса-урода с ладони кормил император.
 Вороний грай. Разносилась французская хворь-зараза.
 И ветер колол иголкой глаза золотого Спаса.

Скажите, где Он родился? Изба ходуном ходила.
 Скажите, где Он родился?
 Скажите, где Он родился?
 Скажите, а где б Он родился, когда б нам стыда хватило?

А мы выходили молча. И «молча» было зловещим.
 Лишь звонко топтал юродивый в снегу дорогие вещи:
 Три ленточки, два колечка и что-то ещё в окладе,
 И тонко скулил по миру: «Заблудшие – значит, б...ди...»
 И сыпались снегом предки, и липли к нашим подошвам.
 Вот так уходила империя со Спасом безглазым в прошлое.

И Бог был маленькой птицей, и бился в горящих глотках.
 И Бог был маленькой птицей.
 И Бог был маленькой птицей.
 И Бог был бы маленькой птицей, когда бы хватило водки.

А мы выходили трезво, серьёзные, шли серьёзно.
 Сестрёнки на платье шёлку просили светло и слезно.
 А мы говорили речи, красиво, до хрипа в горле,
 И были кругом медведи, ещё дураки да воры,
 И батюшка-царь был грешен, а нянька твердила – светел...
 И Спаса жалели только тогда старики да дети.

«Маленький мой Господи, – рыдала старушка несмелая. –
 Маленький мой Господи...
 Маленький мой Господи...
 Маленький мой Господи, что же с тобою сделали...»

Детское

Он сидел совсем рядом, держал на руках
 маленького сына. Глядел на него. Улыбался.
 Сын спал: вздернутый носик, лицико
 выпачкано шоколадом.
 И женщина, теплая, добрая, хорошая,
 жена,
 улыбалась, глядя на своих мальчиков.
 У него на рубашке – перья Жар-птицы,
 зеленые, желтые, красные.
 Дело не в светофоре,

ему не идут правила дорожного движения,
хотя он и говорит, что переходит дорогу
всегда на зеленый свет,
учись мол, маленькая глупая сестренка.

Дело не в светофоре, мы с ним переходили дорогу
на красный свет бегом и наискосок,
прыжками на одной ноге
через оживленную магистраль.

Дело не в светофоре, красный-желтый-зеленый –
это, кажется, флаг Ямайки,
где живут Буратины, Незнайки,
Почемучки и Угадайки
и свободно растет конопля.

Он немного умнее, чем я.
Он немного мудрее, чем я.
Он немного сильнее, чем я.
Может быть, потому, что случайно немного старше.
Когда он курит, я тоже хочу курить,
хотя до сих пор я совсем никогда не курила.

Дело не в светофоре,
а в том, что я слово «любить» все равно напишу,
хотя прежде я тоже любила
одиноких, уверенных, умных и даже ничьих.

Подгающий надежды доктор, эстет и интеллектуал,
он бы пёк блины, целовал мои туфли,
сам гладил свои штаны и стирал рубашки,
он звонит раз в неделю и спрашивает: «Как дела?»
и на каждый праздник присыпает открытки без подписи.

Оправдавший надежды наставников зрелый бандит,
брюнет и красавец, сильный и нежный,
он носил из школы мой портфель
и меня на руках вместе с портфелем,
теперь я была бы уже вдовой...

Белорусский мальчик с глазами, как океан,
он был на год старше, мы танцевали вальс...

Разгильдяй и поэт, у него на разбитой гитаре
нарисованы были цветы,
преклонив колено по-рыцарски,
он пел мне свои песни под лестницей в институте.

Умудренный седой господин. Старше меня на сорок лет.
Мальчики тоже играют в куклы.
Мы твердили друг другу, что в прошлой жизни
мы, конечно же, были вместе и в следующей тоже будем.
Я мечтала, чтобы меня однажды
положили в его могилу.
Я его и теперь люблю. И всегда любила.

Дело не в светофоре...

...Мне кажется, Анне Карениной
не хватило билета во Владивосток.
И она собрала чемодан
и махнула намного дальше.
Будь моим вечным попутчиком,
маленький принц,
рыцарьочных дорог,
солнечный менестрель,
мальчик, на чьей рубашке нарисованы перья Жар-Птицы,
почему ты забыл, глупый, что это мои крылья?..

...Любить друг друга, как дети в детском саду,
когда мальчик дарит девочке машинку,
а девочка дарит мальчику куклу.
Любить друг друга, как дети в детском саду –
в тихом углу долго шептаться
о чем-то самом волшебном.
И совсем не бояться друг друга, и верить,
что, когда мы вырастем,
мы обязательно поженимся,
и знать, что этого никогда не будет,
потому что в тридцать лет дети не вырастают.
Любить друг друга, как дети в детском саду,
когда мальчик еще не боится плакать при девочке,
а девочка еще не хочет,
чтобы его руки оказались под ее платьем.
Любить друг друга, как дети в детском саду,
восемь часов в сутки,
когда от них ничего никому не надо,
когда они никому не нужны,
и, вернувшись утром домой,
к своим игрушкам, кошкам и бабушкам,
забывать друг о друге.

• • • •

В последнем снегу утонуть по колено так весело!
Как сахарно хрустнет пристывшее серое месиво!
Но тут же спохватишься: что если нечто живое,
Прикинувшись снегом, лежит под твою ногою?!

Олег КОПЫЛОВ ►

▼ КИТАЙСКОЕ ВИНО (подборка стихов)

• • • •

Китайское вино, начало девяностых.
В динамиках «Кар-Мэн». Сегодня выпускной.
Дурак, ори ура. В глазах сверкают звезды.
И больше нет страны за школьною стеной.

Цитирует Дидро директор Комарова.
Над мусорным ведром пикирует салют.
Он освещает путь не в Пухово-Перово –
В Растопгано, Дрожейск
и в Околонолюй.

Тех новых дивных мест пока никто не знает.
Неслышная беда глядит из всех щелей.
Страна, которой нет, от края и до края
Горит.
Горит, горит
Звезда моих полей.

Волны

в королевстве эльфоран
был огромный ресторан
полетим с тобою в космос
голубой орал экран

ветер с привкусом весны
веял около стены
на стене плясали дамы
необъятной ширине

вотакенной ширине
вотакенной ужине
на сверкающей панели
где-то около весны

на бриллиантах на зрачках
отраженье дурачков
блеск и плеск
в амурских волнах
стечкин стачкин
и качков

за окном стоял завод
за стеной вставал восход
по серебряной дорожке
шел четырнадцатый год.

• • • •

Выводит оттепель проталиной из плена
Чужого/белого упрямую траву.
И смерти нет для крохотной вселенной –
Сейчас, всегда, повсюду, наяву.

Дмитрий СЕВЕРОВ ►

▼ ЕСТЬ ЛЮДИ НАСТОЯЩИЕ (подборка стихов)

• • • •

Когда пищат стихотворений груды
(я их кормлю с пипетки, как котят),
выходят люди разные оттуда,
выходят, завывают, говорят:

– Нас тоже – били,
за руки – хватали
и за волосы – через лес несли,
на борозде крапивою пугали,
из тела душу брали-выжигали,
завязывали в мёртвые узлы.

Но ты, такого сроду не видавший,
что можешь ты сказать о жизни нашей,
когда у нас и радости полно,
какую ты не сможешь – в эти книги –
подобно шестиногой оленихе,
вытаскивать из высохших болот?

(Я всех, пролезших, вышедших, не сдам,
как пешки, как рассыпанные карты.
Стихотворения растут, подобно львам,
но вырастают – всё же – леопарды.

Когда ж я волю этим людям дам,
то, кажется, взревёт огромный прайд.
И пасти скажут мне, как должно ртам:
– Они тебя как звери пожирают.)

• • • •

Так терял я, терял... что – навряд ли вернутся обратно.
И тогда мне подумалось, что – на самом ли деле –
что – неужто и правда – я – так умею любить
(так безжалостно, больно, – что можно – за это – убить),
как не любите вы, – и навряд ли когда-то умели?

Нет, нельзя так любить, как люблю я снова и снова –
тебя (так не любят, а – умерщвляют и жрут).
Так любить – что каждое слово – звучит, как проклятье,
и руки – не лебеди, не стебельки, не объятья –
а – струны, удавы, жгуты, – обвивают и жмут.

Как положено зверю: медведю, тигру и волку,
о совести я говорю – ни шатко ни валко,
и кажется, что от этого мало толку,
но я – открываю – все колдовские клетки:
летите, бегите – мои – любимые детки,
мне вас уже – ни для кого – не жалко.

• • • • •

Есть люди настоящие: они
в движении на лошадей похожи.
О грации не думая своей,
и думать не догадываясь – тоже,
идут, идут, не маясь о себе,
не маясь ни о ком – о, как хотел я
ходить, как эти, в светлой пустоте,
но не хватило смелости и тела.

Когда слетелись ангелы с небес
глядеть, кого и что на свете гложет,
я с палкой шёл – в туманной дымке весь –
как жалкая стреноженная лошадь.

Я сам не свой под вечер просыпался:
я стал бессмертным на изломе дня.
И ангел мне печальный улыбался,
как будто в шею укусил меня.

• • • • •

– Сначала больничный пол был мне ужасно противен,
и я его мыла – только – в резиновых жёлтых перчатках
(перчатки рвались и пили тёмно-холодную воду,
под ногти мне заходили остатки чужих болезней).
Я мыла больничный пол, с утра и до вечера – мыла,
я мыла его, пока не стал он совсем родным,
пока не легла я – однажды – прямо на мокрую плитку,
не то чтоб устала, – а просто – как будто бы стала – тряпкой, –
говорит Альбина Сергеевна. А я продолжаю – молча:

"Это очень похоже, должно быть, на то, как с тобой мы любились:
о, эта суровая хватка, о, этот напрягшийся хвост.
Тебя не любил я и трогал – сначала – почти что с презрением,
зажмуриваясь, удивляясь, твоей густотою давясь,
а потом – совсем по-другому: как будто и правда – влюбился,
как будто с тобою родился и в жидкости – нашей – лежал", –

голова говорит на коленях, на твоих – как верблуд – коленях,
и ты голову гладишь и слушаешь, понимаешь едва, но молчишь.
Голова превращается в кошку и бежит под кусточек за мышкой,
а потом в колобка превращается – ни догнать его, ни проглотить:
так однажды сбежал он от девушки, так однажды сбежал он от мальчика,
а теперь он сбегает от дяденьки – весь изгрызенный, чёрствый, сухой.

И осталось ему – три репейника, чёрной соли три троеперстия,
три истерзанных до исступления, три измученных сердца. А ну,
три, Альбина Сергеевна Лобова, пол больничный – я кубарем выкачусь –
лысый, адовый, неузнаваемый –
головою гулять по нему.

• • • • •

Нет, не долго ходить – в шубе овчинной – подонку.
Про него на весь окоём дурная разносится весть.
Я тебя угадал-ухватил – за трепещущий хвост и за холку,
оцципал и обдул – вот какой ты – взаправдашний – есть:
ни одна не оплавилась из догорающих свеч
и зверь ни один из леса не выбежал блудный.

О, если гнилые слова можно было бы взять и сжечь,
о, если б они – как и всё на земле – горели,
я бы взял и поджог их, –
что – про тебя – говорили
и когда-нибудь скажут – все эти добрые люди.

Оплёванный всеми,
всех лучше и чище ты тут.
Но какие экземы
и язвы
на теле твоём цветут;
но какой ослепительный сад
из ран – раскрывается – красных,
что и мне – как же знать, как знать –
однажды – удастся ли разве –
как прежде – тебя распознать
в безобразье – твоём – прекрасном.

• • • • •

Не стану я сам никогда ни добрее, ни злей:
жизнь моя – холмогорская кость резная;
но сколько вас, господи, ходит по этой земле,
а я – про тебя – никогда ничего не узнаю.

Узнаю про руки – другие, хмельные от пота:
поднимут они меня – все – из неведомой тьмы.
Кто-то подточит, кто-то подрежет, а кто-то –
плюнет и бросит; или же ляжет костями.

Спасибо тебе, – за то, – что уже после них
я всё-таки понял – так поздно, нелепо и слабо –
что жизнь моя – кость – из рук ненаглядных твоих, –
из рук – ненавистных, забытых, исчезнувших – папа.

Юрий ТАТАРЕНКО ►
▼ ВЯЛО ТКУЩАЯ ЗИМА (подборка стихов)

Асса

На творческий поиск
 Растроchenо самопознанье.
 До верных решений
 Подсказкам не вымахать за ночь.
 И смотрится
 В зеркальце русского солнцестоянья
 Валет:
 Александр Сергеич-Сергей Александыч,
 И дедка, и бабка
 Зовут не Трезора, а Жучку...
 Дождись озарения,
 Что в созидаельном гневе!
 И всякая строчка
 Отышет свою авторучку,
 И каждый поэт
 Упокоится в собственном небе.

• • • • •

Отпульсировал вечер курсорами,
 Переписку сменил перепих,
 Перестрелка закончиласьссорою:
 Все в России от сих и до сих.
 Кругозор – от кофейни до «Ростикса».
 Кто в Твери не Собянин? – Любой!
 Если жизнь – между бросить и броситься,
 Подскажи, что такое любовь.

Ялта

Страну не сплотит
 Нежность к Сталину, Ельцину, Путину,
 Идущих в строю
 Тоже трудно народом назвать...
 И хочется мне
 Расстегнуть твою верхнюю пуговку –
 Проглянет сквозь снег
 Раскрасневшаяся листва.
 И даже в природе не встретить
 Единоначалия:
 Сгущаются краски
 В докладе вечерней зари,
 И ненависть волн
 Вызывает у камня отчаянье,
 Но твердой рукой
 Он шлифует себя изнутри.

На перроне

День прошел. Мимо статуй и фресок.
Пол-Тавриды листвой забросал.
Ускоряется жизнь на отрезках:
Суеморье – троллейбус – вокзал.

До свидания, мой Симферополь –
Слезы сохнут быстрей, чем штаны –
Нас с тобой не прельщают европы,
Однолюбами мы рождены...

Мимо фрукты несут аккуратно.
Урожайная осень в Крыму!
Я купил себе грусть винограда:
Повод есть погрустить самому.

• • • •

Я все время в пути,
Траекторию задал сверчок:
От окна до двери
И от Бродского до Элиота.
Купол неба –
Огромный, с отломанной ручкой, сачок...
Если птицы – для гнезд,
То уж мы-то с тобой – для полета!

С небом – только на «вы»
Скорый поезд «Москва – Кулунда»,
Спать уйдет пассажир
И оставит открытой фрамугу...
Полночь.
Стрелки в часах
Начинают свой путь в никуда
И из всех вариантов
Вновь выберут:
Боком – по кругу.

Чемал-2008

Александру Белову

Но как же хочется порой
Чужую даль окинуть взором!
Сильней всего нас тянет в гору
Желанье знать – что за горой...

А вот и надпись: «На Кресты»,
Осталась в стороне сторожка,
И друг за дружкою хребты
Стоят разобранной матрешкой.

И кот билайнинский, заметь,
Мышей не ловит в телефоне,
И домик наш – не разглядеть,
И суeta – как на ладони...

Не панорама – стук в висок
Заставит рот раскрыть пошире...
Ну, что, последний мат-бросок –
И вот уже ты на вершине,

И оголяются тылы,
И ощущаешь с новой силой
Готовность прыгнуть со скалы
В полета свежую могилу.

Угадайка

Ты родилась десятого... не марта!
Не в пятницу, не вечером, не летом!
Тебя зовут Потапова... не Света,
Не Лена, не Констанция, не Марфа!

Ты сто пудов студентка... не иняза!
Не комсомолка и не коммунистка!
Не скалолазка и не альпинистка:
В горах ты и не рыба, и не мясо...

Ну, ладно, не смотри ты взглядом хмурым,
Ты не из тех, кто любит пререкаться:
Ты родилась не мальчиком, но мудрой!
А я кто? И не пойман, и не Кацман...

• • • •

Простукиваю стены и колени,
Прошузыываю дым и облака –
Я всемогущ по щучьему велению,
Но хочется все знать наверняка.
Сгораю в незддоровом любопытстве,
Что кроется за пробкою в стекле...
Прямоугольник на обоях выцвел
И мерзнут клады девичьих колен.

• • • •

Работаю ночами над статьей,
Все выглядит не так со стороны:
Приносит ветер лунное сырье –
Уносит безделушки тишины...

Ожидание

Узоры тиканья часов
 Измяты бранью нецензурной,
 И, словно мыши без хвостов,
 Уродливо миниатюрны,
 Слова шныряют по углам,
 И маты некому запикать,
 И вот уже я пьяный в хлам,
 И скажет теща: «Ляг поспи-ка...»

Слякоть

Спешат снежинки в гибельный уют
 Упасть и раствориться в ноябре.
 Студенты теткам флаеры суют.
 В бюджете осени – родная брешь.
 И неба проходившийся карман
 Напомнит о позоре в кабаке...
 Скорей бы вяло ткущая зима!
 Скорей бы вахта, жаркий спор в балке!

Модерн и пост

Сплошь тили-тили, трали-вали, вали-трали,
 Ну, чем не рифма: Стас – иконостас?
 Поэты-паути заколебали
 То нас с тобою, то с тобою нас...
 Любовь-морковь – дичает эта повесть,
 Вагон глядит на рельсы свысока.
 Каренина не бросится под поиск,
 Штамп стали вороненой – у виска.

Пятое марта

Россия с утра – с президентом,
 Меня это не колышет,
 Ведь ветер колышет ветки,
 Ведь ель за окном зеленеет,
 Ведь к нам приезжает Путин,
 Ведь партия в чернильных пятнах,
 Ведь пятого умер Сталин,
 И наша староста группы,
 Нет-нет, дай ей бог здоровья,
 Пошла за водой в туалет.

Апрельский блуз

Весна приходит,
Весна приходит не за мной.
Хоть снег не тает,
День все равно зовут весной.
Москва вся в мини,
Бульвар – и тот уже Страстной!

У черной клумбы
Стоит с букетом паренек.
Час ожиданья
Исхожен вдоль и поперек.
Весна приходит –
Москва берет под козырек.

Стоит Тверская,
Стоит кольцо – в оба конца.
Вскипевший разум
Давно отправлен к праотцам.
Мигает желтый,
Как будто он хлебнул винца.

Весне дорогу,
Весне дорогу – ясен пень!
Вновь горожанин
Из гаража велосипед.
И отчего-то
Конькам с утра не по себе.

Апрель побреет
Сосульки, что росли весь март.
Менты в зеленом
И привлекательны весьма.
Весна приходит –
В сугробах прячется зима.

Но что-то говорит мне,
Что в сугробах – не айс!
Капель не дружит с ритмом:
То ли марш, то ли вальс!
Весна приходит
Не в январе, не в феврале.
Весна приходит –
Ей что-то нужно на Земле.

Весна приходит,
Но не любуется Москвой.
Весна приходит
Не за водой, не за травой.
Владимир Путин,
Весна приходит за тобой!

Тимофей ТИМКИН ►
▼ НА ВОЗДУХ (подборка стихов)

Манекен

Ты считаешь, что ты можешь чувствовать сильно,
 Ты знаешь любви и измене реальную цену,
 Ты знаешь про боль, ну а все остальные –
 Это не более чем манекены.

Но синяя чёткость повышенных герцев
 Покажет страшнейший из всех поцелуй:
 Знает про боль больше, чем твоё сердце,
 Манекен, на замедленной плёнке целующий руль.

Монета

Ты мелькаешь в толпе, будто лик на монете,
 Что ползёт по столу сребролавой юлой,
 Во вращении споря со скоростью света.
 Встанет с краю стола на ребро на постой,

Открутив тридцать два фузте, и покажет
 Мне на север, в отметку, где сто км/ч,
 Миллиметром металла отрезав удачу
 От того, что потом, в стороне, вообще.

Я вращаю монету в безумной охоте
 На удачу, свою жизнь небрежно кроя.
 Я посмел захотеть, чтоб узнать точно, кто ты.
 И посмею хотеть, чтоб ты знала, кто я.

Всё, что было до этого – напрочь забыто,
 Вся судьба поделилась на «до» и «потом».
 Ты мелькнёшь полускрытая пышною свитой,
 Стробоскопно накрытая белым орлом.

Дай, монета, совет, научи меня верить,
 Мы друг друга пытаем на сгиб и излом.
 Только бешено сердце колотится в сфере
 Из зазубрин ребра, что размылись кольцом,

Параллелями туго стянув мою Землю.
 Здесь моё мирозданье – блестящая мгла.
 Здесь моё мирозданье, моё исчисленье:
 Не числом, но числом оборотов числа.

Расцветает монета гадальной ромашкой,
 Расцветает в прозрачный магический шар.
 Этот шар не заменит мне сорванной башни,
 И металл не сумеет умерить мой жар.

Я не знаю как быть, я пришёл за советом,
Подскажи, благородное, мне, серебро.
Я бессильно смотрю на вращенье монеты,
Той, что встанет сейчас на ребро,

Открутив тридцать два фуэте, и покажет
Мне на север, в отметку, где сто км/ч.
Мне ответить монета не хочет, а значит,
Я монету возьму, будто щит на плече,
И в толпу.

• • • • •

Наши стихи такие изломанные,
Потому что на них отпечатки зубов.
Мы кусаем наш мир, тщательно пережёвываем,
Раня дёсны большими осколками слов.

И желая себя приобщить к бесконечности,
Изгибаемся, въёмся змеиным узлом,
По ночам мы кусаем себя за конечности:
Раз хвоста не дано, так играем с локтём.

Мы кусаем все груши, что нельзя есть, запретные,
На боксёрских мы точим строку-апперкот.
Это наш идеал, и мы ему преданы:
Это Данко, засунувший лампочку в рот.

Он идёт и сияет межзубным пунктиром,
Несмотря на то, что ему фиговато.
Нас вскормили стихами и песнями мира,
Будто сахарною стекловатой.

И мы мечем не бисер – алмазы,
Наши рты рифмами поисклёваны.
Стекляшки стихов мерцают, заразы,
А ты попробуй их повыплёвывай.

Сейчас бы замолкнуть, чтоб калёным железом
Не жёгся мой новенький стих.
Но если замолкну, то резвые фрезы
Зубов будут резать язык.

Как трудно глядеть в неподвижные лица,
Не выдавиши плача из плача.
Научи меня, жизнь, идти и светиться,
Или хотя бы кусаться.

• • • •

Спаси меня, спаси меня, Сапфо,
От всех суфистов и софистов,
Спаси от обжигающих софитов,
Затмив лучи прожектора собой.

Спаси меня, спаси меня, Сапфо,
От всех софистов и от свиста зала,
Нырну на сцену под оскал накала –
Лихой таксист ныряет так под светофор.

Дождь разбивается на стёклах в ленты SOS,
Я сам себе и айсберг, и Титаник,
И я нелеп, как тонущий в стакане,
Кричу тебе, Сапфо: save our souls.

Вот заболеть бы, слечь, читать тугие строфы,
Под одеяло черепахой – милый статус,
Забиться под подушку, точно страус,
Любовь к софе – вот лучшая из философий.

Но ставят нас на сцену перед фактом,
Что права нет у нас на нашу слабость,
Со скрипом добываем себе славу.
На тень сомненья на лице нет права тоже. Так-то.

Мы слишком яркие, чтоб быть в тени друг друга,
Нам всё равно, чего прожектор чертит,
Но тень на лицах неуместна на концерте
По аксиоме осветительной науки;

И перейдён рубеж, и утопающих спасенье
Отныне дело душ самих ко дну идущих.
И чья-то тень потом придёт по наши души,
А мы такие яркие, что не боимся тени.

Но мы боимся яркости всемирной.
Давай затмим её. Мы обнуляем.
Спаси меня, Сапфо, я умоляю,
От суффиксов, сефир, секир, сапфиров.

Спаси меня от тех, кто жжёт и гложет,
Спаси меня от жизни в гриме, в креме.
Я уступаю тебе сцену. Твоё время.
Когда-нибудь тебя спасу я тоже.

На воздух

Мы взлетаем на воздух. Рады ли?
 Здесь так остро, но круче, чем тупо.
 Вариометр ври: мы не падаем,
 Ну а штопор, он лучше, чем ступор.

Выкрик – росчерк последний в эфире, и
 В пелене уже не увидеть,
 Чёрный ворон там или валькирия,
 Или чей-то чужой истребитель.

Мы мечтали летать. Глупо разве?
 Наш удел – покуситься на небыль.
 В этом мире всё падает наземь,
 Единицы лишь падают в небо.

Мы очищены облачной ватою,
 Чистотой мы дышали и плыли.
 В нимбе солнца пылают распятые
 На кресте фюзеляжа и крыльев.

Выживали мечтой о пространствах чужих,
 Мы достигли небес. Смолкни, радио.
 Небо хлещет в пробоины, бьёт нас под дых.
 Мы взлетаем на воздух. Рады ли?

Инженер Шурик (Посвящение собственному никнейму)

Инженер Тимофеев меняет профессию,
 Даже имя меняет, чертяка пролазивый,
 Зал смеётся над ним, кинозалу всё весело,
 А ему не до смеха, ему не до праздника.

Он стоит за спиной настоящего времени,
 Его взгляд над плечом разгорелся t-вектором,
 Он глядит на экраны своим неумеренным
 Ярким взглядом в свои роговые прожекторы.

Он глядит через плёнки цветные квадратики
 Через время Ивана, Уэллса, Булгакова.
 Он глядит невозможно легко и внимательно
 В этот будущий мир. С полотна одинаково

Удивлённо и чисто глядит в наше прошлое,
 В наше третьего дня или даже четвёртого.
 В центре времени, ставшим зала окошками,
 Он встречает глаза своего перевёртыша.

Он, в себе замыкающий слабое-сильное,
 Он, в себе замыкающий горькое-сладкое,
 Он стоит в тишине грандиозным светильником,
 Что художником собран из двух тысяч слайдиков,

Рассекающий стены в две тысячи секторов,
Разрубающий стены на мелкие рубрики.
И жонглируют временем эти прожекторы,
Лиц узором играя, как кубиком Рубика.

Он играет с историей, яркий, безбашенный,
Разрушая квартиры бетонные челюсти,
Он расплёл кубик Рубика клеткой рубашечной,
Чтобы сделать заплатку своей чёрнобелости.

Он слетает с катушки, по кругу он мечется,
Ведь история – это спираль очень длинная.
Его путь – на другом из концов бесконечности
Тихо в ноль возвратиться синхронной бобиною.

Почему он – эмблема моим вдохновениям?
Я ответить и сам-то способен уж вряд ли-то.
Я люблю этот образ нелепого гения.
Я, конечно, нелепый скорей, чем талантливый.

Я тебе не пишу

Партитуру открыв телеграфным ключом,
Птицы сели аккордами на провода,
Натянув тире строчки «Откуда – куда»
На столбы над землёй золочёным лучом.

Я пишу по ночам шедевральную муть,
Я придумал себе две наивные драмы,
Но поэмы писать проще, чем телеграммы,
Если есть, что сказать, нет – что упомянуть.

Мы умеем с тобой говорить ни о чём,
И молчать о всём сразу умеем, но право,
Как бы сделать нам это всё по телеграфу,
Если хлещут слова телеграфным ключом.

Недосказанность – наша стихия, но смысл
Нас поток тишины, капнул больно морозом.
Как теперь намекать, если некий Сэм Морзе
Догадался давать многоточиям смысл?

Как теперь помолчать? Наши милые тайны
Приучили важнейшее, то, что основа,
Выражать не в словах, но в отсутствии слова.
Как читать между строк, если строки считают?

Я тебе не пишу. Не отсутствие денег
Онемляет меня, не какие-то цели.
Просто я так хотел знать словам своим цену,
Но зачем телеграф на слова клеит ценник?

Счёт открыт, карты ждут, предложение в силе.
 Что тебе заплести в ограниченность строчек?
 Я бы мог рассказать, что приснилось мне ночью,
 Но связист не пропустит такое по стилю.

Наша драма смешна до последнего акта,
 Я не буду писать про дела и работу.
 Я бы мог написать: снег растаял в субботу,
 Но связист не поймёт ценность этого факта.

Я бы мог написать: всё нормально, всё ладно,
 Только сам я не верю в суть этого вздора.
 Я боюсь сильно дёргать за нить разговора,
 Потому что мне страшно рвать нить Ариадны.

Я создам тонкий бред и отдам тебе в руки,
 Чтоб ты знала, что я ещё жизни заметен.
 У меня к тебе слов – больше, чем их на свете,
 Только нужных средь них у меня нет ни буквы.

Партигуру на такты нарезав столбами,
 Птицы-точки собою тире окропили.
 Я тебе напишу, непременно, без «или».
 Пусть царапают птицы все строчки когтями.

Обратный отсчёт

Минус три. Эта слабость в глазах
 Не мешает усилить свою точку зрения
 Линзой прицела. Трясёт мушку страх,
 Стрелки, забытые до посинения.

Минус два. Слишком зябко в плаще.
 Выстрел с веток деревьев стряхнёт капли блузка.
 Справедливость уйдёт, на прощание бросив: «Зачем?»,
 Рыхлый снег заалеет окровленным сколом арбуза.

Криминальная тема в стихах так чужда и пошла,
 Как винтовка в гитарном чехле, только б-блин,
 Как молчать? Боевая пружина пошла,
 И свинцовый паук сплёл в стекле свою сеть. Выстрел. Минус один.

Два курка, секунданты-секунды. Дуэль скоростей.
 Всё случилось, и что нам осталось для веры?
 Можно верить, что первый был прав, но скорей
 Ты поверишь, что прав всегда тот, кто был первый.

Кровью кровь не закрасить. Не вычистить нравы.
 Добро с кулаками собьёт свои пальцы, его сточит боль.
 И винтовка истцу не подарит презумпцию правды.
 Справедливость ушла. Числа кончились. Ноль.

Время

Шум в ушах – это мощное стерео.

Скоро ль мне
Дадут подышать полной грудью?

Я уже неподвижен, как дерево,
Скованный
Годовыми кольцами будней.

Эти кольца, впитавшие числа и даты,
Нанизавшие циферки из циферблата,
Крутятся под потолком
Комичным венком
Из звёздочек.

Всё за чек
Отдал, если б время могли продавать,
Как в кабинках межгорода: «Ваш телефон.
Сколько? Минуту? Час? Двадцать пять?»
Нет – я хочу безлимитный талон.

Наше время так одноразово,
А мне некогда даже опаздывать.

Впереди не мелькает the end,
Но каждое «некогда» в некий момент
Превратится уже в «никогда».

Если время течёт как вода,
Моя жизнь – лабиринты из прорваных труб.

Но пока я не труп.

Если в сутках часов столько, сколько тональностей,
Я хочу играть мимо нот.
Суток в неделе – по нотам. Пожалуйста,
Дайте фальшивый аккорд.

Таймер – соперник в любом виде спорта,
Но бегун вряд ли крикнет: «Мгновение, стой!»

При таких повторениях скорость
Становится частотой.

А я тоже бегун, бегун за свободой,
Воздух сжимается, хлещет упруго.

Метроном, проломив ограниченность хода,
Превратился в часы, зашёлся по кругу
И рад этой новой, волшебной свободе,
Не зная, что путь стал ещё безысходней.

Время идёт во сне, под наркозом,
Даже на фото некуда деться:
Видишь, висит душа паровоза
Облаком птиц, взметнувшихся с рельсов.

Мне не сбежать, сил слишком мало,
 Мне не сойти с полосы.
 Но когда ты приходишь ко мне, то сначала
 Я убираю часы.

Выход свидетельницы

Из зала суда, мимо мёртвых архивов,
 Где пыльный налёт засахарил гадость.
 Падать по лестнице. В холл торопливо,
 Туда, где уже больше некуда падать.

В тучу плащей цвета мусорной мыши
 Выпасть на улицу, папкой прикрыться.
 Под ливень из взглядов, под молнии вспышек,
 Упасть в фотографии первой страницы.

В толпы площадной стометровую вечность.
 Сквозь гром этих мощных и мокрых вопросов
 Стремительно выплыть себе же навстречу
 Из чёрного лака на дверце «Роллс-Ройса».

Но даже когда город сможет размыться,
 Летят вслед за жирным бензиновым рыком
 Слухи и сплетни большой хищной птицей
 Из бледных и мятых газетных обрывков.

Сбежать, уезжать в никуда и в куда-то,
 Неважно куда, но как можно скорее.
 Сбежать из дворца, где шуты – адвокаты,
 А судьи – всего чьих-то пяток лакеи.

От мира, где норма – публичность алькова,
 Где жизнь минут руками, а взглядами – юбку,
 Где «поступок» уже много лет только слово,
 Но каждое слово уже род поступка.

Где сложный расчёт проскользнёт в каждой фразе
 Наедине или перед народом
 С трибуны; где стала политика страстью,
 А страсть – небольшим политическим ходом.

Где нельзя убежать из сетей паутины,
 Потому что тебя уже сделали нитью;
 Где свидетель позорнее, чем подсудимый,
 Потому что есть вещи, что лучше не видеть.

Как хотелось тепла нахвататься в объятьях,
 Прижимать к груди нежность, тонуть в ней, как в море,
 Брать охапки любви – но пришли вытрясать их
 Люди в форме с бумажкой. И смотрят, и смотрят!

Да и это ещё и не всё испытанье,
Вот уйдут портупеями сбитые тugo –
И с обыском стыд бродит в воспоминаньях,
Душа с телом дрожат в отвращеньи друг к другу.

Выгнать шофёра в дорожные тени,
Самой сесть за руль, разогнаться, размыться,
Чтобы дворники чистили взор от видений,
Чтоб гудки позади не давали забыться.

Руль спасательным кругом сжимать, на педали
Давить, уезжать в никуда или в где-то,
Там, где тебя ешё не предавали.
Да хотя бы и в ад – там не носят газеты.

Сбежать, уезжать, отыскать свою сказку,
Через дождь на стекле и колючие слёзы.
Там тепло без притворства и добрая ласка.
На крутом повороте. В бок бензовоза.

для умных

Иван КУДРЯШОВ ►

▼ ФИЛОСОФИЯ НУАРА: НОСТАЛЬГИЯ, ГОРОД, ГЕРОЙ (статья)

«Сначала ты мечтаешь, потом ты умираешь»

Корнелл Вулрич

То, за что мы любим, это всегда нечто исключительное – изъян, особый шарм или сплетение причин, некоторое «не всё». Для меня это прежде всего то уникальное сочетание образов и смыслов, которое можно назвать эстетикой нуара в философском смысле. Причем, главным образом меня интригует не то, что меняется, а то, что неизменно сохраняется в нуаре. Изменчивость, становление и смерть в нашем мире – обыкновенны, а вот постоянство таит какую-то загадку. Поэтому и мой интерес скорее в том, почему *film noir* раз за разом воскресает, нисколько не теряя свою самобытность.

Обычно киноведы определяют нуар как жанр или как стиль. Считая нуар жанром, мы в конечном счете ограничиваемся узнаваемой сюжетикой и общими формами (манера съемки, тон и цель рассказа и т.п.). Рассматривая же его как стиль, нужно обрисовать систему, призванную воплотить определенное идеино-образное содержание. В силу этого мне привычнее говорить о своего рода философии нуара и нео-нуара, поскольку в этом случае становятся важны как трансжанровые черты (а не конкретно-исторические), так и приемы, которые позволяют выразить стилевые особенности этого кинематографа.

Первое, что я бы отметил – это, конечно же, близость эстетики нуара европейскому модерну. Известна формулировка Джеймса Нэймора: «*film noir* – это модернизм в популярном кинематографе», она хороша своей парадоксальностью: популярное кино по многим параметрам противоположно модерну, поэтому точнее было бы говорить о ностальгии по модерну, а не его воплощении. Категория ностальгии вообще одна из ключевых для нуара, и я постараюсь показать это дальше. Внешние атрибуты модерна – формальная сложность, отсылки в высокой культуре, эстетизм, самоопределение через внешнее, отказ от классического нарратива – вполне могли быть использованы популярной культурой. Но вместе с мрачной атмосферой и моральной амбивалентностью нуар остался чуждым среднему зрителю. Классический нуар первоначально считался в Америке второсортным кино, уделом ремесленников, и лишь через рецепцию французов превратился в особый утонченный стиль *film noir*. На деле жесткие ограничения Кодекса Хейса скорее провоцировали творческий всплеск: суметь показать темную сторону жизни при условии запрета на почти все негативные темы – это вызов для талантливых режиссеров (таких как Хичкок, Олдрич, Ланг и др.). Я думаю, при иных условиях нуар мог бы вырваться и на другом материале (не «крутом детективе»), ведь в конечном счете главное, что в нем привлекало режиссеров – это тема смерти и опасности. Кстати, особое место в оформлении подлинного нуара сыграл Корнелл Вулрич (Айриш Уильямс). Его романы внесли в «крутой детектив» отчетливое чувство беспомощности и паранойи. Герои его романов дезориентированы, внутренне они похожи на руины: это экстрасенс, предсказавший свою смерть, потерявшие память, жертвы заговоров, разрушающие себя алкоголики, люди, не способные противостоять своим порокам. Так что возможно эстетику нуара питали лишь единичные авторы, а не целые жанры и стили.

Вторая не менее важная деталь – изощренность в подаче материала. Нуар, пожалуй, единственный «мрачный» стиль в кино, который можно легко опознать по одному кадру. Отсюда понятно, почему киноведы уделяют так много внимания технической стороне съемок в нуаре. За счет простых приемов здесь была создана

богатая палитра, позволявшая очень тонко и точно акцентировать ситуации, переживания и действия героев. И с полным правом можно сказать, что нуар – тот редкий сорт кино, в котором наибольшее внимание уделено визуальному и сюжетному нюансу, композиции как таковой. Божественные мелочи и дьявольские детали – вот еще одна вещь, которая так привлекает меня в нуаре.

«Черный фильм», оправдывая свое название, действительно учит разбираться в оттенках черного и серого, как в прямом, так и переносном смысле. Поэтому главная его визуальная характеристика – это контрастная двухцветная (сперва черно-белая, затем в цвете) картинка, напоминающая графику. Стремление показать столкновение и взаимодействие неоднозначных моральных решений очень часто воплощается в комбинации света и тени. Излюбленными приемами демонстрации такой двойственности стали полуосвещенные комнаты (очень часто вертикали или косые тени от решеток, жалюзи) и лица разделенные тенью наполовину. Последнее – едва ли не самый узнаваемый пример: лицо, повернутое одной половиной к источнику света или рассеченное тенью от шляпы. Часто используется и противопоставление силуэтов и теней в кадре. И, конечно же, нельзя не упомянуть любовь к таким визуальным объектам как фонари и вывески, струи и черная гладь воды, дым и туман, кирпич, брускатка и рельефная архитектура. Вся эта готика не просто создает эффект таинственности и опасности, но и формирует пространство смысла. Мне кстати, оно представляется весьма материалистичным и феноменологичным, ведь в нем не только персонажи, но и некоторые вещи (от мелкой детали, части тела или даже сна, до таких объектов как город или ночь) становятся действующими лицами. Нуар пытается придать иллюзиям объективный, действенный характер, именно поэтому ему удается очень тонко судить о страхах, желаниях, смутных воспоминаниях.

В нуар-фильмах действия обычно не много, но они не лишены статичности, наоборот производят впечатление очень мощной и насыщенной динамики. Это внутреннее напряжение достигается тщательной работой над композицией: недостаток движения в сцене с лихвой компенсируется освещением и ракурсом. Очень часто для этого используется техника освещения low-key, которая прежде всего усиливает эффект от теней героя. Такой эффект достигался сложным перекрестным освещением: сверху ставился очень мощный резкий свет, дающий сильную тень от фигуры, а между героем и камерой рассеянный мягкий свет, добавляющий глубину и выразительность мельчайшим теням на лице и одежде. Техника low-key создавала эффект неизвестности и загадочности за счет того, что тени как будто бы начинали жить своей жизнью. Например, меняя угол и положение верхнего света можно было создавать неожиданно большие, остро-вытянутые черные тени, а включение/выключение переднего света часто использовалось для иллюстрации смены эмоций, мыслей, ситуации в целом. В сочетании с городским ландшафтом эти тени могли выглядеть зловеще или крайне деформированно, подчеркивая чисто графически эмоциональные акценты. Насыщенное освещение позволяло широко применять и другие приемы: такие как глубокий фокус, голландский угол, съемка широкоугольным объективом.

Так, например, у Орсона Уэллса часто используется глубокий фокус на каком-то предмете. Этот прием очень хорошо пояснил Джеймисон: он писал, что после эпизода с глубоким фокусом у нас остается ощущение, что все равно мы что-то пропустили и не разглядели, что нечто важное ускользает от восприятия, хотя казалось бы картинка была дана в максимально полном объеме. Съемка широкоугольным объективом тоже добавляет странных или служит для выделения фигуры персонажа в сцене. Таким объективом в фотографии обычно снимают архитектуру и пейзажи, поэтому люди выглядят искусственно, словно скованы или деформированы невидимой силой. В других случаях широкий кадр позволяет показать героя один на один с миром (он словно окружен им и одновременно выделен своим одиночеством).

Режиссеры в нуаре сознательно избегают слишком простых решений, например, как неоднократно замечали киноведы, в нем не так много крупных и сверхкрупных планов лиц и других частей тела. В самом деле, столь сильный инструмент, как отмечает Анжелика Артох, используется только для ключевых моментов в изображении роковых женщин (крупным планом могут быть показаны глаза, темные очки, губы, ноги).

Во всем многообразии мотивов и черточек я решил выделить следующие три. Во-первых, это мотив ностальгии, тщательного внимания к прошлому. Во-вторых, это особая значимость среды и ее влияния, воплощением которой является город как особая реальность. И, в-третьих, оригинальная трактовка героя, в образе которого преломляются первые две черты.

1. Ностальгия.

Прошлое героя в нуаре – это один из любимых его акцентов, поэтому они и напоминают собой руины, готические замки с тайнами или памятники (событию или добродетели). Однако особенность героя мы рассмотрим позже, сейчас же обратим внимание на ностальгический взгляд, встроенный в саму структуру нуара.

Абель Ганс говорил о кино, что оно способно придавать «самому ледяному облику вещей и существ величайшее из благ – жизнь», но нуар открыл особый способ оживления – через утраченное. Нуар в кино обрел выражение ностальгии не только в героях, которые очень часто несколько старомодны, придерживаются традиционных норм, но и в самой подаче образов. Многие отмечали, что признание *film noir* произошло почти одновременно с появлением современного циничного зрителя и критика. Очарование этого жанра уже не может быть связано с наивным и непосредственным переживанием: условность и драматизм классических сцен нами воспринимаются с иронией. Поэтому «зачаровывает» нас именно некий взгляд, взгляд «другого» гипотетического, мифического зрителя 40-х, который, как мы предполагаем, мог слиться миром *«film noir»*. Очевидно, что такая отсылка к прошлому «всегда уже» вписана в само произведение, иными словами, даже первые зрители «Мальтийского сокола» были зачарованы двойственностью – своего отстраненного взгляда и взгляда воображаемого действительно верящего зрителя. Как замечает Жижек, иногда такой наивный взгляд вписан в сам сюжет фильма: например, в нуар-вестерне «Шейн» его воплощает мальчик, в глазах которого Шейн – не просто случайный странник, а именно мифический вестерн-герой, появившийся для спасения его семьи.

Нео-нуар дал этой ностальгии рефлексивное удвоение: я не только являюсь обоими взглядами, но и я конструирую их, зная, каковы они должны быть. Я, например, недавно очень отчетливо это почувствовал, смотря «Транс». Во время просмотра я сопререживал (за счет идентификации с героем МакЭвой), и параллельно с этим представлял себе эффект от полной захваченности фильмом (как если бы был на месте того, чьи фантазмы цепляет внешность Розарио Доусон). Эти значимые для нуара и нео-, пост-нуаров наложения и метауровни верно ухватил Джеймисон, объясняя, как работает ностальгический взгляд в кинематографе.

Нео-нуар может располагать сюжет в прошлом, настоящем или будущем, но во всех случаях что-то в структуре рассказа и картинке будет напоминать о духе «ретро». Возьмем для примера «Бегущего по лезвию» (1982), «Темный город» (1998) и «Эклисибиум» (2002): три десятилетия подряд лучшие фильмы нуарной фантастики выглядят словно старая желтоватая фотография, хранящая не только воспоминания, но и какое-то тепло прошлого. Даже визуально в некоторых нео-нуарах ощущение такое, будто воздух пропитан сепией. Джеймисон пишет, что привычный ход ностальгии – это извлечение фрагмента прошлого из контекста времени и помещение его в пространство мифа, вневременное настоящее. Нуар органически связан с таким ходом, но только формально. Иными словами, его стилистика организована как создание ностальгической ауры у любого фрагмента (прошлое, настоящее, будущее), который мы рассматриваем уже как часть мифического прошлого. Без этой формальной рамки взгляда, например, «Машинист» – всего лишь странноватая история, а «Элемент преступления» – авторская фантазия о будущем. Однако очень сильная и сложная (часто негативная) связь героев с прошлым, а также тревога перед будущим создают своего рода *future in the past* или точнее сказать *temps perdu* («утраченное время»), которое вовлекает зрителя и заставляет его разделить ностальгические (ибо рассказаные) сожаления о том, что было, что происходит и что никогда не случится. Это ощущение утраченного времени соседствует с главной тональностью нуара – чувством рока и безысходности, поэтому само время события оказывается уже не столь важным. Тревога, пропитывающая текущий момент времени, может воплощаться в непосредственной напряженности ожидания. Корнелл Вулрич как раз одним из первых широко использовал сюжет, где герои знают, что по прошествии определенного времени случится что-то ужасное (они могут знать об этом, как Джон из «У ночи тысяча глаз» или не знать, как в рассказе «Ровно в три часа»).

Эксперименты с ностальгическим повествованием ведут к тому, что хронология событий сильно усложняется: прошлое то само врывается в настоящее, то приходится его с огромным усилием вытягивать из памяти или реконструировать по небольшим фрагментам. Нелинейное повествование также призвано погрузить зрителя в сложность и запутанность самого мира, которая порождает у героев чувство дезориентации. И, на мой взгляд, у ностальгической ауры главным образом две задачи. С одной стороны, она показывает нетривиальность объектов, попадающих в сферу притяжения наших желаний и фантазий. С другой стороны, она работает смягчающим фильтром, который убеждает нас, что радикальное вторжение фантазматического как будто бы уже пережито, ассимилировано. В кино эти акценты можно увидеть в разнице

нуар-фильмов о травме, с элементом трагического измерения и драматических сюжетов, в которых конфликт имеет опосредованное (например, в качестве некоторой морали) разрешение.

Как бы мы ни старались от прошлого нельзя избавиться, поэтому временами проблема стоит с точностью до наоборот – как встретиться и пережить это прошлое? И в этом плане, возможно прав Деррида, как-то заметивший, что кинематографический сеанс – это своего рода сеанс спиритический. И он является наиболее оптимальным способом «вызвать обитающих в себе призраков перед собой: на экран».

2. Город.

Город, его смысловая и визуальная составляющие в нуаре становятся воплощением двух традиционных для искусства и философии идей. Первая – идея среды, социума, которые формируют индивида. Всякий герой и всякое место здесь – это ставшее, то, что несет в себе прошлое как исток своей самости. Вторая – идея объективности зла, его реальности, способной въедаться в вещи и явления мира.

Сложные связи этих идей с образом города можно найти едва ли не в Античности и Возрождении, хотя в нуар они приходят через экспрессионизм от символистов и декадентов *fin de siècle*. Впрочем, в истоках его мрачного урбанизма следует также упомянуть американскую сельскую готику и всех урбанистов от модерна (от Золя и Бодлера до Джойса и конструктивизма).

Визуально город для нуара – это некоторый аналог моральной амбивалентности. Типичный *film noir cityscape* – это одновременно небо и гнетущие стены, дома, асфальт, одновременно ночь и множество огней, одновременно туман, облака и контрастные силуэты или рельефы кирпичных стен, одновременно пустынные улицы и толпа или напряженные фигуры людей, одновременно узнаваемость и странность (необычная тень, труп на мостовой, символичная надпись на стене или вывеске, роскошная машина в порту или нищем квартале). Собственно особая любовь к мотиву воды, я думаю, объясняется не только фрейдистскими реминисценциями, но и визуальной пластичностью воды: дождь, лужи, гладь воды, мокрые стены при работе с освещением и углом съемки могут создавать эффект тьмы и блеска, контраста и мутной пелены (дождь). Заимствованные у экспрессионистов косые и вертикальные линии в кадре и полумрак тоже в некотором смысле намекают на город. Город классического *film noir* с осыпанными огнями высотками Чикаго и Лос-Анджелеса прямо противопоставлен традиционной одноэтажной Америке, получившей визуальное воплощение в фильмах Гриффита и Форда (там в кадре преобладают горизontали). Вертикали и косые дестабилизируют кадр, внося в него напряжение и нервозность, свет в такой среде падает причудливыми формами и линиями, словно от него пытаются защититься. Особенно это заметно в темных интерьерах, где жалюзи опущены, стекла матовые или мутно-грязные, а лампы расположены низко и дают слабый свет (абажур или непрозрачная атмосфера с табачным дымом, пылью в воздухе) – все как будто рассчитано против вторжения внешнего мира в убежище персонажа. Стоит также заметить, что нео-нуар показал пластичность этой стилистики: то же настроение могли создавать и заснеженные городские пейзажи («Макс Пейн», «Город Грехов»), и калифорнийская зелень («Кирпич»).

В социальном плане Город – это паранойяльный объект, который одновременно и абсолютно равнодушен к герою, и что-то хочет от него. Поэтому город в нуаре – прежде всего отдельный персонаж, впервые получивший едва ли не полную свободу действий. По крайней мере, на уровне освещения герой редко выделен из городской среды, поэтому до конца не ясно, сам ли он действует, или строго по правилам, диктуемым средой. Город – уже не декорации и подмостки, это символ того, что люди делают/готовы сделать друг с другом. Город жесток и циничен словно супер-Эго – этот темный двойник Закона. Даже сны в нуаре часто становятся не сообщением о внутреннем и сокровенном, а скорее иллюстрацией истины того, что действительно происходит с героем в обществе.

Среда – это еще и инерция, материальная сила, мешающая или очаровывающая (сблазн зла), способная довести до отчаяния и безвыходности. Поэтому в нуаре город – это и те правила, что превращают людей в конформистов, трусов и пособников зла, и в то же время, некая объективная сила, подобно року или закону кармы, которая гораздо быстрее любой власти приводит героев к расплате. И если первая оставляет герою момент выбора (а возможно и борьбы), то вторая обеспечивает неустранимый флёр безнадёги.

3. Герой.

Film noir достиг своего расцвета где-то в 1948-49 гг.: именно в этот период были отброшены романтические конвенции и предпочтение отдано эстетически оформленным историям о распаде, влечении и психозе. Только там мы видим подлинного героя нуара, в котором сочетается болезненная совестливость и психологические проблемы. Поэтому нижеизложенное может не соответствовать ранним мелодраматическим нуарам или фильмам, реалистично показывающим темную сторону жизни города.

Персонажи в нуаре, и особенно нео-нуаре, крайне разнообразны, и все же на главном герое сохраняется родимое пятно, связывающее его с детективом. Более того, чаще всего это детектив поневоле: либо сыщик с печатью прошлого (прежде он был полицейским или изначально был частным детективом, но занимался более серьезными делами, верил в свою работу), либо сама ситуация заставляет его расследовать и бороться. Собственно эта трансформация (в прошлом или сейчас) делает его причастным к самой среде, в которой он ведет расследование, что в конечном счете стирает часть различий между ним и теми, кто ему противостоит. Корысть, страх, предательство, одержимость местью или патологическим аффектом, социопатия – все эти черты могут быть в равной степени принадлежать и главному герою, и его антагонисту. В силу этого он не только «детектив поневоле», но и «почти преступник». «Почти» – потому что, даже преступив закон или норму, герой сохраняет в себе какой-то элемент незапятнанности или готовности окончательно заплатить по счетам. А начиная с нео-нуара 70х (после контркультуры 60-х и отмены кодекса Хейса) усложняется и образ преступника. Поиски злодея, нередко приводят к пониманию себя как части механизма зла, а сами основания, отличающие закон от преступления (или их представителей) все чаще воспринимаются как одно из препятствий на пути к раскрытию правды.

Естественно, что такой герой – одиночка, он маргинал и в отношении «белого мира» официальных институтов и норм (например, сыщик, находящийся в конфликте с полицией и прокуратурой), и в отношении «серого мира» криминальных структур и заговоров. Одним из ярких предтеч такой позиции несомненно является герой из фильма «M» Фрица Ланга, за которым гоняется весь город. Одиночке-герою, с трудом отыскивающему место в мире, на уровне повествования соответствуют сбивчивый (по хронологии или логике событий) рассказ от первого лица и закадровый внутренний монолог. Ограниченнность точки зрения рассказчика, а также сопутствующие ей субъективная логика и ошибки, желания и страхи усиливают вживление в шкуру главного героя. При этом особое ощущение нуара связано с зыбкостью всякой определенности по поводу героя и его связи с другими персонажами. Окончательно запутанными становятся даже базовые роли убийцы, жертвы и следователя. Более-менее определенным, и часто общим для всех героев остается только своего рода заброшенность в духе экзистенциализма: одиночество, чувство вины, неизживаемый страх, ранимость.

Поэтому самая главная особенность в том, что герой в нуаре никогда не самодостаточен, он расколот, находится в поиске себя. И именно этот мотив всегда на первом месте, а затем уже поиск истины, справедливости, выгоды. То есть поиск не только всегда субъективно окрашенный, крайне предвзятый, но и сама субъективность с некоторым дефектом. Это герой с прошлым, в котором тайна, лакуна, провал в памяти или последствия трудного выбора, реже – травма или потеря, а часто все вместе. С этим прошлым тесно связан и облик героя: он всегда не просто старомоден, а ревностно или непринужденно выдерживает стиль. Мне лично очень нравится такая часть этого стиля как хемингуэевские сильные фразы, которые отливают герой. Само собой, этот стиль несет в себе элемент компенсации и защиты от бессмыслиц внешнего мира.

Для такого героя ситуация – это то, чем он схвачен, то, что пытает и принуждает его к истине/свободе. Однако цель и результат пути редко совпадают. Как пишет критик Пензлер: «... нуар – повествование о

проигравших. Герои в этих экзистенциальных, нигилистических сказках обречены. Может быть, некоторые из них не умрут, но они, вероятно, сами возжелали бы себе могилу, ибо жизнь, которая их ждет в дальнейшем, несомненно, будет столь уродливой, столь потерянной и одинокой, что им будет проще, свернувшись калачиком, покончить с ней. И, будем откровенны, они этого заслуживают». Такой герой не аутсайдер, причина его бесконечных неудач в упорстве, с которым он привержен своему поиску, порождающему субъективизм и непостоянство. Внимание к не сложившимся или нарушенным отношениям героя с обществом также прочитываются как критика устройства общества.

И хотя поиск или восстановление своей идентичности – это порой трудно, больно и страшно, особое очарование можно найти в героях нуара, которые, несмотря на хрупкость их мира, упорствуют в своем выборе. Как, например, герой «Огней городских окраин» Каурисимяки, который настойчиво игнорирует предательство, или Тэдди Дэниэлс из «Острова проклятых», выбирающий новый виток сумасшествия, ради защиты своих фундаментальных иллюзий.

Такой герой идет не против мира или общества, он против части себя, в которой отражается какая-то тень Зла (способная неуловимо присутствовать в мире). Отсюда частый конфликт: интуиция против фактов, вина против недостатка улик. Борьба же его похожа на борьбу с туманом и тенью, ведь зло столь вездесуще, что некоторые нуары буквально заставляют вспомнить сюжеты о борцах с чумой. Неуловимость и действенность зла, своей тенью покрывающего город или общество, как будто бы инспирирована теорией миазмов. Хотя по большому счету в завязке конфликта мы видим старую добрую идею неотвратимого и безразличного фатума. Поэтому главный выбор героя – это либо следовать

внутреннему побуждению (будь то верность желанию, совести или даже своей паранойе), либо принять свою судьбу. «Черный мир» дает нам шанс лишь на временную передышку: добро, любовь и доверие – непомерно ценная роскошь там, где среда постепенно разъедает любые отношения.

В силу этого нуар пропитан ощущением этической стороны жизни, т.е. каких-то границ и правил в отношении к себе и другим, стоящих по ту сторону моральных конвенций социума и циничной прагматики индивидов, преследующих свою выгоду. Это обстоятельство делает едва ли не всякий подлинный выбор одновременно и невозможным, и фатальным. Сами же последствия выбора всегда радикальны, и не терпят никаких отговорок или нейтралитета. Как очень верно сказано в «Убийцах на замену»: «Стоять в стороне – это то же, что нажимать на курок». В конечном счете, даже верное решение или правильный поступок не освобождает от памяти прежних ошибок и осознания своего бессилия. Герой нуара навсегда остается один на один со своим прошлым, даже выиграв очередную схватку. И это, пожалуй, тоже по-своему подкупает в нуаре, ведь в конечном счете, каждый из нас – герой с прошлым.

И именно про этого героя уместно вспомнить шекспировскую фразу: «От исчезновения одной-единственной женщины в мире не остановится ничего, кроме сердца одного-единственного мужчины...», ведь нуар немыслим без женщины. А если быть предельно точным, то нуар – это история о треугольнике взаимоотношений, где связи совершенно неочевидны и стремятся к усложнению.

Любопытно, что, несмотря на все имеющиеся социальные и культурологические объяснения причин возникновения образа *femme fatale*, в том, почему этот образ стал структурообразующим для целого жанра или даже стилистики, остается какая-то загадка. Ни послевоенная эмансипация, ни эксперименты немецкого экспрессионизма (например, фильм Георга Пабста «Ящик Пандоры») не дают окончательного ответа на вопрос: почему именно в 40-50е гг. воля и сексуальность женщины становятся некой материализованной угрозой и ловушкой для мужской идентичности?

Если взглянуться в саму суть отношений героя с роковой женщиной, то можно увидеть, что это прежде всего вопрос этики. Персонажи треугольника разрываются между зачарованностью другим и использованием его как средства для достижения своих целей. И если в первом случае есть что-то явно от кантианского долга (женщина, что подобна наваждению, управляет нашим внутренним миром как кантовский моральный закон внутри нас), то во втором – строго противоположный подход, исчисляющий полученные или ожидаемые блага. В этом смысле роковая женщина символизирует своего рода тупик, с которым мы сталкиваемся в желании или в поиске себя. Герой должен выбрать, следует ли ему идти до предела, зная, что на этом пути придется теми самыми благами (вплоть до собственной жизни).

Стоит заметить также, что в отношении образа роковой женщины нео-нуар последовательно расширял конвенции классики. Первоначально режиссеры даже не могли себе позволить показать откровенно циничную и наслаждающуюся собой женщину, поэтому это женщины, скрывающие и боящиеся своего преступного прошлого или своих подлинных мотивов (точнее: они боятся расплаты). Героини Риты Хейворт, Ким Новак, Авы Гарднер, Вероники Лэйк и других – всего лишь рациональные субъекты, волей обстоятельств принужденные добиваться своего всеми средствами. В нео-нуаре и позже мы уже видим роковых женщин, отдающих себе отчет и принимающих себя целиком (например, героиня Ребекки Ромейн из «Роковой женщины»), или даже уверенных в правильности своего выбора (Элизабет Лам из «Транса»). И это еще одно свидетельство того, что нуар способен и сохранять верность себе, и в то же время меняться.

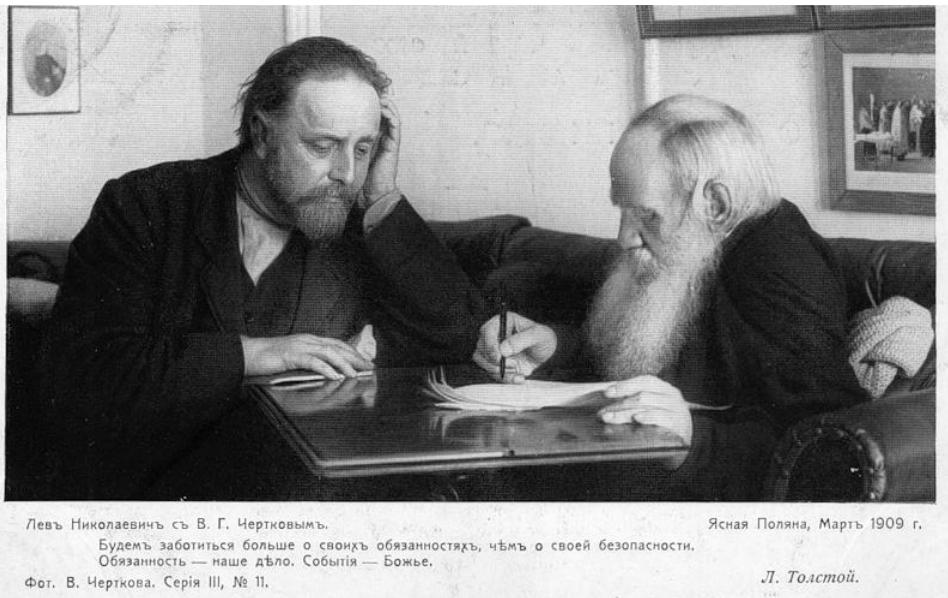
В целом же можно сделать следующий вывод. Нуар стал проводником барочно-романтико-экспрессионистской эстетики, позволив перенести европейское наследие в рамки американского кинематографа. Оттуда все необычные для американской культуры темы: двойники, черные вдовы, гонимые странники, щательные и терпеливые мстители. При этом интерес к героям, включенным в ситуацию, позволил больший акцент сделать на драме активного (и в силу своей неотстраненности частично слепого) субъекта. Более того, на мой вкус, нуар как раз пошел по пути углубления в свои истоки, а не выхолащивания: если ранний film noir сильно смахивает на вульгарный перенос декадентской символики в еще незамысловатые рамки кинематографа, то в позднем и нео-нуаре отказ от сюжетных трафаретов и развитие техники съемки создают сложный и причудливый мир, с самыми неожиданными ходами и отсылками.

Нео-нуар и пост-нуар подтверждают, что эстетика нуара смогла найти свое место во все усложняющемся мире. Он легко нашел себе место в комиксе (например, серия Noir от Marvel), аниме, модной фотографии, компьютерных играх (BladeRunner, LA Noire, MaxPayne, AlanWake, Bioshock и др.). Страсть к ностальгии не закрыла собой изменчивость и непредсказуемость жизни. Ведь именно эту парадоксальную и тревожащую жизнь хочет показать нуар. Так же как иногда, чтобы почувствовать себя красивым, нужно побывать очень жестоким и злым, или чтобы ощутить счастье, необходимо погрузиться в горечь и тоску по утерянному, точно так же и нуар позволяет увидеть мир тем чересчур живым и до рези в глазах отчеливым взглядом, в котором соседствуют зачарованность и отчаяние. В этом и заключается философия нуара. И признаться в своей любви к нуару со всеми его условностями и эстетством, для меня значит хоть чуть-чуть приблизиться к пониманию чужака, живущего в каждом из нас.

Александр РЫЖОВ ►

▼ ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК АКТУАЛЬНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ (статья)

Великий русский писатель Л.Н. Толстой был известен своей широчайшей философской образованностью, однако к научной философии отношение писателя было специфически субъективным. Мышление Толстого было самостоятельным, он никогда не исходил из чужой философии как целостной, логически последовательной системы: Толстой был согласен с тем или иным философом в той мере, в какой философ подкреплял то, что думал сам Лев Николаевич, оставляя без внимания ненужное ему.

С этой позиции Толстой делил философов на сильных и слабых. К сильным и нужным он относил Спинозу, Канта, Шопенгауэра, Руссо. К слабым – Кузена и Гегеля.

Показательно, например, как обращался Толстой с философскими построениями Канта. Он соглашался с некоторыми фундаментальными идеями Канта, но при этом по-своему использовал кантовское определение отношения между знанием и религией. Толстому нравилось, что Кант сделал религию недоступной для доводов рассудка, для аргументов науки, но при этом Толстой ставил «знание веры» выше разума, что привело в итоге мыслителя к торжеству над «гордыней и глупостью ума». Кант же четко разграничивал области веры и разума для того, чтобы они обрели автономность и нейтральное положение друг к другу.

В своей «Исповеди» Толстой дает отповедь и «сильным» философам. Шопенгауэр достается больше всего. Жизненная позиция немецкого философа, в целом пессимистичная, была для Толстого, «обновленного» после кризиса, уже неприемлема. Толстой выводит из философии Шопенгауэра тождество $0 = 0$, то есть «жизнь, представляющаяся ничем (ошибкой, злом), есть ничто». [1, с. 345] По Толстому, философы (тот же Шопенгауэр), не дают главного ответа на вопрос, зачем жить, – а сами только и делают, что вопрошают, постоянно приходя к мысли, что жизнь есть ошибка.

К отдельным достижениям философской мысли Лев Николаевич относился скептически, не считая их чем-то уникальным: «Ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивается и в целых поколениях, и мысли, служившие основанием различных философских теорий, составляют нераздельные части ума, которые каждый человек более или менее ясно сознавал еще прежде, чем узнал о существовании философских теорий». [1, с. 200–201]

В целом, Толстой относился к научной (профессорской) философии как к «праздному умствованию», которая ничем не может помочь человеку. Он никогда не упускал случая поиронизировать над «ловушкой слов» в философии или эстетике. Однако, как бы не «открешивался» сам Толстой от своих симпатий к Шопенгауэру, как бы ни критиковал Канта или Гегеля, нельзя недооценивать роль философов (особенно Ж.-Ж. Руссо) в формировании Толстого как мыслителя.

В XX веке философские идеи уже самого Толстого стали объектом изучения, исследования – сначала общественными деятелями (М. Ганди, Д. Неру), затем и историками философии.

В учебных пособиях по истории философии (например, в книге Г.В. Гриненко), имя Л.Н. Толстого связывается с понятием «философии истории», выражаящейся в том, что движущей и решающей силой являются народные массы, а не выдающиеся личности (направленность исторических событий есть вектор силы, возникший в результате сложения множества векторов – воль и желаний всех людей, участвующих в этом событии) [2, с. 622].

Более широко раскрывается значение и своеобразие Толстого-философа в книге В.А. Кувакина «Мыслители России»: «Хотя философия истории Толстого не носит систематически выраженного характера, в ней имеется много глубоких и интересных соображений о диалектике свободы и необходимости, о власти, о закономерностях исторической ретроспективы, об историческом времени...» [3, с. 106] В число понятий, которые осмысливал Л.Н. Толстой, автор книги включает понятия разума, веры, жизни, сознания, блага (добра), человечества, свободы, причинности.

Свой первый труд, касающийся осмыслиения философии как таковой, Толстой написал в 1847 году, в 19 лет. Это были дневниковые заметки под общим названием «О цели философии».

После духовных метаморфоз Толстого выходит в свет произведение «О жизни» – трактат из 35 глав, который написан «нефилософским», доступным для всех языком. Исходя из содержания трактата «О жизни», представление Толстого о бытии как бесконечном потоке жизни могут быть определены как виталистические. Однако у Толстого преобладал не натуралистический витализм, а этический, точнее этико-теистический.

Ориентируясь на позднее творчество, исследователи характеризуют Толстого как религиозного мыслителя. Однако философские взгляды Льва Николаевича интересны на разных этапах эволюции писателя. Не стоит их бросать в одну бочку и ставить на ней штемпель (как мог бы выразиться сам Лев Николаевич). «В традиционных академических терминах трудно определить сущность взглядов Толстого-философа, его «методологию», гносеологию, онтологию, философию истории, учение о человеке и т.д. Сделать это нелегко не только потому, что Толстой одновременно целостная и противоречивая личность. Толстой как личность, как мыслитель, целен. Вместе с тем, он и электик, и дуалист, и диалектик, и рационалист, и иррационалист, и моральный анархист, и фаталист». [3, с. 113-114]

Художественная мысль Льва Толстого

Лев Николаевич мыслитель преимущественно художественного склада. Философские идеи Толстого, его размышления о традиционных мироискусственных и жизнесмысовых проблемах вплетены в ткань художественных произведений, в качестве авторского комментария, или же через речь персонажа произведения.

Сентенции Толстого афористичны, но не всегда лаконичны по форме. Он часто прибегает к яркому образному сравнению, используя поэтический язык метафор. Метафоры и сравнения Толстого, как правило, визуально насыщены, «кинематографичны». В них Лев Николаевич проявляет себя настоящим художником слова, умеющим точно и емко компоновать слова в единый образ, и это по-настоящему выделяет его среди остальных мыслителей его эпохи.

Также характерна для Толстого точка зрения с высоты «птичьего полета», абстрагированный взгляд на вещи. В том числе и взгляд не человеческими глазами, а глазами лошади («Холстомер») или черта («Разрушение ада и восстановление его») – чтобы дистанцироваться от человеческой обусловленности и показать абсурд обычных, на первый взгляд, поступков.

Часто мысль, которую Толстой хочет передать читателю, может заключаться уже в самом вопросе. Как правило, ответ на такой вопрос, – нечто само собой разумеющееся в плане морали. Таким образом, писатель провоцирует на ответ не разум, а совесть читателя. Сам же Толстой отвечает на свои (и чужие) вопросы всегда прямо и твердо, не сомневаясь в своем праве решать, что добро, а что зло.

Еще одна примечательная черта Толстого как мыслителя – это увлеченность и философией Запада и мудростью Востока. Конфуций, Будда, Лао Цзы – всегда были в почете у писателя. В своем творчестве он много раз обращался к жанру притчи.

Борьба Толстого с «духовным вакуумом» своей эпохи

Проницательность Толстого не только как писателя-мыслителя, но и как писателя-психолога, позволила ему в конце 19 века увидеть ситуацию «духовного вакуума» в человеке. Толстой увидел, как духовному кризису подвержен, прежде всего, высший слой общества (читаем романы «Анна Каренина» и «Воскресенье»). Заметим, что Толстой был очень чуток к разному роду человеческих кризисов от внешних (социальных проблем, краху брачного института), до внутренних (духовных, экзистенциальных).

Но самым тяжелым для писателя было видеть, как люди стараются не замечать окружающих проблем и внутренних сомнений: «Солдаты, находясь под выстрелами в прикрытии, когда им делать нечего, старательно изыскивают себе занятие для того, чтобы легче переносить опасность. И все люди порой представляются такими солдатами, спасающимися от жизни: кто честолюбием, кто картами, кто писанием законов, кто женщинами, кто игрушками, кто лошадьми, кто политикой, кто охотой, кто вином, кто государственными делами». [1, с. 214-215]

Толстой и сам пережил кризис этических иллюзий в стихийном безрелигиозном гуманизме. Великий писатель, почувствовав духовный кризис своей эпохи, как человек деятельный, занялся публицистической деятельностью, которая позднее «отозвалась» в народе толстовством – особым этико-религиозным учением, которое на время помогло многим людям заполнить образовавшуюся пустоту в их существовании. Однако учение Толстого вызывало горячие споры в общественности и той эпохи, и последующих Но, как верно замечает И. Виноградов: «Как бы ни спорили мы с ним, как бы резко не отвергали его «ответы» на поставленные им «вопросы», само отношение Толстого к этим вопросам и поискам ответов на них не может не отозваться в нашей душе животворным катарсисом нравственного обновления». [4, с. 153]

Слова Толстого по-прежнему отзываются в нас еще и потому, что в наше время духовный вакуум не только не исчез, но стал «выпирать» из человека, стал выпуклой бездуховностью.

Мудрость Толстого в наши дни

Очевидно, что сегодня наследие философской мысли Толстого до сих пор имеет значимость для последователей теистического витализма, экзистенциалистов, гуманистов, и просто тех людей, которые живут по законам морали.

Экзистенциалисты, к примеру, могут медитировать, повторяя, похожее на мантру Толстовское: «От пятилетнего ребенка до меня только шаг. От новорожденного до пятилетнего страшное расстояние. От зародыша до новорожденного – пучина. А от несуществования до зародыша отделяет уже не пучина, а непостижимость». [1, с. 276-277]

Гуманистам в наше время как никогда нужна поддержка – гуманистическую этику все больше теперь заменяет этика деловых отношений, которые, по сути, являются собой отношения рыночные. Послужить бальзамом на раны гуманистам могут слова Льва Николаевича: «Понимание страданий личности и причин заблуждений людских и деятельность для уменьшения их есть все дело жизни человеческой». [1, с. 250]

А вообще, Толстой словно знал, чем мы тут будем заниматься в 21 веке: «Все настроения мысли человеческой и все усилия человеческого ума направляются не на то, чтобы облегчить труд трудящихся, а облегчить и украсить праздность празднующих». [1, с. 272-273] Поэтому труды Толстого, спустя целый век, по-прежнему актуальны. Большинству наших современников до сих пор нечем заполнить духовный вакуум.

Шоппинг, телевизор, спорт – чем бы не тешился современный мещанин, что бы не изобретал для себя любимого, как бы не распалял свою жажду обладания – Толстой уже сказал когда-то: «Тоска есть желание желаний» и был прав, желание желаний – вирус, который прочно сидит в обществе потребления.

Изречения Толстого также позволяют развеять некоторые иллюзии, которые кочуют их века в век. Надежда на всеобщее просвещение образованием скептически осмысливалась Толстым в свое время: «В действительности изучается не все и далеко не равномерно, а только то, что с одной стороны, нужнее, а с другой – приятнее тем людям, которые занимаются наукой. Нужнее же всего людям науки, принадлежащим к высшим классам, удержать тот порядок, при котором эти классы пользуются своими преимуществами; приятнее же то, что удовлетворяет праздной любознательности, не требует больших умственных усилий и может быть практически применимо». [1, с. 293]

Валерий Кувакин отмечает важную причину того, почему Толстой не «надеялся» и на философию, как на способ решения человеческих проблем: «В Толстом одинаково ярко и оригинально воплотилась сила незатемненного философскими предрассудками здравого смысла и понимания реальной власти подсознательного, неосознаваемого и эмоционального в человеке». [3, с. 114]

Значение фигуры Льва Николаевича Толстого переоценить сложно, особенно теперь, в век дегуманизации культуры. Все его измышления были так или иначе связаны с особенностями именно человеческого бытия. Сохранить человеческое в человеке – главное условие для выживания человечества, не столько как вида, но как космического феномена, и творчество Толстого способствует этой задаче.

р.с. Имя Льва Толстого часто можно увидеть на баннерах города Б. Вот только публикуют на них не вызывающие к морали вопросы, и не афоризмы... А простые, лаконичные, не режущие глаз и не тревожащие сердце объявления «Линолеум на ул. Л. Толстого» или «Обои на ул. Л. Толстого»... Горько видеть, что имя великого писателя мыслителя, всегда возвышавшегося над суэтным, сиюминутным и скоропреходящим, служит в нашем городе ориентиром лишь для бытовых целей.

Литература:

1. Л.Н. Толстой «О жизни. Афоризмы и избранные мысли Л.Н. Толстого, собранные Л.П. Никифоровым. Исповедь». – М: АСТ: Астрель, 2011.
2. Г.В. Гриненко «История философии» : учебник. – М.: Высшее образование, 2009.
3. В.А. Кувакин «Мыслители России: Избранные лекции по истории русской философии». – М.: Российское гуманистическое общество, 2004.
4. И. Виноградов «По живому следу. Духовные искания русской классики». – М.: Советский писатель, 1987.

Товарищ У ►

▼ ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ МАНЬЯКОВЕДЕНИЕ (заметка)

Как известно, Соединенные Штаты Америки являются мировым лидером по производству и прокату маньяков. Если верить журналу «Огонек» (остерегайся, впрочем, читатель, бездумно верить журналу «Огонек»), «семьдесят четыре процента всех известных серийных убийц – жители Соединенных Штатов». Нет поэтому ничего удивительного, что по производству и прокату фильмов о маньяках американцы также уверенно лидируют.

Маньяк как таковой вообще идеально подходит для массовой культуры. Он отвратителен, таинственен, страшен и нездороно завязан на сексе – а значит, вызывает повышенный интерес у обывателя. Более чем столетний пиар Джека Потрошителя, вошедшего в анналы масскультта вместе с графом Дракулой, Франкенштейном и Шерлоком Холмсом, свидетельствует об этом достаточно красноречиво. В то же время маньяк однозначен; деструкция, которую он несет, есть только деструкция и не более того, легко классифицируемая аномалия, опасный сдвиг по фазе. В сущности, сам обыватель тоже отвратителен, таинственен, страшен и сексуально извращен. Но у маньяка все это проявляется куда более жгуче, из него наружу так и лезет свирепое животное, порвавшее все цепи обывательской умеренности.

В формировании маньяк-образа огромную роль сыграл страшно популярный в Америке фрейдизм. Навязчивая идея фрейдизма замечательно подходит для исследования разного рода извращений, сама являясь в какой-то степени извращением, гениальным, конечно. Мания манией поверяется; и произведения искусства, посвященные маньякам, почти всегда несут в себе нечто фрейдоподобное. Взять хотя бы героя хичкоковского «Психоза», приурковатого детину с ножом, лелеющего в кресле труп некогда грозной мамочки.

Нездоровые отношения в семье, кстати сказать, действительно в изобилии порождают маньяков и в повседневной жизни, о чем свидетельствует практика. Вспоминаю, что и среди моих знакомых было двое тихонь, терроризируемых своими полными энергии мамочками не на шутку, но как-то с трудом представляется кто-нибудь из этих спокойных ребят с окровавленным кухонным ножом в руках.

Впрочем, маньяк и должен быть непредсказуем, в нем ничего не должно указывать на маньяка; так, знаменитый Чикатило выглядел таким себе обычным провинциальным лохом, застенчивым и даже симпатичным в своей застенчивости мужичком, и лишь в клетке стал отвратителен и страшен в своем безумии.

Классический кино-маньяк, однако, редко походит на всамделишных серых посредственостей. Из невзрачного хичкоковского Норманна Бейтса через многочисленных патологических работников ножа и топора он эволюционировал в блистательного доктора-людоеда Ганнибала Лектера.

Образ Ганнибала заслуживает того, чтобы остановиться на нем особо. Это, собственно, не маньяк в популярном смысле этого понятия – это аристократ от маньячества, а не занюханный Чикатило с мутной пивной банкой. Людоедство, как утонченный порок доктора Ганнибала, выбрано весьма удачно, выгодно оттеняя его эстетскую мизантропию. Иного человечка и скушать противно; разве что хорошо прожаренного и под приправами. Доктор Лектер так и делает.

Смысл фильма «Молчание ягнят», основной его, как модно сегодня говорить, мэссидж, состоит в том, что единственным по-настоящему интересным и притягательным героем фильма оказывается особо опасный маньяк. Все остальные – абсолютно картонные, как из инкубатора одинаковые, стандартные до боли американские киноперсонажи: вдумчивые, но грубые и недалекие полицейские, толстый негр-санитар, глуповатый и самодовольный врач-тиремщик, пиджачная тетка-сенатор, символ раскрепощения угнетенной женщины Америки, и толстая девушка, ее дочь. Вот разве что агент Старлинг, Кларисса, не совсем обычная в этой веренице. Провинциальная (что сразу отмечает проницательный взгляд доктора), некрасивая, малорослая девочка-отличник, с трудом скрывающая свой испуг и вся как бы сжавшаяся в единый ёршистый клубок, замешавшая свою целеустремленность на детских еще комплексах, она неожиданно привлекает к себе внимание Лектера. Скучающий эстет-доктор выделяет ее из картонной вереницы, и часами ведет с ней душепитательные беседы на тему, под каким соусом лучше всего готовить человечину. Ну разумеется, она не разделяет его вкусов, он не может этого не понимать, но ему нравится по-доброму эпатировать угловатую вчерашнюю школьницу, которая тоже почему-то смотрится чужой на всеобщем празднике жизни. И она, агент ФБР, в глубине души как бы заворожена даже этим маленьkim, изысканно ехидным человечком с круглой головой и жутко умильными глазками, ничего похожего в своей жизни она не видела и не увидит, он навсегда останется одним из самых, если не самым сильным впечатлением этой жизни, – первый маньяк сродни первому мужчине... Получается совершенно завораживающая история, тем более что актеры подобраны прекрасно.

Так вот, маньяк является единственным достойным героем фильма, и зритель волей-неволей начинает испытывать к нему не только уважение и почтение, но и самую настоящую симпатию. Милый сердцу

интелигента человек со вкусом, жестоко воспитывающий грубый мир... Когда я вижу его, в стеклянной клетке, в окружении приурков и тупых одноклеточных ментов, я думаю иногда умиленно: «вот и я так живу, а гляди-ка, никого еще не съел». И как-то невольно прощаешь доктору, когда он сдирает лицо с убитого полицейского...

предубеждение» от каннибализма. А в 2007 в кинотеатрах прошла «Предыстория Ганнибала» о трудном детстве доктора-маньяка. Людоеда сожрали с потрохами: его сделали таким, как все. Все, легенда была разрушена окончательно.

Так или иначе, путь был открыт. «Молчание ягнят» проложило дорогу к героизации или даже идеализации образа маньяка.

Через два года после «Молчания», в 1992 году на экраны выходит «Основной инстинкт», воспевающий подвиги уже не маньяка, а манячки. В качестве основного преподносится не только инстинкт продолжения рода, но инстинкт смерти. Странная белокурая писательница, инженерша человеческих душ, в момент оргазма долбящая своих сексуальных партнеров ножом для колки льда, умело балансирует между Эросом и Танатосом, получая от этого большое и искреннее удовольствие. Неудачливый истеричный полицейский (как же в американском фильме без полицейского) попадается в ее развесистые сети, вернее сказать, летит на нее, загадочную, как мотылек на свечку. Обыденность снова посрамлена! В финальной сцене они активно готовятся сотрясать кровать, под которой лежит пресловутый нож для колки.

«Основной инстинкт» был событием для своего времени. Гремучая смесь Эроса и Танатоса, а также их непристойное по тем годам изобилие, делали его революционным. Сегодня, когда это дело в искусстве стало почти, да что там почти, безо всяких почти, стало совершенно обыденным, фильм попросту не заметили бы – для того, чтобы шокировать зрителя, нужны уже куда более изощренные ходы. В отличие от «Молчания ягнят», «Основной инстинкт» не пережил свое время, превратившись в знаменательный музейный экспонат. Хотя, конечно, эпизод, в котором Шарон Стоун закидывает ногу на ногу, демонстрируя окружившим ее полицейским

Вдохновившись успехом, вскоре сняли и продолжение, и предысторию «Молчания ягнят». Не выдержали: коммерция берет свое, и приходится возвращаться спустя более чем десять лет к доходному источнику. Предыстория «Молчания», фильм «Красный дракон», получился откровенно слаб, а вот продолжение, названное по имени доктора «Ганнибал», сделано очень красиво. Ридли Скотт, не хухры-мухры. Уже по названию ясно, что доктор Лектер находится в центре нового повествования. Авторы поддались искушению показать доброго доктора, сделав его чуть ли не Робином Гудом. Он, оказывается, кушал только злых, плохих парней, а в общем и целом такая душка!.. Лишенный ореола абсолютного зла, Лектер стал более обычным и понятным. Кроме того, неповторимость его роли в «Молчании ягнят» заключалась, как это ни парадоксально, именно в том, что это была роль второго плана. Доктор все время как бы оставался в стороне, или, лучше – над схваткой, и каждое его появление в фильме было событием. Но вот в «Ганнибale» он примелькался, и стало понятно, что тонкий маньяк – просто добродушный пожилой джентльмен, пусть со странными причудами, но и с хорошими манерами. Фильм смотрелся все так же захватывающе, но легенда была разрушена.

Кларисса Старлинг, его вечная спутница, или, лучше сказать, попутчица, тоже изменилась не к лучшему. Игравшая ее в первом фильме актриса наотрез отказалась сниматься в продолжении, и новая Кларисса оказалась вовсе не неуклюжей девочкой-медвежонком, а боевой, весьма широкоплечей рыжей тетенькой из тех, которые коня на скаку остановят и в горящую избу войдут. Соответственно, отношение к ней доктора Лектера сменилось на вполне конкретное, однозначное, не удивительно, если бы в конце фильма они поженились на радость зрительницам из числа домохозяек! Сага о маньяках эволюционировала в «Гордость и

отсутствие нижнего белья, – через несколько минут отсюда вылетит птичка – навсегда войдет в золотой фонд мирового кинематографа.

Разумеется, и в этом случае не обошлось без продолжения. Стоун доказала, что и четырнадцать лет спустя она по-прежнему ого-го-го, материам семейства на зависть. Это, впрочем, фильм совершенно не спасает, и только этим, пожалуй, он и поучителен.

Итак, «Основной инстинкт» был снят через два года после «Молчания ягнят», а еще через три года вышла отличная картина «Семь», в которой триумф маньяка был доведен до своей высшей точки. Очередной маньяк задумал наказать человечество за семь смертных грехов, а для назидательности ограничился конкретными его представителями. В порыве отмщения он построил на этих семи грехах, все равно как бог на трех китах, целый большой мир, втянувший в себя, помимо прочих – кого бы вы думали? – правильно, полицейского, одного из двух полицейских, ведущих следствие по его делу, слашавого, но истеричного (снова-таки) и недалекого красавчика, впрочем, добряка в душе. Створив руками полицейского самоубийство, омерзительнейший маньяк виртуозно завершает задуманную им картину. Чудовищная, извращенная вселенная, зародившаяся в большой голове и поглотившая окружающую действительность – абсолютная победа маньяка, бледного завсегдатая библиотек, – не только в данном конкретном фильме, но и в маньяк-поп-культуре вообще. Добро вылетает брызгами вместе с мозгами самопровозглашенного мстителя, который, сознавая свое самозванство, успел позаботиться и о собственном наказании. В финале, возможно, снимут фильм, в котором гражданин терроризирует ночами добродорядочных маньяков… И это вполне оправдано – в мире, сошедшим с ума, не сойти с ума значит оставаться опасной аномалией.

Ну и конечно, говоря о киноманьяках, нельзя не вспомнить – отдельно, непременно отдельно! – Попутчика, самого леденящего, глумливого и таинственного злодея мирового кино, недооцененного, конечно, истэблишментом, но народом очень почитаемого, явившегося на экраны задолго до дедушки Ганнибала и белокурой писательницы. Этот маньяк круче всех прочих именно потому, что он больше, чем маньяк, да фактически и не маньяк вовсе. Улыбка Джиконды, локоны Аполлона, взгляд Рутгера Хауэра. Он абсолютно мистичен, но мистичен ненавязчиво, так, что это заметно только посвященным. Ходят слухи, что в фильме должен был быть отчетливо мистический финал, чтобы все все поняли, что к чему, но сценаристу был дан знак свыше о том, что этого делать не стоит. Именно тонкость магии Попутчика возносит образ на небывалую высоту. Сумрачный голландский гений Хауэра сотворил невозможное. Дыхание потусторонности в этом фильме едва уловимо и именно поэтому особенно ужасающее: мы ощущаем его за кадром, конкретнее – где-то за левым плечом…

Попутчик – существо нездешнее, настолько, что не может смириться с собственным материальным существованием. «Останови меня», – наигравшись в кошки-мышки, просит Попутчик запуганную до смерти жертву, и на протяжении всего безысходного, ветреного и пыльного фильма учит ее, как это сделать. Сократ-Платон, дон Хуан-Кастанеда, Карлсон-Малыш, Попутчик и Тот, Кого Он Избрал. Уроки возмужания с той стороны. Избави нас господь от таких уроков.

Незадолго до того, как я дописал первую редакцию этого текста, по электронной почте пришло письмо следующего содержания:

«Hello comrade,

не ссыте нас до х*я доктор ганибал всех пере*бал сами станете драконом

Best regards,

elenा».

Вячеслав КОРНЕВ ►

▼ СВОБОДНО МЫСЛЯЩИЕ ЛИБЕРАЛЫ (заметка)

Шизофрения – болезнь века. Известны разные формы ее проявления в повседневном сознании. Например, шизофрения футбольного болельщика, который регулярно переживает травматические поражения, но попытки критического анализа и трезвого восприятия тут же сменяются приступами иррационального «боления» за красный ромбик или синюю букву «Д». В обсессивном психозе болельщик может находиться десятилетиями, не принимая сиюминутную реальность, и конструируя на ее месте параноидальную картину «судейского заговора», мистического проклятия любимой команды и прочие фантомы.

Другой патологический случай шизофрении – политическая паранойя, которой с успехом пользуется любая идеология, создающая не только черно-белую систему повседневных координат «свое/чужое», но и попутно интеллигентские полуточновые фобии, рафинированные конспирологические теории и т.п.

Разрушительной для мозга иллюзией отечественной интеллигенции является именно «свобода от идеологического внушения». Экстатическое ощущение «свободы» сполна проявляется в социальных сетях (продолжающих традиции «кухонных разговоров»), в персональных блогах, на популярных форумах и т.п.. Очередной «освободившийся» от идеологии (в форме, например, телевизионного «зомбирования») интеллигент вооружается просвещенным пафосом и орудиями чистой рациональности: логикой, аргументацией, сравнениями. В самом начале типовой проповеди ставится актуальный вопрос, потом читатель благородно приглашается к его обсуждению, но уже через пару абзацев интеллигент съезжает в обычный шизофренический дискурс, где причину подменяет следствие, рассуждение – внушение, логику – простая нумерация фраз.

Вот для анализа один из недавних текстов на острую политическую тему, появившийся на сайте издательского дома «Алтапресс». Профессор университета Ю.Г.Чернышов, в излюбленном интеллигентском амплуа высшего и объективного судьи, подводит итоги «майданного» государственного переворота на Украине. Для затравки автор задается полемичным вопросом: «Как сами "москали" относятся к Майдану?». Это вопрос с подвохом, поскольку в его постановке уже демонстрируется некая объективная позиция профессора: сам он тоже «москаль», но принимая ругательный маркер, демонстрирует и иронию, и личную свободу от идеологического жупела. Значит, дальше ожидается снятие всяческих масок и разоблачение злободневных политических химер. Жаль, что следующие пассажи текста моментально подменяют анализ идеологическим диктантам автора:

«Есть те, кто видят в этом достойный пример гражданского патриотизма, пример мужественной борьбы народа против произвола и коррупции чиновников. Это, как правило, самостоятельно мыслящие образованные люди, которые получают более-менее объективную картину из разнообразных первоисточников.

Есть те, кто под влиянием растекшейся по российскому ТВ пропаганды считает сотни тысяч украинцев "экстремистами" и "бандитами", поскольку они осмелились выйти на митинги против коррумпированной власти (за этой пропагандой так и чувствуется страх отечественных коррупционеров – а не сделают ли с ними то же самое?).

Наконец, есть и такие, которые примитивно переводят все в национальную плоскость: дескать, курс за Януковича – это пророссийский (прорусский), а вот курс против Януковича – это антироссийский (антирусский). [<http://altapress.ru/story/127866/>]

Итак, «самостоятельно мыслящими», «достойными гражданами», «образованными людьми», получающим и «объективную картину из разнообразных первоисточников», по мнению профессора, могут быть только лица, разделяющие либеральную парадигму и одобряющие государственный переворот в Киеве. Совершенно замечательный образец подмены логики – вымысленной классификацией, а рассуждения – прямым идеологическим внушением. Неужели автор поучающей заметки искренне полагает, что находится по ту сторону идеологии – в состоянии возвышенной объективности и политической неангажированности? Если так, то мы имеем дело с формой политической шизофрении, точнее, шизофрении второго порядка. Это такой уровень идеологизированности, где любое субъективное восприятие принимает форму научного факта, а критика и самокритика уступают место иррациональной вере в могучий гений своего разума и победительную правду личной жизненной позиции.

Кстати, презираемая интеллигентом «жертва телепропаганды» («быдло», «кузьмич», «тролль» – как сразу определит его наш «самостоятельно мыслящий») имеет возможность дистанцироваться от многих политических штампов, поскольку и сам порой критикует «зомбоящиков», и вообще способен изменить позицию

в споре. Интеллигент же свято верит в свою мнимую объективность и горячо клеймит любую форму инакомыслия.

Сугубо шизофреническая установка «мыслящего» интеллигента проявляется уже в его вере в возможность некоего неидеологического офшора, деполитизированного пространства, где разум просветляется светом истины и насыщается фактами. Но где могло бы находиться это просветленное место, если со времен древнегреческих полисов «политика» – это органическая принадлежность каждого человека. Причем не абстрактная политичность, а именно точная политическая характеристика субъекта, включающая в себя его классовую, языковую, национальную, имущественную, образовательную и т.п. принадлежность. Ленинский принцип партийности, и поныне так озадачивающий деятелей культуры и эмансионированных интеллигентов, декларировал строгую зависимость художественного, например, высказывания от соображений политической пользы. Но разве вопрос «С кем вы, мастера культуры?» стоит сегодня менее остро, чем век назад? Разве в 1991 или 1993 наши либералы от культуры не занимали солидарную позицию, мало согласованную с логикой или «гуманностью» (почему, скажем, в одном случае «Защитим демократию!», а в другом «Раздавите гадину!»), но зато четко выявляющую их классовый интерес?

Вот и теперь трудно понять шизофренический раскол в сознании нашей либеральной тусовки, сначала дружно поддержавшей Майдан, но затем полностью игнорирующей Антимайдан и восстание русских в Крыму. Почему в одном случае – «мирные демонстранты» (правда, с огнестрельным оружием и «коктейлями Молотова»), в другом «бесчинствующая толпа» и «террористы». Почему в одной ситуации – законная борьба за демократию, в другой – незаконные бунты. Почему словосочетание «украинский национализм» (даже вместе с портретами Бандеры и гимном УНА-УНСО) вызывает у либерального интеллигента сочувствие, а вот «русский национализм» будет сразу выкрашен в красно-коричневый цвет, приравнен к нацизму и горячо осужден…

Примеры таких двойных стандартов многочисленны, но они искренне не рефлексируются либеральным мозгом. Диапазон истерических уловок и уходов от неудобной темы еще шире. Например, если нашего либерального трибуна спросить о судьбе русского языка после известных декретов (политически нелегитимной, кстати сказать) Рады, он ответит примерно следующее:

- Да что вы! Пол-Майдана говорит по-русски – ничего не станется с русским языком!
- Не бойтесь, это лишь официоз, а неформально всё равно Украина говорит по-русски.
- А не нужно было устраивать Голодомор! Это мы должны покаяться перед украинцами!

Словом, как в старом фрейдовском анекдоте про разбитый чайник, который возвращают другу с самыми забавными и противоречивыми оправданиями:

- Я никогда не брал твой чайник.
- Я вернул его тебе целым и невредимым
- Чайник уже был дырявым, когда я взял его у тебя

Проблема в том, что «самостоятельно мыслящий» либерал логикой и аргументацией не очень-то пользуется (или только тогда, когда это удобно). Он просто искренне полагает, что корпоративные интересы либеральной интеллигенции одновременно выражают и высшие нравственные, исторические, культурные истины.

Кстати, никто не возражает против самого права на трансляцию либеральных взглядов. В эпоху гипертолерантности цветут все цветы. Проблема – в шизофренической подмене любой другой истины или интереса этим навязчивым либеральным дискурсом, подающим себя как «научный факт», «общественное мнение» или «историческая необходимость». Конечно, русская интеллигенция дебютировала на исторической сцене с апломбом выразителя общенациональных интересов, в роли «соли земли русской», с надрывом и пафосом страдальцев за великие истины. Но за пару веков отношение народа к интеллигенции очень изменилось: восхищение сменилось презрением, а выражения «интеллигентишка» или «интеллигент паршивый» стали еще относительно ласкательными. Либеральный клан мстит народу втройне, называя его «рабом» и «быдлом», дружно обхаввая любого не в правильном направлении мыслящего. Забавно при этом, что либерал по-прежнему шизофренически общается с «темной массой», поучает, выводит ее к свету… Он психотически игнорирует огромную пропасть между евродискурсмонгерами и обычными гражданами. В традициях диссидентства 80-х он ненавидит (двадцать лет несуществующий, но работающий как фантомная боль) «совок», гадит в руку, из которой кормится, упрямо болеет против сборной своей страны.

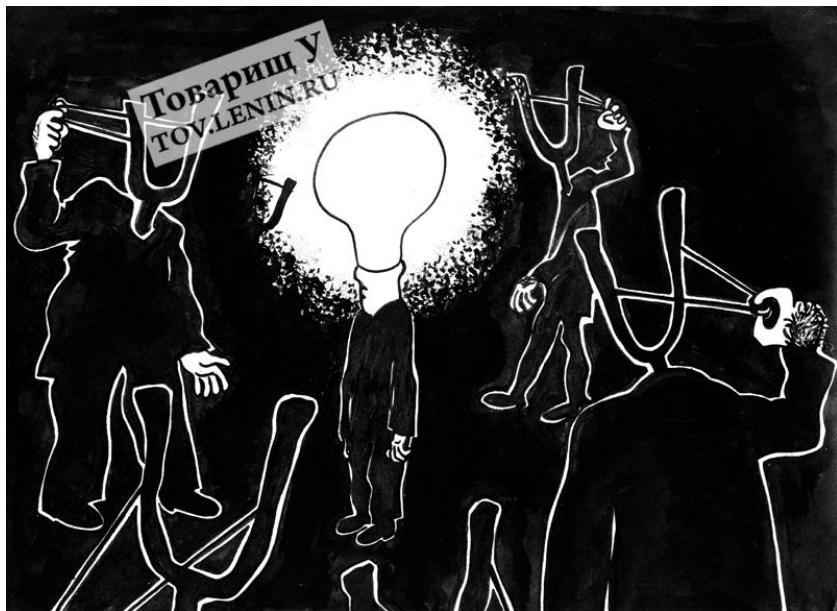
Впрочем, пускай будет и такая желчная тусовка, и вообще либеральный дискурс. Мне кажется только, что честным было бы (как в случае с публичным признанием гомосексуалиста) совершать своего рода либеральный «каминг-аут». Или делать оговорку (по аналогии с «публикуется на правах рекламы») о либеральной ангажированности для любого текста, имитирующего научную статью, критическую аналитику и т.п.

Неидеологизированных материалов на политические темы в природе не бывает. Каждый критик идеологии в действительности оппонирует наличной политической системе с каких-то иных политических взглядов. Например, моя критика либерализма основывается на платформе марксистского и вообще коммунистического мировоззрения. Абсолютно уместна критика такой концепции, но только не сопровождающаяся интеллигентскими мистификациями в духе «сама история опровергает коммунизм». Нет, «история», как и «общественное мнение» – это не субъекты в конкретном споре. Полемизировать можно лишь с конкретными людьми, выражаяющими при детальном анализе интересы своего имущественного положения, профессии, образования и т.п.

Кантовский принцип «никакой метафизики без критики» нужно распространить и на современную политическую метафизику, повсеместно и с большим удовольствием выдающую себя за строгую науку (прибегая для того к классической методике манипуляций – статистическим данным, социологическим опросам и т.п.). Например, идеология рыночной прибыли и свободного обмена товарами любит выдавать свои инструкции за законы социальной или биологической природы. Дескать, животные и люди равно конкурируют, а запретить свободу в выборе полового партнера так же невозможно, как и ограничить нас в выборе торговой марки. Принять это за объективную истину можно лишь в определенной системе координат, позволяющей нам забыть о взаимопомощи как другом социальном или биологическом законе или о механизме вирусной болезни, который, в духе философствующего биолога К.Н. Леонтьева можно сравнить с действием либеральной эманципации в условиях политического иммунодефицита.

Да, пусть цветут все цветы... кроме дурных и вредных. Сорняк либерального дискурса, мимикрирующий под главное культурное явление современности, заплелает мозги слишком плотно. Либеральная демагогия, царица электронных полей, неприятна мне еще и потому, что она очень назойлива, агрессивна. Вирусные перепости в блогосфере, шумные кампании солидарного осуждения – разве они оставляют время для самостоятельного обдумывания темы? Тут быстрее бы кнопочку нажать, поддержать «наших» против «ненавидящих»...

Так возьмем же у либералов самое главное – кантовский призыв к свободному самостоятельному мышлению, например! При самостоятельном употреблении разума догмы интеллигентского сознания треснут, критика повернется на сами условия критического суждения (и на ту же политическую ангажированность), а выходом из шизофренического круга (подмены причин следствиями или целого – частями) станет действительно последовательное мышление. На практике это означает, что анализ актуальной темы приведет к другим, неожиданным для посылок выводам. И тогда не придется глупо и мучительно оправдываться за разбитый чайник.

Вячеслав КОРНЕВ ►

▼ ПРИВАТИЗИРОВАННОЕ БУДУЩЕЕ (о современной кинофантастике)

Один из главных парадоксов кинофантастики состоит в последовательной демистификации любых технических чудес и одновременном усилении действия «коллективного фантастического» (назову так область коллективного бессознательного, производящего большую часть идей и образов фантастики). Что касается демистификации, то ситуация здесь совершенно понятна и сравнима с современным восприятием волшебной сказки: все ее наивные чудеса (скатерти-самобранки, сапоги-скороходы, тарелочка-телефизор и т.п.) нивелированы научно-техническим прогрессом, лишены всякого фантастического статуса и неспособны сегодня удивить даже маленького ребенка. Тот же самый прогресс обесценивает многие мечты литературной или кинофантастики, материализуя (или обещая воплотить в самом ближайшем будущем) некогда несбыточные и просто невероятные идеи. За последние полвека, начиная с первых полетов в космос, большинство фантастических проектов сбылись или оказались отсроченными в не столь отдаленное будущее. Если верить новостным лентам популярных интернет-сайтов, то колонизация Марса, создание искусственного интеллекта, полная расшифровка человеческого генома и т.п. – дело ближайших лет или десятилетий.

Но при всех темпах научной революции, воплощение важнейших коллективных фантазий человечества остается в целом разочаровывающим. Когда Рэй Брэдбери в своих последних интервью сетует на потерянные человеком десятилетия и объясняет журналистам, почему не сбылись его «Марсианские хроники» (время действия там 1999-2026 гг.), во всех ответах писателя сквозит глубокое разочарование в судьбе современной цивилизации. Почему строительство супермаркетов важнее строительства ракет и орбитальных станций? Почему рекорды в престижном потреблении предпочтительнее научных и образовательных достижений? Почему человек так и не улетел дальше земной орбиты, несмотря на имеющиеся уже сейчас технические возможности? Ссылки на отдельные факторы (как то: идиотизм и трусость политиков, конформизм учёных, эсказизм деятелей культуры, патологии потребительской психологии и т.п.) не объясняют все же эту удивительную остановку в интеллектуальном развитии человечества, обесценивания его планов и задач.

Чтобы понять насколько глубоко расщепление между обрисованными наукой и культурой (в том числе фантастической литературой и кинематографом) приоритетами развития человечества и нынешним положением вещей, достаточно пересмотреть «Космическую одиссею» («2001: A Space Odyssey») Кубрика. Фильм снятый в 1968 году, не просто повествует о чудесах НТР в пройденном давно 2001-м – люди осваивают окраины Солнечной системы и т.п. Но главное, что картина вписывает сам феномен человечества в космический контекст, судит его по вселенскому счету, ставит вечные вопросы о том, «кто мы, откуда и куда идем». Однако сегодня проблема такой серьезной кинофантастики состоит не в обычном расхождении прогнозов с реальностью или техническом несовершенстве изображения (кстати, здесь у Кубрика все в полном порядке), а в полной невостребованности ее послания, неуместности пафоса, избыточности философского и вообще интеллектуального содержания. Все это именно по современным меркам излишние и неуместные вещи. «Эха, куда загнул!» – скажет о «Космической одиссее» нынешний средний человек, пожурит режиссера за лишние кадры, сложные мысли, сложную музыку, отсутствие действия и т.п.

Здесь тот самый случай, когда вся ситуация нуждается в фирменном жижековском переворачивании: ведь если современность воспринимает серьезное искусство как ненужное или чересчур пафосное, то насколько уместна и необходима сама эта мелко плавающая современность? Если практически любой школьник в 70-е годы знал имена и фамилии космонавтов, находившихся в этот момент на орбите, а нынешний школьник знает лишь пустышек из мира шоу-бизнеса, то как это характеризует современность? Известно, что в древней истории человечества были тупиковые цивилизационные ветви, «потерянные» эпохи и такие парадигматические проявления современности, как каннибализм или рабство. Почему бы тогда вместе с Брэдбери, Кубриком или Иваном Ефремовым не сменить сам фокус восприятия социальной реальности, не переосмыслить вектор ее развития? Современность вполне может оказаться ложной реальностью – в духе фильма «Матрица», критического анализа Ги Дебора и Жана Бодрияра. У безальтернативной, но только в нашем кастрированном восприятии, современной действительности могут быть полностью фальшивые ценности, симулятивные цели, неразумные институции, бездарные поводыри. С дистанции в те же самые полвека – с позиций героев и ценностей советских и зарубежных писателей-фантастов – практически все сегодняшнее воплощение технического прогресса выглядит полным конфузом и даже кошмаром.

Да, литературные и кинофантазии о новых небесах и новом человеке не реализовались, но, быть может, это говорит не о заблуждениях фантастов, а о нашей слабости и трусости. При этом умалению и демистификации подверглось идейное и моральное содержание классической фантастики. Но, переворачивая вверх дном мнение о «наивности», «пафосности», «идеалистичности» героев, например, ефремовской «Туманности Андромеды»

получаем слепок наших разочарований в современности. Как изъятый из времени рыцарских романов, помещенный прямо в мещанскую современность Дон Кихот, так же точно герой фантастики 60-х становится непонятен, смешон и жалок в мире тотального шоппинга и в рациональности расчета сезонных скидок. Не случайно, что в синхронной нашему обществу фантастике потерянным оказался сам герой большинства сюжетов. Сегодня действие просто подменяется демонстрацией технологий и гаджетов (как во всех фантастических комиксах, наподобие «Трансформеров», «Людей Икс» и т.п.) или героем становится повествовательная схема, штамп, робот. Типичный для середины прошлого века картезианский герой с его парадоксально мыслящей индивидуальностью (как пилот Пиркс у Станислава Лема), уникальный герой фантастической драмы совести (ключевые персонажи «Соляриса» и «Сталкера» Тарковского), герой-мечтатель, герой-первопроходец, герой-учёный, герой открытый и поступков – все они вытеснены шаблонным персонажем, героем-трансформером. Так же точно, как киношный Джеймс Бонд – механический персонаж, клишированно исполняемый разными актерами, из серии в серию представляющий зрителю новые марки машин, алкоголя, военных гаджетов и топ-моделей, – осовремененный фантастический герой оказался лишь посредником в демонстрации и продаже торговых новинок, кинематографических и потребительских технологий.

Но, возвращаясь к сформулированному в самом начале парадоксу: почему тогда это обесценивание темы, пафоса и героя в современной фантастике не приводит к размыванию «коллективного фантастического» - то есть к меньшей востребованности в коллективном бессознательном очевидно фантазийных образов, сюжетов, даже научно-фантастических абстракций?

Важнейшей функцией фантастического образа или сюжета, как формы проявления коллективного бессознательного, является презентация тех или иных социальных желаний (в диапазоне от санкционируемых обществом правильных покупок до вытесняемой, но нуждающейся в опосредованной реализации, классовой и национальной ненависти, агрессии, алчности и т.п.). Перемещая место и время действия в план чистого воображения, фантастика обладает большей свободой маневра (по сравнению с реалистическим нарративом) и потому делает возможным наслаждение от сомнительных с моральной, например, точки зрения зрелищ насилия, смерти, катастроф. Ситуация сравнима с компьютерными играми, где виртуальный персонаж (выражающий тем не менее истину желаний самого игрока) убивает, не нарушая уголовного кодекса. Фантастика как галлюциноген коллектива бессознательного (по выражению А. Менегетти) с успехом проявляет все трансгрессивные желания человека, вплоть до пожелания скорой гибели всей уродливо сконструированной потребительской цивилизации.

Этим обстоятельством и объясняется актуальность большинства сюжетов современных фантастических ужасов и фильмов-катастроф. В них научные открытия оборачиваются кошмарами, технический прогресс – апокалипсисом, утопия мягко переходит в антиутопию... Специфическое мазохистское удовольствие от сюжетов о гибели всего человеческого – это хороший симптом того, что фантастический образ попадает точно в цель. Двойственность психического переживания мазохиста (зависимость от источника травматического удовольствия и одновременно освобождение от действияластного садиста, ведь мазохист, как объясняет Лакан, похищает удовольствие у садиста, лишает того радости насилия) проецируется на двойственность нашего отношения к современности. Кайфуя от обилия потребительских благ, которые щедро дает нам цивилизация, мы все больше ощущаем травматическую привязанность к ним и мечтаем о решительном освобождении от всей социальной гравитации в акте фантастической катастрофы или какого-либо экстраординарного события.

Итак, если темы фантастики середины прошлого века находим «наивными» и даже устаревшими, то в итоге, мы в этом чувствуем, как в модной «боязни пафоса», фиксируем лишь свою перезревшую испорченность, неготовность к настоящим переменам и самостоятельному мышлению. Если же темы современной кинофантастики кажутся нам особенно актуальными, то потому лишь, что в них улавливается эта мазохистская амбивалентность любви и ненависти в отношении к своей эпохе, ее вещам и ценностям. Лично я предпочитаю глобальную «несовременность» идей Ивана Ефремова или Рэя Брэдбери (апеллирующих к альтернативам и перспективам нашей жизни, социального устройства, человеческого мышления) этому вполне современному pragmatизму в стиле «хочешь жить – умей вертеться», «не высывайся», «не дразни гусей» и т.п. Кастирующая психология современной кинофантастики с ее двумя только предвидениями будущего (здесь либо сразу прогнозируется цивилизационный апокалипсис, либо через утопию торжествует антиутопия, через добрые намерения альтернативного социального порядка все равно надвигается катастрофа, даже гибель человечества) очень хорошо видна в обычательской реакции на некие фантастические допущения. Например, на предложение представить, что будет, если сменится власть, обычатель обязательно скажет: будет то же самое, воровали и будут воровать... А скороспелый детский ответ «Так не бывает!» – это типичная

современная формула для решения любых интеллектуальных затруднений, предлагающих переоценку самих критериев суждения или изначальной расстановки данных.

Совершенно парадоксальна эта невозможность мыслить действительно фантастическими категориями, смелыми предположениями и нетривиальными способами для человека, живущего в эпоху невероятных технических чудес, ярких фантастических киноисторий, научных прорывов. «Коллективное фантастическое» не только демистифицирует волшебный статус научно-технических произведений, но и оказывает общеотупляющее действие на сферу воображения и мышления современного человека. Жижековская «интерпассивность» (когда телевизор действительно «смотрит сам себя», реагируя на шутки в передачах закадровым смехом или аплодисментами) дополняется в этом случае клинической интерпассивностью рядового зрителя или читателя фантастики: ведь за него герои думают, действуют, открывают... Вместо него эти виртуальные персонажи осуществляют то самое будущее, которое по идеи должна лишь размечать фантастика.

Здесь и состоит главный парадокс в отношениях фантастики и современности: если в старые времена писатели и режиссеры этого жанра работали с будущим как с главной темой и основным для читателя интересом, то сегодня «коллективное фантастическое» действует как репрессивное и консервативное социальное чувство. Фантастическое теперь закрепощает мышление, вырабатывает стойкую фобию в адрес любых перемен («футурошок», в терминологии А. Тоффлера) и вообще имеет дело не с будущим, а с гипостазированным настоящим. Совершенно фантастический характер имеет эта давно произошедшая подмена будущего времени в кино и литературе настоящим или прошлым. Разумеется, герои там постоянно путешествуют в разные времена, события происходят спустя сотни лет после настоящего момента. Но действует ли там новый человек в новом мире? Узнаем ли мы что-нибудь по-настоящему новое, исключая вычурные названия новых гаджетов? Нет, сегодня фантастика – самый консервативный жанр, вернее, в нем наиболее заметно противоречие между свободой формы и реакционностью содержания.

Анализ феномена интерпассивности может здесь показать, как сама современность делегирует жанру фантастики все права на изменения и допущения, оставаясь в полной уверенности, что режиссеры при этом не заиграются, а писатели не замечаются. Будет все то же самое, но только в космическом антураже, в модных костюмах от Готье и с лучшими спецэффектами, отвлекающими и отчуждающими смысл происходящего на экране. В духе бодрийяровского тезиса об отмене истории, можно сказать, что сегодня происходит отмена будущего времени – как времени перемен, альтернатив, вариаций... В духе известной шутки Джерома можно заметить, что это и были комические куплеты – то есть, это и было будущее, оно уже незаметно наступило, оно в самой удобной форме присвоено современным обществом, приватизировано, капитализовано. Так же точно, как в XX веке монетизированы были бессознательное (сегодня любой психоаналитик получает плату за его наличие и обслуживание), сновидения, эrotические фантазии и другие тонкие материи, так же именно оказалось полностью капитализировано будущее время.

В известном фильме «Вспомнить всё» («Total Recall» 1990, 2012) фирма торгует воспоминаниями об отпуске, которого никогда не было. И действительно – зачем вообще проживать событие, если выгодно его имитировать? Такой фантастический сюжет давно уже воплощен на практике – нынче события симулируются от начала и до конца, для того и существуют профессии политтехнологов, пиарщиков и проч. Будущее всей современной цивилизации тоже эксплицировано в кинематографическую симуляцию. В картине обывательского сознания человечество давно и привычно совершает межпланетные перелеты. Все тот же сегодняшний школьник на вопрос: «На каких планетах побывал человек?» уверенно назовет и Марс, и Венеру, и всё, что он видел в кино. В старом голливудском триллере «Козерог-1» («Capricorn One», 1977) симуляция полета на Марс оказывается рентабельнее действительного события и мистифицирует население как Соединенных Штатов, так и остального мира. Этот сюжет, вместе с торговлей впечатлениями в «Total Recall» можно считать обнажением приема современной кинополитической индустрии. Фальсификация и продажа любых зрелиц – от свадеб и разводов до войн и революций – это прибыльная сфера коммерческой деятельности и вдобавок эффективный политический инструмент. Миллионы людей, воспитанных на «Звездных войнах» и усвоивших некие фантастические категории (например, концепт «гиперпространства», сходным образом обыгрывающийся во многих фильмах) теряют способность отличать факты от вымысла. В их воображении будущее космических побед человечества уже произошло. Значит, нет никакого смысла над ним работать, мечтать о профессии космонавта или хотя бы знать имена нынешних героев космоса.

Так что это и были космические куплеты. Будущего времени в наших коллективных фантазиях нет именно потому, что оно уже прошло. Идеологическая инвестиция в будущее (то есть санкционированный и оплаченный властью ракурс цивилизационной перспективы) превращает любой оригинальный фантастический сюжет в избитый скучный мотивчик о том, как вредно что-то принципиально менять. Учёных такой нарратив превращает в обезумевших франкенштейнов, космонавтов – в алчных охотников за астрономической прибылью, революционеров – в глупых террористов... Представьте себе среднестатистического

«голливудского астронавта» (обычно это многочисленные герои второго плана, образующие совокупно психологический фон для центрального персонажа), направляющегося хотя бы и спасать Землю, но при этом обязательно осведомляющийся о цене вопроса, пожевывающий, поплевывающий, перепирающийся с командиром, оживляющийся только при упоминании двойных премиальных. Такова вся космическая шайка спасателей планеты в «Армагедоне», таковы звёздные вояки в «Чужих», типовые космические дальнобойщики и авантюристы.

Приватизированное и капитализованное коллективное фантастическое обращается к самым архаическим нашим чувствам: жадности, зависти, эгоизму. Тут уж не до кубриковских рефлексий, лемовских горизонтов знания или моральных максим Тарковского. Стоит ли далеко ходить за примерами? – даже Стругацкие выглядят на современном фоне настоящими гигантами мысли. Но что противопоставить оккупировавшим нашу фантазию хищным вещам XXI века? Вспоминается, кстати, одна из серий «Южного парка», где ракетный удар планируется еще и по воображению (стране «Воображляндии») – дескать, будем и там мочить террористов. Что ж, действительно приходится вести политические действия уже в топосе мечты и фантазии, ведь самостоятельное мышление начинается именно тогда, когда мы не уступаем дискурсу власти и логике капитала хотя бы в собственном желании. Девиз Мишеля Фуко «Не влюбляйтесь во власть!» нужно сегодня дополнить советом – не мечтать вместе с властью, не пленяться ее надеждами.

КРИТИКА

Михаил ГУНДАРИН ►

▼ ПОЭТИКА БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТИ (о стихотворениях Натальи Николенковой)

Руины; предгорья – мелкие речки, крупные булыжники, редкие рощи; обломки древней породы да ржавый болт в пыльной витрине. Все это показывают как красоты и достоинства Алтая. А должны бы – Наталью Николенкову, И ее стихи, да и ее саму – образец настоящего современного стихотворца. Не знаю только, добавлять ли, что стихотворца, живущего в русской провинции? Или стихотворца вообще? Да что лукавить: знаю.

Всего четыре книги, четыре вехи. Возвращаться по которым нам, помнящим еще эйфорию 80-х и горько, и страшно. А куда деваться!

«Чтобы встретиться», 1987: таков пароль всякого любителя современных искусств, жившего ли ранее, живущего ли сейчас в Барнауле. Случайно вышедшая в маxровом Алтайском книжном издательстве, чудом прописавшаяся среди босоногих детств и рассветных полей, тонкая книжка. Многие и сейчас считают ее лучшей; сильно ошибаются. Пожалуй, юношеские стихи Николенковой примечательны только интонацией, которая «перемалывает» стандартные девичьи образцы для подражания той поры – Анну, Марину, Беллу да Юнну. В итоге вполне себе абстрактные понятия приобретают неожиданную зримость и вещественность. Ну, то есть какую такую вещественность? Не большую, чем у предутреннего сна; в некотором смысле, самую конкретную из возможных.

Чтобы встретились два человека,
Нужно, чтобы совпали сны,
И глаза совпали, как реки,
И созвездия были равны.
Нужно сомнамбулически красться
Мимо всех, кто с другим лицом,
Мимо времени, мимо пространства,
Мимо страха перед концом.
Нужно память засыпать снегом,
Тополиным прахом до плеч.
Чтобы встретились два человека,
Нужно вечностью пренебречь».

Через 25 лет услышим звук, эхо этого стиха (о чем еще скажу).

Очевидцы тех дней не дадут сорвать: юная Николенкова вела себя как герой культа, была тесно окружена поклонниками и поклонницами, а с коллегами по цеху обращалась, натурально, как Ахматова с Мандельштамом: с царственной дружественностью. Да кто из нас в то время вел себя иначе!

«Девятое марта», 1993: трагические стихи, но такие светлые, если читать их из дня сегодняшнего! Молодость продолжается; сил все больше; завтрашний день принесет нечто невообразимое. И опять же, прямое попадание в нерв поколения, которое до того живуче, что не верит в свою смерть – да и, правда, способно ли умереть всерьез? Тогда мы в этом сомневались.

Разворачивается журнал,
Иллюстрированная пурга,
Голос флейты журил, журчал,
Раздевал донага.
Кто оставлен – идёт босым,
Не отбрасывая теней,
Не дождём, так снежком косым,
Чтоб любили сильней.
Кто оставлен, ложится в ночь,
В глубину, под смертный сугроб.
Разворачивается сукно
Вьюги чёрной, как эфиоп.
Разворачивается холст.
Полнолунье, метель, зима.
Пожалей этот гулкий холм -
Сердце, брошенное с холма.

«Карманный психиатрия», 2001: космическая одиссея и впрямь. В пустом, безнадежном, черном пространстве. Это уже не трагедия, это какой-то данс макабр – потусторонние пляски. Важный пункт для карьеры Николенковой: именно тут ее поклонники бежали в ужасе, не желая узнавать себя. Оно и правда, это зеркало все время врало, ибо, как казалось, его настройки сбиты безнадежно. Поэтому можно не стараться, говорить вещи и неискренние, и необязательные. В некотором смысле, это самая грустная книга.

Ты люби меня, пожалуйста,
Потому что давит твердь -
Голубая, обожаемая
И апрельская, как смерть.
Ты люби меня, пожалуйста,
Потому что смерти нет -
Только песня окуджавская
И ведьмаческий портрет.
Ты прости меня, пожалуйста,
Потому что я курю,
И нелепые, и глупые,
Злые вещи говорю.

«Малютка жизнь», 2010: рождение нового автора, после тяжелого кризиса, серьезного перерыва. В самом деле, нового – окончательно преодолевшего помпезную ли, лирическую метафизику юности, отказавшегося видеть в вещах и явлениях «знаки». Учащегося радоваться всему просто так. И – не научающегося этому. Мы больше не верим Николенковой, мы наблюдаем и оцениваем ее усилия, ее попытки заставить нас (и весь окружающий мир) ей поверить. Эти усилия таковы же (тяжелы, тщетны), как и у нас.

Мне одинаково приятно
Смотреть на солнечные пятна,
Рисунок облаков невнятный
И первый осторожный снег.
Как золотая сигарета,
Сгорело праздничное лето.
Дочь вечерами учит Фета,
Мечтая совершил побег
Туда, где Фетом не пытают,
Тепло, и бабочки летают.

И поэтика новых стихов Николенковой – нова. Думаю, не только для Николенковой. Поэт не научился любить мелочи, эти «дрожжи мира». Его по-прежнему с души воротит от пошлой повседневной эмпирики. От пассажиров общественного транспорта, например. Или от мебели. Или от домов, улиц и площадей. Что же остается?

Не принимать ничего из этого всерьез. Скользить по поверхности, срывая по пути доступные цветы удовольствия. Ни за что не отвечать, в том числе за свои слова и даже чувства.

Курить на балконе зелёную траву,
Без галстуков, то есть совсем без ничего.
И все рецепторы утверждают: живу!
И всё отдам за два сантиметра языка твоего.

Это – поэтика безответственности. В разведку я бы с Николенковой не пошел.

Думаете, так жить легко? А попробуйте пренебречь своим социальным и трудовым долгом. Попробуйте стать полузнакомцем для всего этого, назойливо напрашивающегося в близкие приятели, мира.

Ватсон, элементарно: стареть -
Значит, к лучшему измениться,
Научиться не сожалеть,
Не оправдываться, не стыдиться».

«Я вежлив с жизнью современною, но между нами есть преграда» – сказано некогда. Тут то, да не то. Та, легендарная, николенковская легкость превратилась в нелегкий для всякого отказ от контактов с окружающим пространством, из которого бы и выбраться. Но некуда.

И вот ответ самому себе на то, юношеское, написанное с великолепным непониманием и королевскими надеждами. Тогда – предлагалось «красться мимо всех, кто с другим лицом, Мимо времени, мимо пространства, Мимо страха перед концом». Куда? Навстречу другому. Теперь – другого не будет. Собственно, не будет ничего – там, но ничего нет и здесь.

Тихо-тихо прокрасться
Из себя – в никуда.
В этой точке пространства
Ты – звезда.
Тихо-тихо напиться
И тихонько уснуть,
Пока чёрные птицы
Продолжают свой путь.
Очень тихий и скромный
Апокалипсис твой.
И идёшь ты неровно
По кривой».

Тяжелый, плохой вариант для жизни. Но выигрышный для стихов. Поэт проходит до конца путь, который нам, публике, только мерещится – то в сладких, то в опасливых мечтаниях. Стоит ли пускаться вслед за этим ненадежным, безответственным проводником? Решайте сами.

Михаил ГУНДАРИН ►**▼ ИСТОРИИ ГОДА. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИТОГИ**

На литературной карте страны Алтай сегодня «слепое пятно». Ну, то есть некоторые наши авторы известны в локальных тусовках – в одной, скажем, Дмитрий Мухачев, в другой – Анатолий Кирилин, и эта известность не пересекается никак. Что ж! Это все меняется в одну минуту, когда на широкую арену вдруг выходит шеренга земляков. Пока – не вышла. Может, и не выйдет. Да и что с того! Все равно страсти у нас литературные кипят, посты в информагентствах о литературных делах вызывают бурю комментов. Куда там Москва попала! Есть о чем говорить.

Ниже следуют – субъективные, понятно – заметки. Разрозненные истории из литературного быта, хроника писательских свершений... Не более того!

История обо мне. По-честному – начну с себя. В 2013-м я:

А) Издал (неудачно в полиграфическом и прочих технических смыслах) повесть «Говорит Галилей», имеющую некоторый резонанс – несмотря на все полиграфические погрешности.

Б) Опубликовал три подборки стихотворений в журналах – «Урале», в основном старое, «Знамени» – тут поновее, «Культуре Алтайского края» - и так, и этак.

В) Писал мало – несколько рецензий и обзоров (в начале года, далее груз рецензентства подхватил Гришин, см. ниже о нем), с дюжину стихотворений, да один рассказ. Мало, мало, правда.

История об изданиях. Журнал «Алтай», на мой взгляд, вступил в фазу литературной агонии. Совсем не могу его читать. Столько помещено туда глупостей, амбиций, пафоса и попыток обмануть читателей, что всей редакции пришлось, верно, усесться сверху, чтобы этот чемодан закрылся. Такое ощущение, что «Алтай» встал в оппозицию не только здравому смыслу, но и даже Управлению по культуре. В работе которого все же были интересные и обнадеживающие моменты. Но не в «Алтае». Издающемся – уж не знаю, зачем напоминаю это – на бюджетные средства.

Альманах «Ликбез», помимо ежемесячно обновляемых электронных, дал два отличных бумажных номера – весенний и осенний. Там напечатаны две больших тематических подборки – поэтов Новосибирска и поэтов Башкирии – удачный опыт. Плюс с «Ликбезом» согласились сотрудничать известные авторы, приславшие свои подборки – от Ольги Ермолаевой до Игоря Карапуза. Отмечу и подборки наших авторов. Одно печалит: мало публикаций молодежи. Да и вообще, как-то видно, что бессменный издатель «Ликбеза», профессор и доктор наук Вячеслав Корнев большим фаворитом считает другие свои проекты – прежде всего фестиваль «Киноликбез».

Посему фаворитом года я полагаю «Культуру Алтайского края» (ласково именуется «КАКа»). Путем сложных изгибов и компромиссов редактору журнала Ларисе Вигандт все же удается вести бюджетное издание интересным курсом. Полагаю, сопровождается это шипением «Алтайцев» - а им тут и в самом деле пример, как можно под контролем начальства и на казенные средства делать что-то интересное.

История об авторах. Следить сегодня я предлагаю только за означенными ниже авторами, живущими в крае. И вот что они сделали за минувший год:

А) Евгений Банников – выпустил одну удачную, вторую провальную книжку стихов. Объяснение удачи простое – работа редактора-отборщика, жесткая и безжалостная.

Б) Елена Гешелина – дала подборку в «Ликбез» и «КАКу». Жаль, что не выпустила книги, материал есть.

В) Константин Гришин – см. ниже

Г) Дмитрий Мухачев – дал подборку в «Ликбез», активно исполнял свой поэтический цикл «Герои совка и магии» на разных площадках при полном одобрении публики. То же самое – пора делать новую книгу.

Д) Наталья Николенкова – дала подборку в «Ликбез». И ей книгу пора делать!

Е) Владислав Пасечник – его знаменитая повесть «Модэ» издана, и красиво. Книжкой в Москве (с присовокуплением рассказов). Продается в барнаульских книжных. В первом номере «Урала» вышла новая вещь – «Иама». Работает над романом. Прав!

Ж) Владимир Токмаков – в рамках издательского конкурса выпустил книгу стихов – избранное за все свои поэзоэпохи. Закончил, но еще не успел выпустить в свет роман «Сбор трюфелей накануне конца света».

З) Дмитрий Чернышков – почти не проявлялся в местных литделах, а жаль.

Собственно, больше говорить и не о ком. Что поделать! Но ведь и так десяток почти набрался.

История о мероприятиях. Их, литературных, более или менее удачных, в минувшем году хватало. Самым провальным, на мой взгляд, был пленум Союза писателей РФ. Повторятся не буду, ибо зачем в Барнаул съехались на казенный счет несколько десятков (!) инженеров человеческих душ и чего-то заявили – все про духовность и патриотизм – непонятно до сих пор. Ну, то есть, мотивы этих людей понятны, казенный счет необъясним.

Невнятным вышел и семинар молодых литераторов – судя по отзывам его участников. Единственным его итогом стало принятие В.Пасечника в ряды Союза. Ну, думается, сейчас Пасечник больше нужен союзу писателей, чем наоборот.

Шукшинские дни прошли обыденно. Гости нас ничем особо не удивили и не порадовали – отмечу разве что искрометного и молодого (что большая редкость в делегации) Игоря Белова из Калининграда (или уже Польши).

Многочисленные литературные чтения, устраивавшиеся Алтайский дом литераторов, разнесли творчество местных авторов по дальним районам края. В общем. Если говорить честно, это единственный способ заставить людей слушать, а иногда и читать стихи алтайских литераторов. И деятельность главы АДЛ Юлии Нифонтовой заслуживает похвалы – говорю без иронии, между прочим.

История о книжном инстинкте. Так назывался конкурс на определение 10-ти лучших книг года. Самое интересное и новое, что было. Группа экспертов оценивала вышедшие на Алтае книги под эгидой все той же «Культуры Алтайского края». Итоги получились хоть и закономерные, но любопытные. Несмотря на некоторые методические проблемы (дискуссионно, следует ли оценивать изданные книги, или рукописи – как в этот раз – тоже годятся в дело), к итогам претензий не было, кажется, даже у не включенных в первую десятку. А первая пятерка выглядела так:

1. Иван Жданов. Уединенная мироколица (книга-альбом, фото автора, представлена в рукописи, издается в рамках Издательского конкурса)
2. Евгений Скрипин. Барнаульские поэты без иллюзий (сборник боевитых эссе о деятелях литературы – от Мерзликина до Сыроежкина, также представлена в рукописи, но успела только что выйти в свет книгой)
3. Анатолий Кирилин. Избранное (сборник повестей и рассказов местного писательского босса)
4. Михаил Гундарин. Говорит Галилей.
5. Юлия Нифонтова. Не хочу в Нормандию! (красиво изданная повесть «из жизни» директора АДЛ).

Самое смелое, что сделал журнал – опубликовал оценки экспертов. Кто кому сколько поставил. И вот я вижу, какой хороший человек Пасечник, и какой – прямо наоборот – филолог Марьин. Полезное знание, между прочим!

История о человеке. Этот человек, человек литгода – Константин Гришин. Он участвовал во всем, о чем здесь написано. А кое-что без него вообще бы не случилось, или случилось совсем иным. Вот – он собирал оба бумажных «Ликбеза» (в частности, списывался со «звездами»). Он написал и опубликовал множество рецензий на все более-менее движущееся в местном литпространстве. Он участвовал в пресловутом семинаре молодых литераторов и бесконечном множестве неформальных встреч и тусовок. Он беседовал пять часов с Иваном Ждановым (и как выдержал!). Наконец, Гришин написал много интересных фрагментов – в таком жанре он пока работает. Возможно, они впоследствии соединятся. Вроде капель, в одно целое. А впрочем – любопытно и так.

Иван ОБРАЗЦОВ ►**▼ ФЕДОРИНО ЛИ ГОРЕ ИЛИ ЧТО ДЕЛАТЬ? (статья)**

О роли и значении художественной литературы для детей в современной России, через интерпретацию стихотворений К. И. Чуковского «Федорино горе» и «Мойдодыр».

Вступление

В своё время, пожалуй, один из самых замечательных исследователей детской литературы Мирон Семёнович Петровский в своём заочном интервью С. А. Лурье совершенно справедливо отметил: «Будут ли дети, когда вырастут, читателями – дело темное, что они будут читать тогда – еще темнее. Взрослая дифференциация – социальная, профессиональная, наконец, просто вкусовая, разнесет их читательские интересы, размажет по всему литературному (и внелитературному) полю или вовсе вынесет за пределы этого поля. Но в детстве все – читатели, все – слушатели бабушкиных или маминых сказок и сравнительно узкого круга книг, составляющих основной фонд так называемой «детской литературы». У множества взрослых людей с высокой вероятностью не окажется общего читательского фонда, кроме этих сказок и книжек, прочитанных / прослушанных в детстве. Тогда эти сказки и книжки с неизбежностью примут на себя роль единственного текста, объединяющего всех людей этой культуры, странно сказать – станут выполнять функцию «главного текста» культуры. Фундаментальная общекультурная роль детской литературы резко возрастает в таком обществе, как советское, – лишенном своей сакральной «главной книги».

Что касается вопроса о сакральной «главной книге» в современной России, то отсутствие таковой очевидно по причине многонациональности и многоконфессиональности государства, его светскости. Период глобального государственного атеизма сменился периодом глобальной всевозможности вероисповеданий, другими словами, сакральных «главных книг» стало множество, а атеизм конституционно уравнен с ними в правах. И вновь фундаментальная общекультурная роль и социальное значение художественной литературы для детей резко возрастает, как единственного текста, формирующего социум людей многонационального и многоконфессионального государства.

В связи с тем, что роль и значение детской литературы не изменились, а даже усилились, есть смысл рассмотреть уже имеющийся опыт советского периода и попытаться выявить возможные философско-психологические интерпретации «художественных текстов для детей», с целью понимания механизмов их влияния на формирование социального сознания. Кроме того, данное исследование может быть полезным для последующего использования полученного опыта при анализе произведений современной детской литературы, как авторами, так и редакторами литературных изданий.

В своей книге «Об искусстве» Ю. М. Лотман пишет: «Поэтическая речь накладывает на текст ряд ограничений в виде заданного ритма, рифмы, лексических и стилистических норм. Измерив, какая часть способности нести информацию расходуется на эти ограничения (она обозначается буквой β) А. Н. Колмогоров сформулировал закон, согласно которому поэтическое творчество возможно лишь до тех пор, пока величина информации, расходуемой на ограничения, не превышает $\beta < h_2$ – гибкости текста. Здесь под гибкостью текста h_2 подразумевается возможность одно и то же содержание передать некоторыми равноценными способами. При этом именно h_2 является источником поэтической информации».

В данном небольшом исследовании мы попытаемся несколько шире использовать возможности закона, сформулированного А. Н. Колмогоровым, предположив под h_2 – возможность одно и то же содержание интерпретировать некоторыми иерархично выстроенными способами, а под β – ряд ограничений в виде социального устройства общества, особенностей воспитания в семье, принятых с социуме норм и правил межличностной коммуникации, накладываемых на возможности интерпретации. В нашем случае h_2 является источником не столько поэтической информации, сколько информации о морально-нравственных ценностях. При этом качество донесения указанной информации снижается по мере уравнивания h_2 с β , то есть, при $\beta \geq h_2$ качество донесения информации становится максимально низким.

Но так как настоящая статья обусловлена философско-психологическим взглядом на предмет обсуждения, то, соответственно, мы не ставим целью сделать какие-либо филологические открытия, тем не менее, подразумеваем возможность расширения использования результатов исследований А. Н. Колмогорова и Ю. М. Лотмана. Именно в таком ключе ниже будут, с некоторыми отступлениями, рассмотрены два стихотворения К. И. Чуковского «Федорино горе» и «Мойдодыр». Мы попытаемся рассмотреть указанные тексты стихотворений не столько с позиции определения их, только и именно, литературной ценности, сколько с позиции

определения возможных философско-психологических интерпретаций, возникающих при использовании автором определённых схем выстраивания сюжетных конфликтов в произведении. Необходимо сразу уточнить, что вкладывание в произведения для детей скрытых смыслов – это не обязательно сознательное действие автора, но качество этого действия, как правило, обусловлено степенью авторского опыта, культурного вообще, и литературного в частности, что наглядно демонстрирует история русскоязычной детской литературы последних ста лет – К. Чуковский, В. Маяковский, Д. Хармс, С. Маршак, Н. Носов, С. Михалков, Э. Успенский, Б. Заходер, А. Волков, Г. Остер и др.

Стиль языка, ритм и рифмы произведения – это составляющие внешней формы, в задачу которых входит увлечь повествованием, расположить к вниманию, заставить следить за перипетиями сюжета и избежать менестрельского тона, сделав тем самым мораль повествования естественным выводом. Собственно, эти составляющие часто выбираются автором интуитивно и в тот момент, когда сюжетный конфликт и мораль повествования уже готовы в виде идеи и необходимо лишь вложить их в максимально органичную внешнюю форму, которая зависит от предполагаемой аудитории данного текста. В данном случае, под аудиторией произведений К. И. Чуковского «Федорино горе» и «Мойдодыр» мы имеем в виду детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Корней Иванович Чуковский неоднократно сам указывал на технические нюансы, спонтанно открываемые им при работе над произведениями для детей: «Передо мной внезапно возник каскад взбунтовавшихся, ошеломленных вещей, вырвавшихся на волю из долгого плена, – великое множество вилок, стаканов, чайников, ведер, корыт, утюгов и ножей, в панике бегущих друг за дружкой. Причем во время этого отчаянно быстрого бегства каждая тарелка зазвучала совершенно иначе, чем, скажем, сковорода или чашка. Бойкая и легковесная кастрюля пронеслась лихим четырехстопным хореем мимо отставшего от нее утюга.

И кастрюля на беГУ
Закричала утюГУ:
"Я беГУ, беГУ, беГУ,
Удержаться не моГУ!"

Как я понимаю теперь, шесть ГУ на четыре строки призваны передать фонетически стремительность и легкость полета. А так как утюги увесистее юрких кастрюль, я оснастил свои строки о них тягучими сверхдактическими рифмами:

Утюги бегут покрякивают,
Через лужи, через лужи перескакивают.

По-кря-ки-ва-ют, пе-ре-ска-ки-ва-ют - неторопливые протяжные слова с ударением на четвертом слоге от конца. Этим ритмическим рисунком попытался я выразить чугунную тугонодвижность утюгов...

Конечно, таких вариаций стихотворного ритма, изображающих каждый предмет в его музыкальной динамике, не добьешься никакими внешними ухищрениями техники. Но в те часы, когда переживаешь тот нервный подъем, который я пытался описать в очерке о "Мухе-Цокотухе", эта разнообразная звукопись, нарушающая утомительную монотонность поэтической речи, не стоит никакого труда: напротив, обойтись без нее было бы гораздо труднее...

Вся эта сюита о каскаде вещей была написана экспромтом, в какой-нибудь час или меньше. Зато продолжение "Федорина горя" далось мне ценой кропотливой и долгой работы, о которой не стану сейчас говорить, так как тороплюсь сделать вывод из того, что сказано раньше...» (Из незаконченной статьи К. Чуковского «Признания старого сказочника»).

Здесь стоит сделать небольшое отступление, и отметить характерную особенность стихотворений Чуковского, а именно, мотив «бега», который настойчиво повторяется из произведения в произведение:

Муха-Цокотуха
Но жуки-червяки
Испугались,
По углам, по щелям
Разбежалися.
Тараканище
И весёлою гурьбой
Звери кинулися в бой.
Но, увидев усача
(Ай-ай-ай!),
Звери дали стрекача

(Ай-ай-ай).
 По лесам, по полям разбежалися:
 Тараканых усов испугались.
 Краденое солнце
 И бегут они к Медведю в берлогу:
 Выходи-ка ты, Медведь, на подмогу.
 Айболит и воробей
 И они побежали бегом
 За его голубым огоньком.
 Айболит
 И встал Айболит, побежал Айболит.
 По полям, по лесам, по лугам он бежит.

Весь этот «бег» героев делится на «бег от возникшей проблемы» и «бег для решения проблемы». Часто, в стихотворении присутствуют оба варианта, иногда на протяжении стихотворения «бег от возникшей проблемы» трансформируется в «бег для решения проблемы».

Когда мы говорим о фундаментальной общекультурной роли художественной литературы для детей, как единственного на сегодня текста, формирующего социум многонационального и многоконфессионального государства, то сюжетный конфликт и мораль, являясь ключевыми, основообразующими составляющими произведения, есть, в нашем случае, первичные объекты для рассмотрения.

Невольно представляя себя на месте героев произведения, ребёнок учится не только сопереживать, но и делать выбор в ту или иную пользу, одновременно усваивая правила поведения в социуме. Мораль произведения призвана здесь не столько указать на правильность выбора, сколько продемонстрировать характерную реакцию социума на предпочтёный выбор. Впоследствии, на протяжении жизни личность подсознательно использует усвоенные правила поведения, распространяя на иные, схожие по схеме ситуации. Другими словами, важно то, что усваивается возможная схема конфликтной ситуации и приемлемый для социума и личности вариант решения. Свобода личности заключается в свободе соглашаться или не соглашаться с предлагаемым вариантом решения, но пребывание в социуме предполагает свободу личностного выбора, сопряжённую с личной ответственностью. Усвоение данных условий и правил существования личности в социуме и является, на наш взгляд, целью и, одновременно, основной причиной существования литературного произведения для детей.

«Федорино горе»

Впервые произведение опубликовано в 1926 г. Коротко изложим основную схему сюжета стихотворения «Федорино горе». Повествование ведётся от лица автора. Начинается всё с описания побега говорящих бытовых предметов – чашек, ложек, топоров, стола, сковороды, самовара и т.д. Дальше появляется главный персонаж – Федора Егоровна – и выясняется, что предметы убегают именно от неё, потому что Федора их «била, запылила, закоптила, загубила». Федора догоняет сбежавшие, и к тому времени уставшие бегать, бытовые предметы и даёт обещание их мыть и чистить, а в доме – вымести тараканов и пауков. Предметы возвращаются, а Федора выполняет обещанное. Всё заканчивается тем, что Федора радостно пьёт сладкий чай, ест блины и пироги, предоставленные ей благодарными бытовыми предметами.

Стихотворение «Федорино горе» начинается как раз с бега бытовых предметов:

Скачет сито по полям,
А корыто по лугам.
За лопатою метла
Вдоль по улице пошла.
Топоры-то, топоры
Так и сыплются с горы...

Данный бег описывается на протяжении первых двух частей стихотворения без объяснения его причины. Причём, на фоне поведения бытовых предметов, как живых существ, единственный из действительно живых существ персонаж, упомянутый в этой части, это коза. С одной стороны, удивление козы поведению предметов подчёркивает неординарность ситуации. С другой стороны, сам факт равноправного диалога козы с предметами вводит последних в ранг живых существ, что позволяет воспринимать их как членов некоего социума.

Действительно, в следующей части появляется главный персонаж, Федора Егоровна, и её обращение к бытовым предметам как к живым существам, воспринимается уже естественно, как заданное вначале условие повествования. Показательно, что предметы отвечают не непосредственно Федоре, а виртуальному третьему лицу, словно обращаются напрямую к читателю, тем самым ненавязчиво втягивая его в ситуацию в качестве участника событий. В то же время, этим игнорированием Федоры показан её статус отторгнутого социумом члена. Несспособность Федоры управлять ситуацией дополнитель но подчёркивает необходимость умения обращаться с бытовыми предметами, как важный признак благополучного сосуществования:

А за ними вдоль забора
Скачет бабушка Федора:
«Ой-ой-ой! Ой-ой-ой!
Воротитесь домой!»
Но ответило корыто:
«На Федору я сердито!»
И сказала кочерга:
«Я Федоре не слуга!

Когда, вроде бы, настало время объяснить причину такого отношения к Федоре, неожиданно появляются коты. Они пытаются, с помощью логичных доводов и приказного тона, разрешить конфликт, о причинах которого читатель до сих пор не известён и может только строить предположения, исходя из уже имеющейся информации:

Тут Федорины коты
Расфуфырили хвосты,
Побежали во всю прыть.
Чтоб посуду воротить:
«Эй вы, глупые тарелки,
Что вы скачете, как белки?
Вам ли бегать за воротами
С воробьями желторотыми?
Вы в канаву упадёте,
Вы утонете в болоте.
Не ходите, погодите,
Воротитесь домой!

В обращении котов к предметам есть не только попытка разрешения конфликта, но и скрытое указание на то, что бытовые предметы являются оправданными знаками социума всё-таки лишь в контексте человеческой культуры и их функциональная необходимость обусловлена только этим контекстом.

Живые существа (коты, коза, курица, лягушка, тараканы) не участвуют в наказании и исправлении индивидуума – они изображают собой естественное натуральное существование, они не могут по своей природе понять и окончательно принять сложные формы социального существования. Поэтому, ответ предметов звучит через повторное указывание на своё неподчинение, и как бы вновь обращён к читателю:

Но тарелки выются-вятся,
А Федоре не даются:
«Лучше в поле пропадём,
А к Федоре не пойдём!

Четвёртая часть, являясь композиционно центром стихотворения, одновременно является кульминационной точкой, с которой начинается разрешение конфликта. Здесь предметы, в качестве сознательно инициировавшей активную стадию конфликта стороны, наконец-то разъясняют причину своего поведения, впервые обращаясь непосредственно к живому персонажу стихотворения – к пробегавшей мимо курице:

Мимо курица бежала
И посуду увидала:
«Куд-куда! Куд-куда!
Вы откуда и куда?!»
И ответила посуда:
«Было нам у бабы худо,
Не любила нас она,
Била, била нас она,
Запылила, закоптила,
Загубила нас она!

Характерно, что предметы вначале разъясняют причину своего поведения и только потом отвечают на вопрос курицы:

Оттого-то мы от бабы
Убежали, как от жабы,
И гуляем по полям,
По болотам, по лугам,
А к неряхе – замарахе
Не воротимся!

Дело в том, что при ответе на вопрос «вы откуда и куда?!» становится очевидной бессмысличество побега, ведь гуляя по полям, по болотам и лугам предметы явно не становятся чище. Действительно, единственным персонажем стихотворения, способным выполнять функции по обслуживанию и уходу за бытовыми предметами, является Федора. То есть, цель побега предметов, вовсе не побег сам по себе, а устрашающая акция, призывающая Федору осознать степень её нужды в предметах быта. Данная акция оказывается эффективной, и такое осознание приходит к Федоре в следующей, пятой части стихотворения:

И они побежали лесочком,
Поскакали по пням и по кочкам.
А бедная баба одна,
И плачет, и плачет она.
Села бы баба за стол,
Да стол за ворота ушёл.
Сварила бы баба щи,
Да кастрюлю, поди, поищи!

В шестой части стихотворения, к предметам приходит осознание собственной зависимости от Федоры. Теперь есть все предпосылки для взаимовыгодного разрешения конфликта. Часть предметов меняет свою кардинальную позицию на предложение вернуться к Федоре:

А посуда вперёд и вперёд
По полям, по болотам идёт.
И чайник шепнул утюгу:
«Я дальше идти не могу».
И заплакали блюдца:
«Не лучше ль вернуться?»
И зарыдало корыто:
«Увы, я разбито, разбито!

Ключевым является данное в этой части уточнение о качестве произошедших с Федорой изменений:

Но блюдо сказало: «Гляди,
Кто это там позади?»
И видят: за ними из тёмного бора
Идёт-ковыляет Федора.
Но чудо случилось с ней:
Стала Федора добрей

Другими словами, халатное отношение к выполнению своих перед предметами обязанностей было вызвано недостаточной степенью доброты Федоры. Более того, мораль стихотворения с этого момента выходит за рамки обучения только нормам поведения в социуме. С этого момента, стихотворение становится доступной и наглядной для ребёнка демонстрацией такого трансцендентального понятия, как «Добро». Последующая песня Федоры закрепляет усвоенное понятие, через дополнительные перечисления примеров её будущего поведения, как «человека ставшего добреи», важно, что песня поётся тихо:

Тихо за ними идёт,
И тихую песню поёт:
«Ой, вы, бедные сиротки мои,
Утюги и сковородки мои!
Вы подите-ка, немытые, домой,
Я водою вас умою ключевой.
Я почищу вас песочком,
Окачу вас кипяточком,
И вы будете опять,
Словно солнышко, сиять,
А поганых тараканов я повыведу,
Прусаков и пауков я повымету!»

Реакция предметов в данном контексте, становится примером реакции на проявления индивидуумом качества «Доброта»:

И сказала скалка:
«Мне Федору жалко».
И сказала чашка:
«Ах, она бедняжка!»
И сказали блюдца:
«Надо бы вернуться!»
И сказали утюги:
«Мы Федоре не враги!»

В заключительной, седьмой части стихотворения показана не только идиллическая картина взаимовыгодного сосуществования Федоры и бытовых предметов, но и наглядно демонстрируется то, что, в данном, бытовом случае, понимается социумом под Добром:

Будут, будут у Федоры и блины и пироги!
А метла-то, а метла – весела -
Заплясала, заиграла, замела,
Ни пылинки у Федоры не оставила.
И обрадовались блюдца:
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
И танцуют и смеются -
Дзынь-ля-ля! Дзынь-ля-ля!
А на белой табуреточке
Да на вышитой салфеточке
Самовар стоит,
Словно жар горит,
И пыхтит, и на бабу поглядывает:
«Я Федорушку прощаю,
Сладким чаём угощаю.
Кушай, кушай, Федора Егоровна!»

Посмотрев шире на продемонстрированное в стихотворении ненавязчивое объяснение законов жизни в социуме, мы увидим, насколько разворачивается предложенная Чуковским метафора. Действительно, неприятно иметь дело с неряшливым человеком, ведь такой человек, прежде всего, не вызывает доверия. Кроме того, если мы посмотрим ещё шире, распространив данную метафору на отношение человека к культурному наследию, к исторической памяти, то «била, запылила, закоптила, загубила» – становится метафорой многих сегодняшних событий. Фактически, не будет преувеличением сказать, что нам всё чаще приходится наблюдать «синдром

Федоры», проявляющийся в безразличном отношении человека к человеку, человека к культуре, человека к исторической памяти.

Заключая наше рассуждение о стихотворении «Федорино горе», отметим, что главный персонаж становится полноценным членом общества, с именем и отчеством «Федора Егоровна», только в последней строке стихотворения, то есть, только после произошедших с ним изменений, выраженных, как перерождение и осознание добра: Но чудо случилося с ней: Стала Федора добрей.

«Мойдодыр»

Произведение написано, по словам самого Чуковского, в 1921 году, впервые опубликовано в 1923 году. Кратко изложим сюжет стихотворения «Мойдодыр». Повествование ведётся от лица мальчика, от которого внезапно начинают убегать его вещи. Появившийся говорящий умывальник Мойдодыр сообщает мальчику, что вещи сбежали от него из-за того, что тот грязнуля. По приказу Мойдодыра щётки и мыло набрасываются на мальчика и начинают его мыть. Мальчик вырывается и выбегает на улицу, однако за ним в погоню отправляется мочалка. Гуляющий по улице Крокодил проглатывает мочалку, после чего угрожает мальчику, что проглотит и его, если тот не умоется. Мальчик бежит умываться к радости Мойдодыра, после чего вещи возвращаются к нему. Заканчивается стихотворение гимном чистоте.

На первый взгляд, мы наблюдаем здесь историю, сходную с историей, описанной Чуковским в стихотворении «Федорино горе», но сходство это лишь кажущееся. Начать необходимо с того, что «бегающие» предметы имеют здесь целью не «побег» от героя истории, мальчика, а создание резонанса, шума. Неразбиение стихотворения на части (в отличие от «Федориного горя») усиливает чувство суэты и сумбура происходящего, создаёт ощущение бурной деятельности, разворачивающейся вокруг героя:

Всё вертится,
И кружится,
И несётся кувырком.

Выбежавший на этот шум из маминой спальни говорящий Умывальник объясняет мальчику причину странного поведения предметов:

Вдруг из маминой из спальни,
Кривоногий и хромой,
Выбегает умывальник
И качает головой:
«Ах ты, гадкий, ах ты, грязный,
Неумытый поросёнок!
Ты чернее трубочиста,
Полюбуйся на себя:
У тебя на шее вакса,
У тебя под носом клякса,
У тебя такие руки,
Что сбежали даже брюки,
Даже брюки, даже брюки
Убежали от тебя.

Собственно, почему именно умывальник устраивает мальчику такой нагоняй, а не вертящиеся вокруг предметы? Рассяснения на этот счёт также приходят от самого Умывальника:

Я – Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир!

То есть, пребывая в статусе «Начальника» и «Командира», Умывальник, реагируя на шум созданный предметами, имеет право указывать мальчику на несоблюдение некоторых норм. Реализуя своё право, Умывальник предупреждает мальчика о возможном принуждении к соблюдению норм:

Если топну я ногою,
Позову моих солдат,
В эту комнату толпою
Умывальники влетят,
И залают, и завоют,
И ногами застучат,
И тебе головомойку,
Неумытому, дадут –
Прямо в Мойку,
Прямо в Мойку
С головою окунут!

Но так как мальчик соблюдать эти нормы явно не намерен, то Умывальник отдаёт своим подчинённым приказ действовать принудительно, через непосредственное физическое воздействие:

Он ударил в медный таз
И вскричал: «Кара-барас!»
И сейчас же щетки, щетки
Затрещали, как трещотки,
И давай меня тереть,
Приговаривать:
«Моем, моем трубочиста
Чисто, чисто, чисто, чисто!
Будет, будет трубочист
Чист, чист, чист, чист!»
Тут и мыло подскочило
И вцепилось в волоса,
И юлило, и мылило,
И кусало, как оса.
А от бешено мочалки
Я помчался, как от палки,
А она за мной, за мной
По Садовой, по Сенной.
Я к Таврическому саду,
Перепрыгнул через ограду,
А она за мною мчится
И кусает, как волчица

Тем не менее, все подобные меры по принуждению оказываются неэффективными, так как мальчик убегает на улицу. Эффективным принуждением оказывается воздействие через страх, причём, реализует это воздействие совсем не подчинённый Умывальника-Мойдодыра, а встретивший мальчика на улице Крокодил. Здесь важно, что Крокодил воспринимается мальчиком как тот, кого он любит, тем более, что вначале Крокодил проглатывает «мочалку, словно галку», как бы избавляя мальчика от мучителей:

Вдруг навстречу мой хороший,
Мой любимый Крокодил.
Он с Тотошой и Кокошкой
По аллее проходил.
И мочалку, словно галку,
Словно галку, проглотил

Но сразу же после этого Крокодил начинает рычать и стучать ногами на мальчика, что даёт дополнительный эффект «шоковой убедительности»:

А потом как зарычит
На меня,
Как ногами застучит
На меня:
«Уходи-ка ты домой,
Говорит,
Да лицо своё умой,
Говорит,
А не то, как налечу,
Говорит,
Растопчу и проглочу!»
Говорит.
Как пустился я по улице бежать,
Прибежал я к умывальнику опять.
Мылом, мылом
Мылом, мылом
Умывался без конца,
Смыл и ваксу
И чернила
С неумытого лица

Разумеется, мальчик сразу бросился выполнять требование Крокодила, ведь здесь одновременно сработали два главных вида страха – страх потери расположения со стороны объекта любви и инстинктивный страх физического уничтожения.

Продолжение стихотворения призвано подтвердить правильность поступка мальчика и снять напряжение от только что испытанного чувства страха:

И сейчас же брюки, брюки
Так и прыгнули мне в руки.
А за ними пирожок:
«Ну-ка, съешь меня, дружок!»
А за ним и бутерброд:
Подбежал – и прямо в рот!

В качестве ещё большего убеждения показан Умывальник, приятно изменивший своё отношение к мальчику:

Тут Великий Умывальник,
Знаменитый Мойдодыр,
Умывальников Начальник
И мочалок Командир,
Подбежал ко мне, танцуя,
И, целуя, говорил:
«Вот теперь тебя люблю я,
Вот теперь тебя хвалю я!
Наконец-то ты, грязнуля,
Мойдодыру угодил!

Фактически, фраза «Вот теперь тебя люблю я, Вот теперь тебя хвалю я» демонстрирует в понятных ребёнку терминах простейшие механизмы достижения расположения со стороны не только любимых, «главных» персонажей (мой любимый, мой хороший Крокодил), но и со стороны посторонних, «чужих» участников коммуникации (кривоногий и хромой Умывальник). Момент о том, что Умывальник выбегает именно «из маминой, из спальни», а Крокодил именно «мой любимый, мой хороший», мы опустим, дабы не отвлекаться на дополнительные, более глубокие возможности интерпретации.

Гимн чистоте, которым стихотворение заканчивается, закрепляет достигнутый результат указанием на «других», на тех, кто потенциально является объектом принудительного воздействия:

Надо, надо умываться
По утрам и вечерам,
А нечистым
Трубочистам –

Стыд и срам!
Стыд и срам!

И вновь, дабы избежать менторского тона, Чуковский завершает текст песенными строками, лёгкими и ритмичными:

Да здравствует мыло душистое,
И полотенце пушистое,
И зубной порошок,
И густой гребешок!
Давайте же мыться, плескаться,
Купаться, нырять, кувыркаться
В ушате, в корыте, в лохани,
В реке, в ручейке, в океане, –
И в ванне, и в бане,
Всегда и везде –
Вечная слава воде!

В «Федорином горе» на первый план выходит демонстрация значения в жизни социума таких понятий, как «Добро» и «Чудо». В «Майдодыре» описываются первичные представления о понятиях «Любовь» и «Старший», что даёт представление о разумной дифференциации в социальном обществе.

Заключение

Вообще, говоря о героях детской литературы советского периода, необходимо, как минимум, вспомнить несколько фактов. Доктор Айболит и Дядя Стёпа впервые появились на страницах книг в 1936 году. Уже через два года, в 1938 году, в США появляется известный сегодня всем персонаж Супермен, который изначально был лысым злодеем-телепатом, стремившимся господствовать над миром (первый вариант Супермена 1933 года).

Но интересны здесь два основных отличия между знаковыми американскими и советскими героями детской литературы:

1. Супермен, а впоследствии и Бэтмен (1939 г.), и Человек-Паук (1962 г.) спасают, как правило, город, мир, человечество вообще, при этом совершая попутные убийства и разрушения, часто несоизмеримые с положительным результатом их деятельности. Здесь на первое место выдвигается невозможность нормальной коммуникации героя и общества и, как следствие, гипертрофированная эгоцентричность. Действия героя демонстрируют его превосходство над окружающими. Анонимность действий не является следствием добрых побуждений, а есть подмена истинной, слабой личности, на личность-маску, невозможную в реальной жизни.

Дядя Стёпа и Доктор Айболит, как правило, спасают конкретных людей и зверей, не надевая маску супергероя. В случае, например, с Доктором Айболитом, это не абстрактное спасение природы и невиданных зверей, а спасение конкретных живых существ, которые известны всем, и необходимость затрат на спасение которых ни у кого не вызывает вопросов. Персонажи описанных выше произведений «Федорино горе» и «Майдодыр» дают ребёнку необходимые сведения о коммуникации с другими членами социума, более того, показывают необходимость такой коммуникации, как обязательное условие позитивного существования.

2. Механизмы спасения, которые используют американские герои, совершенно невозможны в реальной действительности. Супермен обладает невозможной в реальности силой, невозможной хотя бы потому, что ресурсы человеческого организма не рассчитаны на подобные перегрузки. Основная часть механизмов Бэтмена работают в противоречие известным законам природы. Генетические мутации Человека-Паука противоречат самой природе человеческих генов. Другими словами, ребёнок, выросший на данной литературе, в реальной жизни неизбежно сталкивается с неосуществимостью вышеупомянутых моделей добрых поступков и, как следствие, неосуществимостью своего участия в созидании самого понятия добро. В таком случае, становится возможной замена неосуществимого понятия «добро» осуществимым понятием «выгода», как синтетической производной от «добро», в смысле «то, что для меня хорошо».

В отличие от этого, методы и механизмы спасения, используемые героями советской детской литературы вполне осуществимы в реальной жизни, как например профессии врача, милиционера или пожарного. Сюжеты, используемые при создании детских произведений советского периода, не констатируют наличие проблем, а показывают версии их решения, предлагают варианты выхода из сложных жизненных ситуаций. Представление о добре формируется вполне реальными примерами – суперсила героев осуществима в реальной жизни и за-

ключается: в физическом здоровье, в обладании знаниями о мире, в котором живёт человек, в понимании добра, как блага не только для себя, но и для общества. Формируется представление о тесной взаимосвязи таких понятий, как «благо», «доброта», «любовь», «человек», «общество».

Литература:

1. Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская Литература. – М.: Издательский центр «Академия», 2005
2. Венгер А. Л., Слободчиков В. И., Эльконин Б. Д. Проблемы детской психологии и научное творчество Д. Б. Эльконина // Вопросы психологии, № 3, 1988.
3. Гаспарова Е. М. Роль социального опыта в игре детей раннего и дошкольного возраста.// Вопросы психологии, №6, 1984
4. Колмогоров А. Н., Кондратов А. М. Ритмика поэм Маяковского // Вопросы языкоznания, №3, 1963
5. Колмогоров А. Н. Жизнь и мышление как особые формы существования материи.- М., Наука, 1964
6. Кулагина И. Ю., Колюцкий В. Н. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека. – М.: ТЦ «Сфера», 2001
7. Лотман Ю. М. О русской литературе: Статьи и исследования (1958-1993). История русской прозы. Теория литературы. – СПб., Искусство, 1997
8. Лотман Ю. М. Об искусстве.- СПб., Искусство, 1998
9. Машевский А. Г. В поисках реальности. – СПб., ООО «Издательско-полиграфическая компания «КОСТА», 2008
10. Петровский М. С. Книги нашего детства. – СПб., Издательство Ивана Лимбаха, 2008
11. Успенский Б. А. Ego Loquens. Язык и коммуникационное пространство. – М.: РГГУ, 2007
12. Успенский Б. А. Семиотика искусства. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1995
13. Чуковский К. И. Без писания я не понимаю жизни // Юность, №3, 1982
14. Чуковский К. И. Живой как жизнь (Разговор о русском языке) – М., "Молодая гвардия", 1962
15. Чуковский К. И. Матерям о детских журналах. – СПб, 1911
16. Чуковский, К. И. Стихи и сказки. От двух до пяти. – М.: Планета детства, 1999
17. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии, №1, 1971
18. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.: ВЛАДОС, 1999

ОТДЕЛ КУЛЬТУРЫ-МУЛЬТУРЫ

Предуведомление

Новый бард народился и уже в КМ-Отделе! Это Артем Деревнякин. Нет, правда, и не думали мы, что в мире осталась любовь и страсть такого накала, такая шлегелевская ирония и апухтинская страсть ко всему, что шевелится! Ка-ков женский портрет!

Груди её непаханый гектар
Большим «любвям» пропорционален прямо.
Податлива, сладка, как тульский пряник,
Горячая, как тульский самовар.

Там (в КМОтделе) такого много, читайте!

Например, Николенкову читайте, которая рисует в шаржевой, острой и беглой манере их (то есть нас) обитателей мира, приближенного одним боком к Вечности, другим, к бытовой распущенности и безобразиям. То есть, литераторов.

Узбечка, приют богемы,
Демократический рай,
Любимая мифологема,
Клуб, караван-сарай!

Однако особое внимание обратите на своего рода графический роман Сергея Сердюкова. В этой музычке-таки есть яд! Вот важный фрагмент: «Селедка в соли, огурцы в соли, соль помогает избежать истлевания, коровы лизут соль, слоны ищут соль, океан задыхается от соли, небо от нее свободно. Соль соленая, соль ядовитая. Тот, кто защипывает много соли, умирает быстрее и медленно».

Ну и много тут у нас еще такого, нативного, традиционно-богемного и почвеннического, чем всегда живет и радует отдел культуры-мультуры.

Возрадуйтесь же и вы!

Ихтиандр Обмокни

Наталья НИКОЛЕНКОВА ►
▼ ПОСВЯЩЕНИЯ (подборка стишат)

• • • • •

Константину Гришину

С «Окаянными днями» в руках,
 С головой в облаках
 Он идёт по холодной аллее
 К Лорелее.

• • • • •

Анне Негреевой

В кафе университета,
 Прекрасна, как эльф лесной,
 Не помню, во что одета,
 Она повстречалась со мной.

Я ела рагу овощное,
 Гундарин хлебал супец,
 И умное всё такое
 Он мне говорил, стервец.

Кафе университета,
 Гундарин, супец, рагу...
 Я на просторы сюжета
 Выруть не могу.

Рифмуются ангел и Аня,
 И каждой минуты кусок,
 И редкое замиранье
 От истины на волосок.

• • • • •

Анне Леонтьевой

Голова состоит из мелких и крупных цитат,
 Из кусочков чьих-то улыбок, из всякого сора.
 О, продайте, продайте какой-нибудь препарат,
 Чтобы ровненько было внутри, никаких зазоров!

Если мы – планктон, то кто тогда кашалот?
 (Глубина этой мысли меня саму восхищает).
 Он умрёт, и они умрут, и она умрёт.
 Этот дивный мир питается не овощами.

• • • • •

Жене Михайловой

Если тихо-тихо сидеть и вдумчиво слушать,
 Если громко-громко орать и плевать на всех,
 То поймёшь, какие тебя поджидают души –
 Утончённый филфак или всё-таки политех.

Если ты умеешь читать и играть на кларнете,
 Замечаешь и колосса, и муравья –
 Значит, будет непросто тебе выживать на свете.
 Ты – его оправдание, девочка моя.

• • • •

Ольга Анцуповой

В её фамилии есть буква «ц».
 Нам не хватает витамина С.
 Нам не хватает солнца на лице
 И нужных букв в начале и в конце.
 А в мухе, соответственно, цеце
 В два раза больше витамина С,
 Чем в обычной мухе.

ОДА «УЗБЕЧКЕ»

«Узбечка, приют богемы,
 Демократический рай,
 Любимая мифологема,
 Клуб, караван-сарай!

Кто же из нас, ребята,
 С рифмою на устах
 Луковый дух «Арафата»
 Не выносил в волосах?

После Шишковки стабильно,
 Весь из себя таков,
 Аккуратно, но сильно
 Тащит сюда Токмаков.

Это такая привычка,
 Это такая игра,
 Дёшево и сердито,
 Пламенно эт сэтэра.

Я не особенно часто
 Пишу такую фигню,
 Но, пока дремлет Гришин –
 Возьму да и сочиню.

Артем ДЕРЕВЯНКИН ►

▼ ПОРНОРАСКОЛЬНИКОВ (подборка стихов)

Памяти порнозвезды Синтии Гиллар Стоун,
известной под псевдонимом Echo Valley (Долина Эха)

Искусство - лакомый гречок,
Аффект, очищенный взрослением.
Шок. Первый акт - любовей шёлк,
А смерть наследует последний.

Играть уходят малыши
В свои весёлые неврозы,
Железным фаллосом души
Рифмуя мраморные позы.

По тропам строк не убежать,
В пустынях глаз сгорают люди.
Богатый собран урожай
Животных мечт, грудных иллюзий.

Вот-вот наступит «никогда» -
Обречена астральным буйством,
Срываются порнозвезды
В горсть божью с силиконом в бюсте.

И серебром небесных льдин
Сверкает суть первоначальная
Как эхо выжженных долин,
Как их звенящее молчание.

Раскольников

Дизайнерской штучкой я стильный топорщу топор
В руке, что скимала стило.
Когда расцветёт, я кого-нибудь грехну, любя
(очевидно себя)...
Уже расцвело.

В горячей моей голове опрокинется мыслей компот
И часть обитаемой суши зальёт.
Семь ангелов ада вплетут в колыбельную мне
Семь божественных нот.

.. Я вынести мусор забуду, оставлю в прихожей
И «мусор» придёт.
Ни кожи, ни рожи, для близких Серёжа,
Державы бухой идиот.

Он в чине своём капитанском в морях не водил корабля.
Промолвит: «Вот бля!»
В руках замусолит фуражку, набычится к случаю:
«Пухом земля!»
По слову его одуванчикам фору дадут тополя.

Он мелко хихикнет, неведомый вспомнив прикол:
«Причина кончины ясна: много думал парнишка,
В башке приключился раскол!»

Скорпион

У женщины на попе скорпион,
Меж ягодиц елозит он и жалит.
Она себя играет в лёгком жанре,
Под солнцем распускаясь, как пион.

Груди её непаханый гектар
Большим «любвям» пропорционален прямо.
Податлива, сладка, как тульский пряник,
Горячая, как тульский самовар.

Поклонников, им имя легион,
Губ маковых притягивает опий.
Подумаешь - на попе скорпион:
Букашка, насекомое на попе.

Налибоятся, скарб выгребут и вон
Из сердца, из извилин и расщelin.
Куда уходят? - знает скорпион,
Он - часовой, он бдителен и верен!

09

В осень пролита, как виски стакан,
Чувств порыжела ржавь.
Девой родится нежданный пацан,
Уж потерпи, не рожай.

Солнечный в лужу упал перстенёк -
Дня безымянного знак.
Правит сентябрь, заплетает венок,
Тайной прохладой инак.

Пуст твой стакан, но впитают слова
Листья осенней ночи.
Если даровано сердцу страдать,
Станут усердно лечить.

Злу улыбайся, как все дурачки
Взгляды косые лови.
Счастливо мечут икрку кабачки
от кабачковой любви...

• • • •

Я возлюбил тебя сильнее, чем бухать,
Я водке изменял – любил тебя, бухая.
За кем ни хоронись, теперь ты – часть стиха,
Метафора огня, строка моя сухая!

• • • •

Если тебя по зубам лягнул злой жеребец пегаса,
Если на письменном бардаке муза тебе дала –
Слесарь-сантехник текущих строк, мастер словесной массы
Певчей печали нальёт сполна, явит небесный блат.

Вырубит электросеть светил солнце за неуплату,
 Ты теперь сам в тёмном царстве луч, гениям побратим.
 Станет тебе «через не могу» музу давать по блату,
 Но жестяной незавидный век в злато не обратим.

Падшей души дармовой интим зря именуют даром:
 Ни заработать, ни доказать – ты ничего не смог!
 ...Феб златокудрый на MTV треплет в сердцах кифару –
 Внемлют тинэйджеры, не дыша, ибо играет бог...

Смайл

После жизни поставлю смайл:
 Явят скорбь, установят крест,
 Чтоб невольно покойно спал,
 И наверх упрыём не лез.

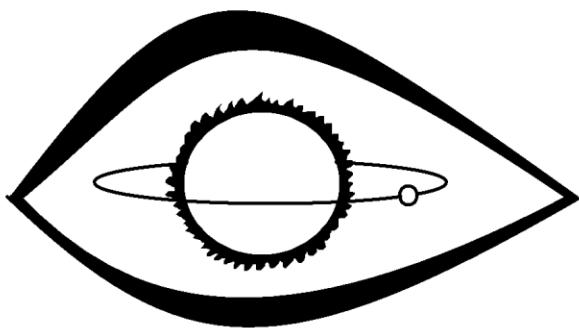
Вздор не вякал и не коптил
 Беззаботицы соцзащит,
 Чтобы честною навью жил,
 В расчудесную вечность вшит.

Вся причина для смерти – жизнь,
 Я весёлых поем грибов
 И прилипну, как банный лист:
 «Перестань меня парить, Бог!»

Совокупна со счастьем боль,
 Словно булочка и кунжут.
 ..Помяните меня травой –
 Я бессмертной душой поржу!..

Сергей СЕРДЮКОВ ►
▼ ОЗНОБ (из сборника сатирических рассказов)

Введение
(читать под музыку)

«Меня можно ненавидеть, но меня нельзя не замечать» (заноза)

Несчастные подростки, неудавшиеся малолетние преступники, депрессирующие уродливые дамочки и спивающиеся поэты, вы знаете толк в полутонах? Тигриное и кошачье для вас трудноразличимо? Хорошенько разомните пальцы, сейчас мы в рамках религии и кино запустим руки поглубже в самость самого себя, пока из-за горячей, страстной и пугающей натуры не покажется холодящая кровь универсальная эмблема das Man, средоточащая в себе нерассказанное то, что жилы и сердце превращают в страх и ненависть, а ум и селезенка в любовь и сахарный диабет. Примите что-нибудь расслабляющее и несущее смерть. Готовьтесь теперь говорить о себе, что вы не понаслышке знаете о том, что такое озnob.

Соль

Селедка в соли, огурцы в соли, соль помогает избежать истлевания, коровы лжут соль, слоны ищут соль, океан задыхается от соли, небо от нее свободно. Соль соленая, соль ядовитая. Тот, кто защищает много соли, умирает быстрее и медленно. Тот, кто не защищает соль, несчастен, даже если улыбается и говорит всем, что ему все равно. Во мне пуд соли, она то выходит, то вновь накапливается, потому что жить с солью лучше, чем без соли. Соль как любовь: жрет меня изнутри, когда она есть, и заставляет себя добывать, когда ее нет. Многие сдохли от соли, а кто-то и вовсе ею стал.

Рыба

Копни я поглубже, нашел бы червя. Насадил его покрепче на крючок и отправился ловить рыбу. Рыба это хорошо, так меня воспитали, да я и сам с возрастом это понял. Первая рыбалка прошла без моего участия, мне было всего четыре года. За меня мою рыбку поймали мои родные. Я не помню ее вкус. После я никогда не отказывался от рыбалки. Некоторые говорят: «Я не ем рыбку, я ведь серьезный человек. Зачем есть рыбку, когда есть «Доширак» со вкусом рыбки, или еще что-нибудь». Из него не надо выбирать кости, жарить или варить, ловить, наконец. Многие забывают о Рыбе и переходят на раздельное питание, или еще проще: разводят рыбку в аквариумах. Говорят, что нельзя есть только рыбку, нужно помнить о тех, кто любит шампиньоны или еще что-нибудь. Просто как-то так вышло, что мы все мечтаем прокатиться на метро. Просто как-то так вышло, что мы все дети рыбаков.

«Что-то у меня как-то не сошлось» (Эвклид)

Игра

Давай сыграем в игру. Ты будешь убегать, а я догоняю. А когда я тебя догоню, то убью, понарошу. А потом ты меня. А когда мы закончим играть вместе и разойдемся каждый по своим углам, то в это время начнется новая игра, только я уже буду играть не вместе с тобой, а ты отдельно от меня. Я буду улыбаться не тебе или никому, потом разыграю партию, понарошу. А ты – плакать с кем-нибудь или из-за кота, не по-настоящему. За

хорошую игру меня переведут в другую игру или разыграют за плохую. А, когда основное время игры закончится, я притворюсь мертвым, чтобы правила, которые придумал я, разыграли в новой игре или вовсе отменили. А ты вспомнишь, как я догонал тебя и немножко поплачешь, понорошу, не по-настоящему.

Похороны

Я родился, чтобы плакать на похоронах общего дела. Остальным тоже не наплевать, они со мной выносили гроб и закидывали его липкой глиной, а потом пиши глинтвейн из пяти блюд, начиная с кутьи, как гласит канон. Потом все разошлись, икая и почесывая животы, кто-то плакать, а кто-то курить за угол и смеяться. Я пошел с теми, кто пошел за угол. Остальные потом пугали меня тем, что будут по мне плакать, точнее по моему вкладу в нас. Через десять лет мы встретимся на поминках общего дела, для того чтобы вспоминать и смеяться, и представать быть не целованными. Из-за 1/11 моего вклада в общее дело я тоже буду вспоминать и смеяться, а все десять лет до этого я буду пельмени на соль пробовать. Только никому этого не скажу, и тогда, может быть, мне никто этого не скажет. А еще мне не скажут, что меня ненавидят, или, что я испортил им жизнь. Ведь я вложил в общее дело всего 1/11 общего дела. Нас всего 11, но кто-то умудрился вложить больше. Поэтому, когда мы разойдемся, чтобы снова встретится через 10 лет, я отправлюсь учить испанские глаголы, а кто-то плясать на могиле общего дела.

«И все-таки она вертится» (Р. Сифреди)

Лошадь

Как связать лошадь и добродетель? Женщина поможет разобраться в этом. Молодая похотливая женщина, воспитание которой не позволяет постоянно и открыто лгать, а неумение желание напрочь лишает всякого рода сдержанности. Юмор разбавляет похоть и вот перед нами уже забавная простушка, над шутками которой смеются во весь рот даже самые мужчинские мужчины. Ей хочется оседлать свою плоть, овладеть мощным корпусом и устроить скачки, на уроки верховой езды она ходит три раза в неделю. Честности и благородства ей не занимать. Хотя в ее лице честность не самая благородная добродетель.

Кино

Избавьте мир от синематографа, вы власть имущие, вы золотой миллиард. Тяжесть и переживания на вас были кинематографические наслать. Чтоб чувствовали, чтоб плакали и смеялись. Моя страна – это то, за что они сражались. Я своей страны, кроме как в кино и не видел. Любви не видел, ненависти, счастья. Только кухонные склоки мне без кино и остаются. Или это кино у меня все остальное забирает, выпивает все, что на жизнь ничего нет. Хотя и жизни, кроме как в кино, особо и не ощущал. Мысли мои только как нарезка из фильмов, исчезнет кино, так может и от меня ничего не останется.

«Да чего же мило жженым можжевельником у вас из-под койки повеяло»
(К. Хабенский, в эпизоде х. ф. «9 Рота»)

Навеянное группой «кровосток»

Ты же читаешь

(Опорному пункту милиции железнодорожного района г. Барнаула, посвящается)

Я не знаю, зачем задавать столько вопросов, ответы на которые ты уже знаешь.
Сомневаюсь, что я тебе действительно интересен, я же вижу, с каким выражением лица ты читаешь.
Не стоит рассказывать мне о том, что есть закон и порядок,
Когда я понял, что ось наклона земли 23 с половиной, ты дотаптывал дорожки меж огородных грядок.
Над шутками твоими смеются лишь те, кто младше тебя по званию,
Ты сам спиваешься медленно, но верно, так не взывай же к моему сознанию.
Я просто посижу здесь немножко, оставлю пальчики и пойду допивать с друзьями,
А ты закончишь писанину, начистишь туфли и отправишься балдеть со шваброй и бомжами.
Домой ты уходишь пешком за полночь, боишься встретить гопников на безлюдной аллее.
Отбросил бы к черту свои бумажки, кружанул меня на деньги, может, было бы веселее.

А если нет, то вытри пот со своей фуражки, от меня ты нового ничего не узнаешь,
И перестань постоянно спрашивать одно и то же, я же вижу, что ты читаешь.

Каклико Какуши

Ситуация спонтанности в точке кульминации,
Кадры не требуют перемещения, кадры требуют ротации.
Боевой клич длится несколько секунд, запоминается надолго,
Найти себя на полу под пальто не просто, я как в стогу сена иголка.
Контр Страйк с пинаря есть разрешение проблемы распада личности.
Избавиться бы от алкоголизма, оставшись при своей вторичности.
Новые приобретения огорчают надолго,
Найти себя на полу без пальто не просто, я как в стогу сена иголка.
Весенняя погода радует наряду с повизгиваниями в душе.
Нашел себя не на полу, а в ванной, я уже каклико Какуши.

Друг

Мой друг знает, как надо делать, если нечего делать. Мой друг проснется рано. Мой друг не тратит время на сон понапрасну. Мой друг далек от жизни, но близок к искусству, он на ТЫ с техникой, я на ТЫ с ним. Когда мы вместе, я говорю с другом, друг говорит со мной, если мы перестанем говорить, то мой друг не перестанет быть мне другом. Мой друг очень хороший друг. Я хотел бы, чтобы он был хорошим другом не только мне, но и самому себе.

(Друзья)

Инопланетяне

Очень весело и удивленно думаем мы, что заинтересованно и зловеще смотрят на нас из космоса инопланетяне. Мы тоже смотрим в космос, якобы разглядывая другие шары, угадываем их цвета, представляем размер и не представляем расстояния. Но на самом деле все железки, пластмасски и прочее, иногда очень дорогое, для людей, баражло, великие умы современности отправляют вверх, только потому, что боятся, ненавидят, но вместе с тем с ума сходят по тому, что там наверху. Это большое и черное никогда не поместится ни в одну голову, и еще там наверняка есть инопланетяне. И вновь запускаются станки, конвейеры и спиртзаводы, огромные ракеты устремляют свои векторы вверх и по команде «Пли» отправляются туда, чтобы никогда не вернуться. И очень весело и удивленно смотрят на нас инопланетяне, на то, как заинтересованно и зловеще под аккорды реактивной канонады бьются головой о стол величайшие умы человеческой цивилизации.

Хохот

Хлопнула дверь, раздался хохот. Послышались чьи-то шаги. Хохот продолжался. Шаги приближались. Хохот был разный: был сиплый, явно прокуренный, был и звонкий, светлый, переливистый, был с натугой, хохот с усилием, хохот без усилия тоже был, были и насмешки. Некоторый смех перерастал в кашель, а некоторый в истерику. Хохот был многоголосный, целый хор. Много смеха. Смеялись только мужчины, женского смеха слышно не было. Шаги приближались к хохоту, они уже подошли вплотную. Хохот затих, затихли и шаги. После некоторой паузы хохот раздался вновь, но на сей раз в нем присутствовал еще один смех.

Александръ

Александр вел, остальные спокойно плелись за ним. Он размахивал руками, взывал к благоразумию, к пониманию актуальности проблемы, жизненности вопросов и бессмертности тем. Он говорил так громко, непонятно и убедительно, что даже те, кто приходили посмотреть на Александра, начинали его слушать. Его интонация то нарастала, то нарастала еще сильнее. Слабонервные дамочки падали в обморок, детей начинало тошнить, мужчины суеверно курили, перешептываясь между собой, периодически поглядывая на Александра, то кривя лицом, то утвердительно кивая. А он все ходил по столу, разбрасывая какие-то бумажки, в паузах поскрипывая золотыми зубами. Когда кричал Александр, кричали и все остальные, когда он плакал, аудитория закатывалась ревом вместе с ним. Однажды Александр даже сломал себе руку, пытаясь смоделировать масштаб обсуждаемой трагедии. Зал взорвался аплодисментами от силы воли и выдержки Александра, когда тот три часа, не моргая,

смотрел в глаза портрета Путина на стене в прихожей. «Как хорошо, что у нас есть такие Александры», говорили все в перерывах, «они совсем недавно стали появляться», добавляли остальные всем. «Вот раньше их не любили, затыкали им рот, сажали и расстреливали, а сейчас любят, не сажают и не расстреливают. Они долго скрывались за границей, как хорошо, что теперь они скрываются у нас. Надо всем рассказать, надо всех привести послушать Александра. А какие анекдоты он рассказывает! А как славно танцует! А в кино как сыграл! Вы видели!? Да что там сыграл, сам и режиссировал!».

Народ так сильно полюбил Александра, что однажды, в автобусной давке, его затыкали шилом. Он так и ехал, мертвый, пока все не разошлись, и его тело, с маленькими красными точками на груди, медленно не сползло по ступенькам на конечной, вместе с последним заспанным пассажиром. Его похоронили на Красной площади, на граждансскую панихиду собралась вся нация. Кто-то плакал, кто-то смеялся, кто-то тащил цветы, и кошельки из карманов тех, кто плакал и смеялся. В смерти Александра обвинили «чеченских террористов-камикадзе».

Заметка автора № 1

«Энрико схватил ее трепещущее от страха и возбуждение тело своими грубыми загорелыми руками. Мари сорвала все свои силы, но вместо крика из ее уст раздался протяжный стон, она и думать не могла, что этот дикарь может быть таким нежным, в глазах ее помутнело, все силы вмиг испарились. Он манил ее к себе, манил, как манит пропасть молодого птенца».

(прочитав это, каждый мужчина должен почувствовать себя в туалете, а женщина в поезде)

(Жизнь, ептель)

Настроение

Нет настроения писать про настроение, напишу лучше что-нибудь о кино, или о театре, хотя и в театре, имеется в виду, как следует в театре, я и не был никогда. В кино был много раз, но меньше, чем хотелось бы, хотя и от кино уже устал. К черту кино, театр и искусство вообще, напишу о погоде, о природе, я об этом много знаю, я об этом читал и даже смотрел. Хотя погода такая, что лучше о ней не писать, а когда такая погода, то и природа не радует. Вообще мало, что радует в последнее время, и вряд ли дело только в погоде. Во мне дело, чего-то нет во мне, раньше было, а сейчас нет. Настроения, наверное.

Заметка автора № 2

Когда у мужчин отпала необходимость бегать за антилопами каждый день, они начали бегать друг за другом или за женщинами. Эти мероприятия они называли спортом и любовью, соответственно. Когда у женщин отпала необходимость собирать коренья и попрошайничать, они стали выпивать больше двух бокалов вина в день и называли это депрессией.

Вне удел

Посмотри на своих друзей. На знакомых. На тех, кого можно назвать близким кругом. Посмотри внимательно. Насколько хорошо ты знаешь их? Как давно доверяешь им? Что ты о них думаешь? Что они о тебе? Насколько важно для тебя их мнение? Как часто вы видитесь? Общаешься? Все это можно назвать обычной жизнью. Обычной дружбой или обычными отношениями. Сколько бы вокруг тебя не было близких и дорогих людей, помнить нужно одно: один из них согласится убить другого для тебя за 10 000 рублей.

«Ой, йога это же так модно, я тоже хочу» (Человек, живущий в мире кино и философии)

Завтрак в доме у образованных молодых людей

- Я вчера чуть в обморок не свалился!

- Эко тебя, сволочь, пробрало.

Герой

Герой, он есть всегда. Встает раньше всех. Делает много дел. Таких же, как и все. Но при этом много думает и мечтает. Смотрит куда-то и опять думает и мечтает. Слушает музыку. Такую же, как и все, только героическую. Иногда даже плачет. Много пьет. Когда герой напивается, ему кажется, что он умирает. Также как и все, только героически. Герой пропадает героически, героически ходит и даже завтракает. Хорошо, что среди нас есть такие герои. Жаль, что со временем их становится меньше.

Кафка

Я закрылся в комнате на верхнем этаже дома, где меня пока еще не досчитываются за обеденным столом. Я завесил шторы, заткнул все щели, провел ряд экспериментов. Страшно думать о том, что не страшно так провести несколько дней своей жизни в надежде на то, что кто-то будет приносить еду и вдохновение. Муза с лицом поварихи из детского сада, оттуда же и все комплексы, страхи, ненависть и недоверие. Мне не нужен покой, гармония и вера в обычных людей, зависть к обычной жизни, обычное волнение перед принятием обычных решений. Мне нужно взорвать трансформаторную будку напротив, чтобы лишить улицу электричества, мне нужно пятнадцать промилей в день, мне нужно, чтобы в моих письмах появилось слово «Я». Возможно, «Я» террорист.

Заметка автора № 3

Не нужно бояться обидеть женщину, бояться нужно того, что она на вас не обидится.

Привет

Кому-то я могу сказать: «Здравствуй», в худшем случае: «Здравствуйте», кому-то просто махну рукой издали, молча кивну головой, кого-то вовсе не замечу, может, случайно, а может и намеренно. Друзьям или приятелям, даже хорошим знакомым, я подам руку и скажу: «Здарова!». «Добрый день, утро, вечер, ночь» я не учитываю, это бывает крайне редко. Вокруг меня много людей: хороших, плохих и даже никаких, а вот «Привет» сказать некому.

Милиционер

Аркадий всегда был хулиганом. В детстве его часто пугали милиционером. Когда Аркадий вырос, он им стал. Пусть он плохо учился в школе, в институте был алкоголиком и забиякой, но зато милиционер из него получился на славу. Свой участок он любил и каждодневно патрулировал, выявляя нарушения и завода агентуру. Аркадий был справедливым и мягкотерпимым человеком. Когда при задержании его напарник застрелил цыгана, Аркадий очень расстроился и даже не спал полночи. После этого его перевели в уголовный розыск, там он стал вместо бомжей ловить наркоманов, преступников и проституток. Спустя десять лет Аркадий наловил их столько, что его сделали майором и отправили на пенсию, но и там он не сидел без дела, а устроился охранником в соседнюю школу. Ее закончили дети Аркадия, ему было приятно там работать. Он любил на переменке собирать вокруг своего стола молодежь и рассказывать им о своих милиционерских подвигах. Аркадий мог долго работать в школе, если бы девочки не начали жаловаться на него родителям. Аркадия осудили на шесть лет за растление малолетних и отправили в спец. тюрьму под г. Нижний Тагил. Там он шил рукавицы, а его жена покончила с собой, выпив уксус.

Заметка автора № 4

Если человек считает себя умным, талантливым, добрым, открытым, замечательным, неординарным, интересным в общении, располагающим к доверию и при этом ему не нравятся концерты Михаила Задорнова, фильмы Никиты Михалкова и моё чувство юмора, то такой человек просто выбывает.

P. S. Орландо Блум, получивший прозвище «Американский Хабенский» запретил своим друзьям и близким родственникам называть себя «Адмираль» (произносится как Адмираль, со смягчением на конце)

Апофеоз

«Озноб», выпуск этого года завершен. Это не значит, что следующий выйдет только через год, я не намерен жить так долго, но это и не значит, что он выйдет завтра, это вообще ничего не значит. Ниже отведено место для ваших заметок, автору будет искренне наплевать на них.

Рецензия

«Если человек не пьет и не курит, поневоле начинаешь задумываться, а не сволочь ли он?» (Чехов А.П.)

Вот собственно, то место, куда автор вышеизложенного непременно бы наплевал, как помышлял ранее, если бы не прошествие лет... и вот он уже сам требует отзывов и сам назначает себе рецензента. Что ж, такова воля автора, которой без всякой на то необходимости можно следовать.

Пред нами текст. По мнению автора, «сборник некро-сатирических рассказиков», общим числом их 28, включая введение, 4 заметки автора и апофеоз (все подсчеты произведены рецензентом самостоятельно в целях качественного анализа ценности написанного). Сюда же плюсом идут цветные иллюстрации автора с краткими подле них комментариями автора же. Итого получается, что работа сплошь авторская: от идеи до оформления, что облегчает нам задачу и позволяет говорить об одном совершенно конкретном тексте и одном совершенно конкретном человеке: Сердюков С.В. род. в 1986 году, в 2008 году окончил вуз по специальности «философия». Известен читателю по рассказам «Дендроид», «Роман с Порно», «О том как Поликарп с Антипом на тот свет попали» и др., а также как автор статей «За жизнь», «Хай, Файерстоун» (см. журнал «Б», «В», «Д», «Ё», «Ж», 2004-2008 гг.). Малоизвестными для широкого круга читателей остались поздние работы Сердюкова С.В., такие как «Дерево», «Я – Христос» и др. То же можно сказать и о «сборнике некро-сатирических рассказиков» «Озноб». Не потому ли, что он и задумывался как послание, адресованное только одному человеку?

Рассказы, как правило, не превышают и трети страницы и имеют весьма непредсказуемую концовку, будто бы говорящую, что логика автора и логика под ред. Кириллова и Старченко – это две разных логики. Читатель вправе на это обижаться, в его же праве – недоуменно улыбаться или хохотать, или одобрительно кивать головой, но уже без улыбки. Фантазия и реальность, прошлое и никогда не существовавшее – равно действительны для автора, вот почему кто-то склонен воздать по чести авторскому воображению, а кто-то корчиться от боли и обиды узнавания.

Самое время пройтись по страницам повествования и отметить мотивы личного и социального в побуждениях пишущего. Так, хочется думать, что гражданская сознательность автора вылилась в рассказы «Милиционер», «Конченный». Не прошли незамеченными и студенческие годы С.В.Сердюкова («Похороны», «Как лицо Каучуши»). Самообличающими звучат слова С.В.Сердюкова: «Исчезнет кино, так может и от меня ничего не останется» («Кино»), как рефлексия человека, никогда не читавшего книг... Однако ни у кого не возникает сомнения в том, что С.В.Сердюков многогранен в выборе описываемых тем: тема дружбы («Друг»), тема любви («Игра»), тема христианства («Рыбы»), тема знакомой женщины («Лошадь»), тема пьяной знакомой женщины («Пьяная»), тема героя («Герой»), тема Кафки («Кафка»)... Но всё же особо замечательными остаются заметки автора как квинтэссенция его способности уместить умное и смешное в лаконичном. То же имеет отношение и к комментариям иллюстраций, добавляя которые, автор зарекомендовал себя как уверенный пользователь ПК. Что, безусловно, повысило бы рейтинг его резюме в случае необходимости.

Как явление в мире современной литературы С.В.Сердюков не получил ещё ни одного качественного определения. «Послевоенный Хармс» или «наш ответ кузбасским соседям на их гришковцы»? Я же, как первый и пока единственный исследователь творчества нашего земляка С.В.Сердюкова, уроженца земли алтайской, оставляю за вами право дальнейших, отличающихся разной степенью правдоподобия, конструктивных интерпретаций его текстов.

Сазонова Е.

Андрей МАХАОН ►**▼ КРИВОКОБЫЛЬСКИЙ** (цикл, который никогда не будет окончен)

Кривокобыльский был литературным гурманом. Он часами стоял в «Книжном мире», снимал с полок новинки и брезгливо кривился. Откроет Токмакова, прочтёт: «Я вышел из ломбарда на улицу» и морщится. Прочтёт Веллер: «В Копенгагене я сделал сделку», – и снова невнятный мат. «У меня на губах была маленькая улыбка. Такая маленькая улыбка... что эту улыбку никто не видел» – и Гришковец со скрипом вонзается в полку. А потом Кривокобыльский сам стал писателем. И к стилю сделался глух. «Видимо, это профессиональное», – думал он, любовно глядя на ёстрые корешки...

2

Кривокобыльский любил физические упражнения. Как-то раз на выходных он трижды поднялся на гору, подпирающую слово «БАРНАУЛ». И там его настиг приступ безумия. Он вдруг подумал: «Мне 26 лет, и я хочу семью...» Тогда он начал увершевать себя: «Ты же богемный поэт, тролль, лжец, плут и выжига. Как тебе не стыдно думать о такой мерзости!» Но внутренний голос упорствовал. Тогда умный Кривокобыльский свернулся в клубочек и скатился с горы, сломав себе два ребра. И безумие в очередной раз отступило.

3

Его юность

В разговорах он как бы невзначай упоминал, что университет и общежитие (где у него м а с с а друзей), – находятся в сосновом лесу. Да, спору нет, это мило, иди по ковру из хвойных иголок, вдыхать пряные запахи, топиться на автобус (областная библиотека в центре, ехать сорок минут), осторожно любоваться своей частью, не рассказывая о том, что греческий и латинский язык пьют его кровь, что комната – проходной двор, ночами он не спит, а бродит по коридору под ЕЕ дверями, колупает зеленую краску и читает упражнения в остроумии вроде «В маленькую комнату извольте отстукивать «Времена года» Вивальди, а то не откроемъ!»

4

Однажды Кривокобыльский пришел на работу в полседьмого утра. Дверь в отдел была открыта. Там сидела некрасивая бездетная журналистка Таня. Кривокобыльский подумал: «А где я в этом потоке?» И глядя на лошадиное лицо Тани, тихо растворился в воздухе, как капля краски в ацетоне 646. А Таня написала кому-то в Фейсбуке: «Хочется тортика. Как заставить себя расхотеть его?» Светало.

5

Кривокобыльский считал себя чайлдфри. Однако был отнюдь не ортодоксален. «В принципе, в желании иметь детей нет ничего странного. Это так же естественно, как то, что люди бухают, курят шмаль, ездят в Таиланд. Поэтому нужно быть к ним терпимым», – поучал он.

6

Глядя на 20-летних студенток – грациозных, с нежной, матовой кожей – Кривокобыльский думал о том, что через каких-то пять лет многие из них заплынут жиром, станут невзрачными и банальными бабищами.

– А вот мои преимущества таятся не снаружи, а внутри, – говорил он соседке, любовно поглаживая себя по большому животу.

– Да кому ты нужен, – реагировала девушка с пирсингом.

В ее планшете был загружен неизменный Чак Паланик.

«Как это трогательно, – подумал Кривокобыльский. – Через пять лет она скачает себе «Тысячу лучших рецептов» и успокоится. А я умру от пьянства».

И был, как всегда, прав.

НЕ КРОПОЛЬ

Иван ОБРАЗЦОВ ►

▼ МОГИЛА ТРЕВОЖНОГО СЕРДЦА (из материалов к книге) продолжение

1941 год, начало ноября.

Худой, болезненного вида человек, некогда прозванный московским Цицероном и гремевший на всю столицу, тяжело поднимался в гору, перешагивая навозные кучи и чавкая сапогами по грязи смешанной с мокрым снегом. Это был широко известный, но, как он теперь понял, в узких кругах поэт Вадим Шершеневич.

Чем больше унылых дней проводил он здесь, в эвакуации, тем сильнее угнетала мысль, что этот небольшой сибирский городок охладит любой поэтический пыл сильнее, чем весь вместе взятый репрессивный аппарат Советской республики. Высокие горы и мрачные люди - слово поэт означало здесь что-то вроде помеси артиста, агитатора и юродивого, и, в целом, совершенно бесполезного в хозяйстве человека. Сочетание же поэт-модернист вызывало у мрачных сибиряков веселье, а то и могло пойти в народ в качестве оскорблении. «Модернист, модернист!» - дразнили друг друга возившиеся на улице дети и били по ушам. «Модернист, мать твою!» - угрюмо ругали незадачливого ученика мастера на оборонном заводе.

Ленина и Сталина здесь знали все, но совершенно бессмысленно было объяснять, кто такие Брюсов или Андрей Белый. Впервые идя выступать в один из военных госпиталей, Вадим полагал, что народ будет поражён, увидев воочию такого известного поэта, как Шершеневич. Всё оказалось совсем не так, и он, теоретик имажинизма, известный оппонент Маяковского, московский Цицерон, весь вечер рассказывал только о том, как лично был знаком с Есениным и Маяковским – только это интересовало и поражало слушателей. Другими словами, поэт Вадим Шершеневич, со всеми своими теоретическими изысканиями, стихотворениями и переводами был совершен-но никому неинтересен и неизвестен.

Что касается его переводов Шекспира, Корнеля, Сарду или французских поэтов-символистов, то из-за них случались вообще нелепые казусы. Например, неделю назад, во время очередного литературного концерта в местном народном кружке сочинителей, после прочтения Вадимом своих переводов Шекспира, одна милая старушка, сидевшая в первом ряду, наивно спросила: «А вы что ж, и этого Шекспира тоже знали?»

Вадим объяснил, что Шекспир умер ещё в начале семнадцатого века, но по лицу бабули было ясно, что она совсем не поняла, зачем переводить того, с кем не был даже знаком.

- Гаер, - всё чаще вспоминал Вадим свой старый псевдоним: Шут гороховый...

Ты на Малотобольской, а может в проезде Крестьянском,
С пролетарием въёшься, ругая суму и тюрьму.
Эта ночь повторяется, дикая и полупьяная,
И уносит тебя, без креста, в необщитом гробу...

По прибытии в Барнаул, Вадима Шершеневича с женой, актрисой московской оперетты, Марией Волковой, разместили проживать недалеко от бывшего Нагорного кладбища, в частном доме на улице Денисова. Хозяйка дома, Люба, оказалась по-своему доброй, но эстетически сложно переносимой, по причине всегда выящегося вокруг неё запаха потных подмышек и грязного белья, женщиной.

Ты на Малотобольской, а может в проезде Крестьянском,
С пролетарием въёшься...

«Господин-товарищ Шершеневич» – Любина манера обращаться к Вадиму тоже коробила, но ничего поделать с этим было невозможно. Видимо, так она невольно выражала своё чутьё дворянских корней Шершеневича, которые у него были, как говорится, на лицо. Марию Люблюбила с самого начала, но это было закономерно и взаимно – уж сильно разнились их представления о том, какой должна быть приличная женщина. Потому они старались не обращаться друг к другу вообще никак, а если возникала такая необходимость, то это всегда было сухое «Люба» или «Мария Михайловна».

Ты на Малотобольской, а может в проезде Крестьянском...

В голове часто крутились строчки какого-то, то ли столичного, то ли невольно сочинённого самим Вадимом романса – в унылой и будничной суете постоянных необходимых выступлений и литературных встреч он просто не находил сил, чтобы в этом разобраться. Позже, совершенно случайно, Вадим узнал, что в Барнауле есть и Мало-Тобольская улица, и Крестьянский проезд, и списал навязчивую мелодию романса на собственный счёт.

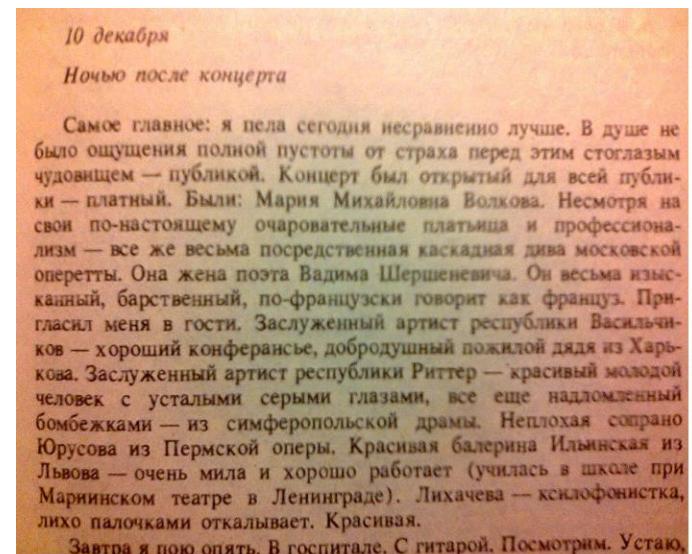
Ты на Малотобольской, а может в проезде Крестьянском,
С пролетарием въёшься, ругая суму и тюрьму.
Эта ночь повторяется, дикая и полуспящая,
И уносит тебя, без креста, в необщитом гробу...

Вообще, состояние какой-то неопределённой тоски не покидало Вадима уже много лет, а точнее, с того самого дня, когда его Юля, Юленька, Жюли так бессмысленно и нелепо покончила с собой, в двадцать седьмом нажав своим тонким пальчиком на курок револьвера. Ни смерть Валерия Брюсова в 24-ом, ни самоубийство Есенина в 25-ом не стали для него той точкой, с которой заканчивается жизнь – поэты не умирают, этой мыслью всегда можно было утешиться и оправдать потерю. Но то поэты, у них всегда есть шанс стать историей, мифом, потому что смерть поэта касается всех. А что делать со смертью любимого человека, что делать с личной трагедией, когда у других людей полно таких же личных трагедий, собственных концов света – ответа на этот вопрос не было.

Ветер, думал он, здесь тепло, когда нет ветра, но ветер здесь есть всегда. В этом городке можно было пойти в любую сторону – ветер всегда дул в лицо.

Каждый день был суеверен и нелеп, начиная с самого первого дня их приезда в город. Товарные эшелоны и эшелоны с эвакуированными людьми – всё смешалось на барнаульском вокзале в одну кричащую, гремящую, говорливую и шумную массу.

В кабинете, где оформляли документы эвакуированным артистам, пришлось стоять в огромной очереди, состоящей из бородатых мужиков, женщин с баулами и чемоданами, детей и людей в шинелях. Когда подошла очередь, Вадиму пришлось три раза повторять по слогам свои фамилию и отчество, и когда в третий раз тётя с суральным взглядом записала опять неправильно «Ширшеневич Вадим Габриэлевич», то он уже не стал её поправлять. Тем более, его имя вызывало подозрительную недоверчивость у любого советского товарища, с того времени, как заработала мощная агитационная машина государства. На каждом углу висели плакаты, которые призывали к бдительности, и объясняли, что иностранные шпионы, враги государства и прочие вредители могут быть везде, но особенно активно прячутся в тылу. Народ предпочитал перегнуть палку, чем недогнать, а на этом фоне «Ширшеневич Вадим Габриэлевич» звучало, как настоящий компромат, как верный признак того самого «иностранныго шпиона» и «вредителя»...

из воспоминаний Т. И. Лещенко-Сухомлиной
1941 г.

НАШИ АВТОРЫ

► Алексей АРГУНОВ

Родился в 1972 году. Окончил исторический факультет АлтГУ в 1997 году. Живет в Барнауле. Основное занятие: созидание и борьба с современным безумием. Нигде не публиковался.

► Ника БАТХЕН

Журналист-фрилансер, проживаю на Украине, в городе Феодосия. Родилась в Ленинграде, в 16 лет была вывезена в Израиль, в 19 вернулась в Россию, с 23 до 37 жила в Москве, в 37 уехала на ПМЖ в Крым.

Основные прозаические публикации: повесть «Венецианская Лазурь» в сборнике «Грани», сборник рассказов «Остров Рай» («Регистр», Беларусь), рассказы «Не стреляй», «Сказка про перчатку», «Сказка о добре и зле», «Сказка о потерянном времени», «Сказка о потаённых дверцах» в журнале «Полдень 21 век», рассказ «Огонь» в журнале «Мир Фантастики», около 50 публикаций в различных сборниках и журналах в России, Беларуси, Украине, США, Израиле, Германии, Франции, Польше и Болгарии.

Член Южнорусского союза писателей. Дипломант Волошинского конкурса-2011 за рассказ «Фараоново племя», лауреат «Интерпресскон» в номинации «Дебют», лауреат конкурса «Заблудившийся Трамвай», лауреат конкурса «Артбухта», награждена премиями «Петраэдр» и «Золотой Жук», медалью имени Гоголя за сказочную литературу.

► Виктория БЕРГ

Журналист, редактор, специалист по связям с общественностью. Родилась в Москве, живёт в Калининграде. Начала печататься в 1995 году в местной молодежной газете – стихи, статьи.

С 2004 года размещает свои произведения на сайте «Стихи.ру», где ранее являлась исполнительным редактором творческой мастерской «ЕЖИ», а в данный момент является попечителем литературного сообщества «Психоделика». Публикации в журналах Зарубежные задворки» (2012), «Новая реальность» (2012, 2014), «Европейская словесность» (2013), «Южное Сияние» (2012, 2013) и др.

Автор Южнорусского Союза Писателей

► Платон БЕСЕДИН

Прозаик, Севастополь.

Автор романа «Книга Греха», вышедшего в российском и украинском издательствах в начале этого года.

Публиковался в периодических и сетевых изданиях («Новый берег», «Радуга», «Крещатик», «Литературная газета», «День и ночь», «Дети Ра» и др.), Печатался в сборниках прозы «Станция Рай», «Рассказы новых писателей» и др.

Победитель, лауреат конкурсов «Нонконформизм», «Активация слова», «Дебют», «Согласование времён», «Славянские традиции» и др.

Куратор «липкинского» Форума в Украине, участник форумов молодых писателей. Ведущий книжного обозрения, критик в периодике России и Украины.

► Борис ГРИНБЕРГ

Поэт, прозаик, драматург.

Родился в Новосибирске в 1962 году. окончил факультет приборных устройств Новосибирского Электротехнического института. Член СП России. Автор четырёх книг. Публиковал стихи и палиндромы в журналах «Сибирские огни», «Футурум-арт», «Крецатик», «Дети Ра» и др. Участник «Антологии русского палиндрома XX века» (2000), «Антологии русского палиндрома, комбинаторной и рукописной поэзии» (2002). антологии «Русские стихи 1950 - 2000» в 2-х томах и других.

Лауреат премии журнала «Футурум-Арт».

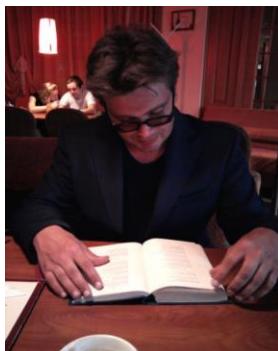
Под псевдонимом Рис Крейси - лауреат нескольких региональных и международных конкурсов.

► Сергей ГЛАВАЦКИЙ

Поэт, драматург, музыкант. Родился в Одессе. С 2002 г. – Председатель Южнорусского Союза Писателей, с 2007 г. – Председатель Одесской областной организации Конгресса литераторов Украины, с 2008 г. – руководитель Одесской областной организации Межрегионального Союза Писателей Украины, член редакционных коллегий пяти литературных изданий на Украине. Лауреат Всеукраинской литературной премии им. М. Матусовского (2008). Главный редактор литературного интернет-проекта «Авророполис» (2002-2009). Составитель Одесской антологии поэзии «Кайнозойские Сумерки» (2008, Одесса). Организатор Международного поэтического фестиваля «Межгород» (2009, Одесса).

Произведения опубликованы в антологии «Украина. Русская Поэзия. ХХ век» (2008, Киев), в альманахах «Меценат и Мир. Одесские Страницы» (Москва), «Ковчег» (Житомир), «Свой Вариант» (Луганск), «Провинция» (Запорожье), «ОМК» (Одесса), «Дерибасовская – Ришельевская» (Одесса), в журналах «Российский колокол» (Москва) и «Ренессанс» (Киев), газетах «Литература и жизнь» (Киев), «Отражение» (Донецк), в интернет-журналах «Пролог», «Новая литература», «Точка Зрения» и др. В 2006 году вышла книга стихотворений «Неоновые Пожары», а в 2008 г. свет увидела книга драматургии «Апокалипсис Улыбки Джоконды», написанная в соавторстве с Евгенией Краснояровой.

► Константин ГРИШИН

Родился на Алтае в 1986 году. Окончил филологический факультет Алтайского государственного университета. Публикации в журналах «Ликбез», «Встреча», «Барнаул литературный», «Культура Алтайского края», «Алтайская миссия», «Урал», «Литера Днепр» (литературная критика, проза, эссеистика).

► Михаил ГУНДАРИН

Родился в г. Дзержинске Горьковской обл. На Алтае живет с 6 лет. В 1991 г. закончил факультет журналистики МГУ. С этого же года по сей день – преподаватель АлтГУ. Кандидат философских наук, автор ряда работ по связям с общественностью и теории коммуникации, удостоенных профессиональных наград. Преподавательскую деятельность активно сочетает с работой в средствах массовой информации. Автор нескольких книг стихов (первая, «Календарные песни», вышла в 1994 году, последняя на сегодня «Горячо : бесполезно» - в 2008-м). Автор нескольких повестей и романов, пьес. Занимается литературной критикой. Отмечен несколькими наградами литературных фестивалей и конкурсов. Член союза российских писателей. Входит в редколлегию журнала «День и Ночь» (г. Красноярск). Член литбюро «Ликбеза» и постоянный автор журнала с 1992 года.

► Артём ДЕРЕВЯНКИН

Родился 14 июня 1987 г. в орденоносном городе Барнауле. В 2009 окончил исторический факультет педагогического университета, милостью божьей переименованного в академию. После учился на журфаке унинера классического, откуда благополучно самоликвидировался (не всё же начатое завершать, в самом деле!) Опосля тщетных попыток заткнуть собою пробоины ветшающего мирозданья, был наконец куплен на невольничьем рынке труда благодетельной "Почтой России", где и тружусь по сей день, успешно избавляясь от накопленного багажа знаний, умений и навыков.

Перевожу безысходность на русский. Не богат, не женат и не судим, однако чертовски талантлив.

► Руслан ДОЛЖЕНКО

33 года, русский. К.э.н., доцент

Холост (читающая эти строки, а может быть ты - моя судьба и тогда я бы отвёз тебя в поле и между двумя деревьями покрыл собой как снег. А потом смотрел, как таю на твоей коже и в уголках твоих глаз).

2 ребёнка: Сын и дочь

102 научных труда, в том числе: 46 научных статей из списка ВАК; 4 монографии.

Достижения:

Победитель Краудсорсингового проекта Сбербанка «Корпоративная социальная ответственность»;

Инновационная разработка «Немонетарная система мотивации руководителей ВСП» в 2013 году была каскадирована на 200 крупнейших ВСП Сибирского Банка;

За инновационные достижения размещён на доске Инноваторов Сибирского Банка ОАО «Сбербанк России»;

Перевод на систему грейдов 16 отделений Сбербанка, 5400 сотрудников;

Победитель конкурса «Лучший доцент» в 2013 году в Алтайском Институте труда и Права (Филиал АТИСО);

Актер второго плана в фильмах студии «Кино-Ликбез»: «Кадо» и «Мужчина умнее женщины»;

Публикации рассказов в журнале «Ликбез».

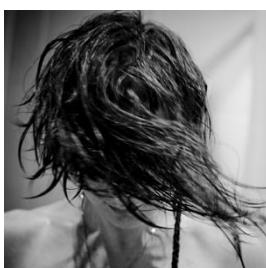
Самые важные достижения впереди....

► Вячеслав КОРНЕВ

Отец-основатель и Главный Редактор «ЛИКБЕЗа»

Преподаватель Алтайского госуниверситета, организатор фестиваля авторского кино «КиноЛикбез» <http://www.kino-likbez.ru/>, автор трех книг по философии повседневности, председатель Клуба любителей интеллектуального кино, автор фильмов «Зоб» (2009), «Кадо» (2010), «Вырванные страницы из дневника Ленина» (2011), «Ремень» (2012), «Капитализм» (2013).

Родился 2-го июня 68-го в Барнауле в результате случайной локализации мировой пассионарной энергии. В детстве был впечатлительным и книжным мальчиком, после службы в рядах СА неожиданно стал волевой и цельной натурой, в период учебы и затем работы в Алтайском госуниверситете превратился в гуманистически ориентированного мизантропа. Поворотным фактом биографии стало прочтение книги В.С.Соловьева «Оправдание добра» на 1-м курсе исторического факультета АГУ, а также знакомство, быстро переросшее в дружбу, с Сергеем Липовым, Сергеем Лёвиным, Игорем Копыловым, Владимиром Токмаковым, Михаилом Гундариным. Всё это в совокупности привело к основанию в 1989 г. (вместе с С.Ю.Липовым и С.Ю.Лёвиным) литературного альманаха «Ликбез» и последующей бессменной деятельности у его кормила.

► Кристина КАРМАЛИТА

Родилась, выросла и продолжают топтать землю Новосибирскую. Рано отдали в школу, потому толком оттуда ничего не помню. Постоянно путаю даты, имена, события, слова, потому говорить публично избегаю дабы глупостью своею не смутить слушателей. Мечтаю о яхте с алыми парусами. Люблю маму и папу, и всех остальных кого люблю. Иногда фотографирую людей, иногда снимаю их на видео и монтирую смешные сюжеты. Поэтому себя не считаю, но писать люблю, а порой и читать. Характер ветреный. Не замужем

► Екатерина КЛИМАКОВА

Родилась в 1985 г. Живет в Новосибирске. Кандидат филологических наук, преподаватель НГТУ и СибГУТИ. Автор двух книг. Публиковалась в коллективных сборниках и толстых журналах ("Сибирские огни", "Дальний Восток", "LICHTUNGEN" (Австрия), "Новосибирск"). Участник Всероссийского (Сургут, 2009) и Международного (Каменск-Уральский, 2011) совещаний молодых писателей. Заместитель руководителя Литературной мастерской В.К.Хрипунова. Член культурно-просветительского клуба "Этнос", руководитель филологического салона. Участник фестиваля экспериментальной поэзии EXPERIENCES-2011.

► Иван КУДРЯШОВ

Меня иногда спрашивают: «А как вообще читать твои тексты?» Отвечаю: «Внимательно».

Полагаю, ничего большего мои тексты и не требуют.

Из анкетных данных оставил только две: родился в лето 1983 года, женат.

В «молодых и талантливых» себя давно не числю. Есть и моложе. Так что: талант, только талант. И, кстати, «подающим надежды» меня, слава богу, перестали называть. Значит, надежды эти я-таки окончательно кому-то подал. Мое литературное существование теперь вполне может быть названо «без-надежным». Но крахнутые надежды – хороший повод предъявить себе счет за свет разума, финансовую состоятельность и онтологическую соразмерность.

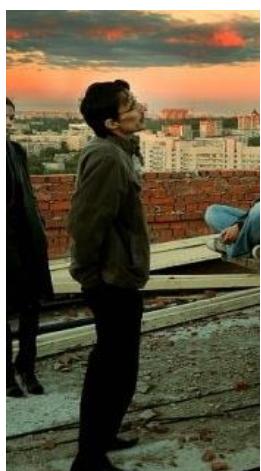
Писать я начал стихийно, и этому казусу уже минуло 10 лет. Пишу, потому что процесс этот по своей принудительности едва ли не физиологичный: пишу, когда не могу не реагировать. Иными словами, я просто реагирую, хотя в этом «просто» как в больших круглых скобках заключена самая значимая часть моей жизни.

И напоследок слова без иронии (черт возьми, неужели я на это еще способен): я искренне рад каждому своему читателю, даже не зная его.

Надеюсь, чтение доставит вам удовольствие. И сим наглым заявлением я окончу.

► Константин КОМАРОВ

Поэт, литературный критик, филолог. Аспирант филологического факультета Уральского Федерального Университета им. Б.Н. Ельцина. Лауреат премии журнала «Урал» за литературную критику (2010). Лонг-лист премии "Дебют" в номинации "эссеистика" (2010). Участник Форума молодых писателей России и стран СНГ в Липках (2010, 2011, 2012), Международного Совещания писателей в Переделкино (2011). Критические статьи и стихи публиковались в журналах «Урал», «Новый мир», «Вопросы литературы», «Бельские просторы», «День и ночь», на сетевом портале «Мегалит».

► Олег КОПЫЛОВ

У нас в стране есть несколько Железногорских. Есть Курский, есть в Красноярском крае, а еще – Илимский, самый восточный. Там я и родился, в августе 76 года.

Ходил в детский садик «Лесная сказка». Садик не любил. Ходил в школу. Еще ходил в совет дружины и в городской пионерский штаб. В комсомол уже не ходил, потому что Союз внезапно и скоропостижно закончился. Где-то в это же время в институте мне выговаривали: «Ну чего ты тут-то делаешь? А? Ты – поэт! А?» А я бормотал, что никакой не поэт, и давайте я вам лучше расскажу билет.

Тем не менее, в январе 96 года заглянул в дверь редакции и, сильно смущаясь, спросил: «Это «Иркутская культура?» - «Молодой человек! – загремели в ответ – Где вы тут видели культуру? Это вертеп!» Стихи напечатали. Потом публиковался еще в разных других газетах. Участвовал в поэтических сборниках Новосибирска и Ярославля. Еще – в песенно-поэтических фестивалях, акциях, др. Когда встречала песни на свои стихи в сети, то говорю несколько абзацев неразборчивого текста. Дурак потому что.

«БРЕД»

► Андрей МАХАОН

Осенью 2010 года на него вдруг напала страсть к бродяжничеству, к болтовне; он начал останавливать самых высокопоставленных лиц на площадях или в присутственных местах, жалуясь им на оказанную ему несправедливость, уничтожал съестные припасы, опустошал поля и бегал по дорогам, грозя кому-то жестокой местью. Мало-помалу несчастный вообразил себя богом, царем вселенной и даже говорил проповеди в Никольском соборе о своем высоком назначении. Когда его поместили в дом попечения умалищенных, он вначале держал себя тихо, пока был твердо убежден, что здесь никто не сомневается в его могуществе; но при первом же противоречии стал грозить, что опрокинет земной шар, разрушит все государства и сделает себе пьедестал из развалин целого мира. При этом несчастный называл себя владыкой вселенной, олицетворением стихий и – то братом, то сыном, то отцом солнца.

«Мне уже надоело, – кричал он, – содержать на свой счет такую массу солдат и праздношатающихся! Справедливость требует, чтобы, по крайней мере, правительство и богатые люди прислали мне значительную сумму денег для уплаты долгов смерти!» Так называл он требуемый им налог и обещал навсегда сохранить жизнь уплатившим его.

► Наталья НИКОЛЕНКОВА

Родилась в Барнауле в семье инженеров. Отец - из астраханских казаков, мама - из питерских крестьян. Окончила среднюю школу №25 с золотой медалью, музыкальную школу №3 по классу фортепиано - без орденов. Читаю с трёх лет. Стихи пишу со 2-го класса, активно - с поступления на ФилФ АГУ.

Рост 1.72, вес 60, глаза серо-рыжие, иногда зелёные. Характер остический, мягкий. Лёгкие девиантные расстройства личности.

Достижения: одна дочь, четыре книжки («Чтобы встретиться», «Девятое марта», «Карманная психиатрия», «Малютка жизнь»), миллион друзей, божественно прекрасных.

► Иван ОБРАЗЦОВ

Родился 21 ноября 1977 года в городе Бийск Алтайского края. Живу в городе Барнаул. Веду сеть литературных клубов КГБ (КультуроГородаБ). Работаю в Алтайском краевом доме литераторов. Председатель закрытого поэтического сообщества СиняяСобакаРА.

► Мария РАЙНЕР

Родилась в 1975 году, в городе Рубцовске Алтайского края. Закончила Барнаульский государственный педагогический университет, факультет иностранных языков. Печаталась в журналах «Алтай», «Барнаул», «Бийский вестник». мечтает жить в Сиэтле (городе кофе и дождей).

► Ирина СОТНИКОВА

Родилась и живет в Крыму. Первая публикация состоялась в 1994 году в крымской газете «Южная Столица». Автор поэтических сборников «Жёлтый след» (2000 г.), «Филигрань» (2002 г.), «Открытое пространство» (2005 г.), песенного сборника «В добрый путь» (2003 г., композитор Л. Тимошенко), многочисленных публикаций в газетах и журналах не только Крыма, но и Украины. В 2013 году увидел свет новый сборник «В Небесном Городе». Участник печатного проекта «Я люблю этот город», посвященного 220-летию г. Симферополя (2003 г.), и «Кто есть кто в крымской фантастике» (2004 г.).

Как литературный переводчик – автор переводов в хрестоматии «Крымскотатарская литература» (2005 г.), переводов поэтов республики Катар: Соад Эль Коари «Принцесса пустыни» (2004 г.) и Мухаммад бин Халифа Эль Атыя «Сердце мое – арабский оазис любви» (2006 г.).

Член Южнорусского Союза Писателей (ЮРСП) и Национального Союза писателей Украины (НСПУ). Автор ряда поэтических и публицистических статей в периодических изданиях. Параллельно все эти годы работала журналистом и редактором в крымских изданиях (1996–2006 г.г.), участник многочисленных телевизионных проектов, посвященных крымским писателям и крымской литературе.

Увлечения – литература, искусство, спорт, садовый дизайн и многое другое.

► Александр РОМАНЦОВ

Родился 11 сентября 1984 в городе Рубцовске в семье своих родителей. Как положено начинающему человеку, отбыл срок в детском саду и средней школе. Окончил местный педагогический колледж. Видел цветные сны.

В 2004 приехал в город Барнаул. Поступил в БГПУ, обучение в котором в 2007 успешно забросил, лишив себя как постоянного занятия, так и постоянного места жительства. Любил немногих, однако сильно. Был грузчиком, сторожем, почтальоном, вожатым, охранником. Остался человеком.

Писать начал с пяти лет. Писать стихи – гораздо позже.

Любит мороженое.

Ныне живет и здравствует. Видит цветные сны.
Не привлекался. Холост.

► Александр РЫЖОВ

Родился в Барнауле в 1985 году. Второе рождение получил после чтения Эриха Фромма. Третье – после чтения Германа Гессе. Ну и так далее... В данный момент получаю образование магистра в АлтГПА на филологии.

► Василий СЫРОЕЖКИН

Выдержка из БСЭ:

ВАСИЛИЙ СЫРОЕЖКИН – потомственный рабочий, в прошлом диссидент, поэт, скандалист. Вернувшись из затяжной сибирской ссылки в Ленинград возделывает нивы патриотизма и православия. Апологет трудолюбия и чести. Холост. Слегка прижимист. Не еврей.

► **ТОВАРИЩ У**

Известен в Интернете под одноименным псевдонимом. Свободный художник и холодный философ, вынужденно виртуальная личность, урвавшая свой кусок киберпространства в виде сайта <http://tov.lenin.ru>. Убежденный концептуалист, конспиратор и стиратель личной истории. Аположет неоленинизма в 21 веке. Стремится к состоянию тонкой эфирной субстанции. Категорический попутчик, друг, соратник и автор «Ликбеза», каковой альманах считает наглядным опровержением домыслов о смерти русской литературы и русской пассионарности. В настоящее время в миру занят исследованием возмущений нелинейных дифференциальных систем, не меняющих временных симметрий.

► **Лев Николаевич ТОЛСТОЙ**

Граф. Великий русский писатель и философ. Большую часть жизни провел в своём поместье Ясная Поляна. Учился в Казанском университете, служил в армии на Кавказе. В 1854-55 гг. Участвовал в обороне Севастополя. В 1859 г. организовал собственную школу в Ясной поляне, издавал педагогический журнал. Написал 22 тома литературных, публицистических и мемуарных произведений. Постоянный автор «ЛИКБЕЗа», начиная с 4-го номера. Помимо главного произведения русской и мировой литературы (см.: печатный «ЛИКБЕЗ», № 4-7, 10-22, электронный «Ликбез»; 4-95), здесь были опубликованы басни и рассказы («ЛИКБЕЗ», № 5), а также програмная статья «Что такое искусство?» (в сокращении, см.: «ЛИКБЕЗ», № 6). Что касается романа «Война и мир», то редакция нашего альманаха планирует закончить публикацию первой части первого тома этого великого произведения к тысячелетию со дня рождения автора - 28 августа 2828 года.

► **Юрий ТАТАРЕНКО**

Родился в 1973 году в Новосибирске. Поэт, автор 4 книг стихов. Член Союза писателей России. Победитель открытого городского поэтического турнира (Новосибирск, 2013), открытого областного конкурса «Томск поэтический» (Томск, 2013), Международного фестиваля поэзии (Симферополь, 2012). Публиковался в журналах "Сибирские огни", "День и ночь", в "Литературной газете" и др.

► **Тимофей ТИМКИН**

Родился в 1994 году. Учусь в НГУ на филолога. В 2013 году опубликовался в новосибирском альманахе "Город поэтов". В Интернете мои стихи можно встретить под ником "Инженер Шурик". В поэзии ценю красоту и изобретательность; люблю, когда поэт умеет необычно обращаться с миром и с языком.

► Елена ТИХОМИРОВА

Родилась в 1978 г. в г. Москве. Проживает там же. В 1998 г. закончила филологический факультет НГУ Н. Нестеровой. Стихи пишет с 2012 года. В сентябре 2013 года заняла второе место в поэтическом конкурсе проводившемся в рамках Международного фестиваля «Провинция у моря – 2013» в г. Ильичёвск (Украина). Состоит в Южнорусском Союзе Писателей (Одесса).

► Устим ЮЖНЫЙ

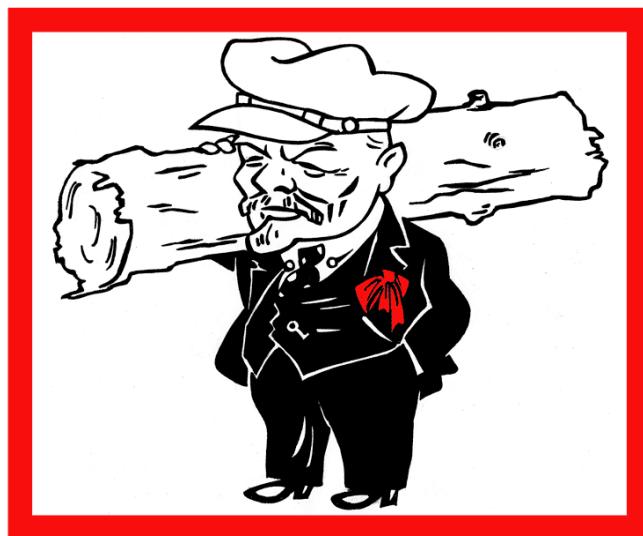
Живет, вырос, крестился и родился в уютном Сибирском городе. В мирные годы размежеванного счастья учился, служил Родине, работал на заводах и учил детей. Как все горожане, время гражданских иллюзий и всепоглощающей гласности, проспал. Период пробуждения прошел в нравственных метаниях, поиске русской идеи и себе подобных. Не принимая восторга перемен, иммигрировал на поселок Восточный, где таки пропитался идеями и духом свободы. Вскоре с эмиграцией порвал, поселился в центре города, а затем вернулся в родное Нагорье.

В период метаний основал среди близких друзей методологическое общество социальной энтомологии и провел исследования на темы «Влияние бабочек капустниц на культуру города», «Борьба с жуками-короедами при государственном строительстве», «Особенности смены пигментации у кузнецов при политической миграции».

Стал инициатором ряда экспедиций в дебри Центральной Азии, на дрейфующую станцию Северный полюс и Антарктиду. В силу непредсказуемости русской хандры, участие в них не принял, а направил вместо себя двух опытных исследователей.

В настоящее время проводит эксперимент по содержанию двух слоников в условиях сибирской неволи с целью использования в домашнем хозяйстве. Любит по вечерам сидеть с друзьями на крыльце своего дома и бесцельно смотреть на звездное небо. Во сне предпочитает видеть лето.

ЛЕНИН

**НЕ КУРИТ
ВСЕГДА ЖИВОЙ**

WWW.TOV.LENIN.RU

НЕ КУРИ

ЛИКБЕЗ № 24 МАРТ 2014

Вячеслав Корнев (главный редактор) wkornev@gmail.com

Михаил Гундарин (зам.глав.редактора) lmstory@rambler.ru

Иллюстрации в номере – Товарищ У

Барнаул, самиздат, тираж: 150 экз.

<http://www.lik-bez.ru>

